«Gaudeamus» навсегда

Истории первых историков ЧелГУ (1976–1981)

ЧелГУ
50

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Челябинский государственный университет

«Gaudeamus» навсегда.

Истории первых историков ЧелГУ (1976–1981)

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2026

УДК 378
ББК Ч448
G26

Издание подготовлено при финансовой поддержке историко-филологического факультета
Челябинского государственного университета

Авторский коллектив:
И. В. Бавыкина, А. А. Беляев, Н. Э. Вашкау, Л. В. Геращенко, М. В. Баландина, Н. Т. Калганова,
М. Н. Потёмкина, С. Н. Кузьмина, Л. А. Бецкова, И. М. Новокрещенова, Л. В. Пономарёва,
А. И. Семёнов, Е. И. Сёмочкина, А. В. Синицын, Т. В. Шевцова, Л. М. Яблонская

Под общей редакцией *М. Н. Потёмкиной*

Эксперты в области подготовки архивных материалов:
кандидат исторических наук, доцент,
декан историко-филологического факультета *Н. В. Гришина*,
кандидат исторических наук, доцент *П. Ф. Назыров*

G26 **«Gaudeamus» навсегда. Истории первых историков ЧелГУ (1976–1981)** : [сетевое электронное издание] / под общ. ред. М. Н. Потёмкиной ; эксперты в области подготовки архивных материалов: Н. В. Гришина, П. Ф. Назыров ; авт. И. В. Бавыкина, А. А. Беляев, Н. Э. Вашкау, Л. В. Геращенко, М. В. Баландина, Н. Т. Калганова, М. Н. Потёмкина, С. Н. Кузьмина, Л. А. Бецкова, И. М. Новокрещенова, Л. В. Пономарёва, А. И. Семёнов, Е. И. Сёмочкина, А. В. Синицын, Т. В. Шевцова, Л. М. Яблонская. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2026. — 208 с. URL: https://histphil.csu.ru/50-anniversary-faculty/

ISBN 978-5-7271-2132-0
DOI 10.47475/9785727121320

Книга «Gaudeamus» навсегда. Истории первых историков ЧелГУ (1976–1981)» посвящена уникальному периоду в истории Челябинского государственного университета — первым годам становления исторического факультета (1976–1981). Авторами воспоминаний выступают выпускники истфака, поступившие в год его открытия. Их живые рассказы, полные романтики студенчества и духа советской эпохи, воссоздают атмосферу зарождения студенческого братства, университетских традиций и первых научных школ на факультете.

Издание основано на личных архивах и дополнено уникальными фотоматериалами и историческими документами, что делает его ценным источником по истории высшего образования на Южном Урале. Книга адресована как профессиональным историкам-исследователям, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей повседневности советского времени и судьбами университетской интеллигенции.

УДК 378.4(471.55)
ББК Ч448.47(2Рос-4Чел)

© Коллектив авторов, 2026
© Потёмкина М. Н., редактирование 2026
© Гришина Н. В., Назыров П. Ф., экспертиза 2026
© Челябинский государственный университет, 2026

ISBN 978-5-7271-2132-0

Содержание

07 Как создавалась эта книга

14 Глава первая
Наш выбор – Челябинский университет

32 Глава вторая
Praesens historicum: труды и дни

56 Глава третья
Учителя с большой буквы

94 Глава четвертая
От теории к практике – за пределами аудиторий

124 Глава пятая
Не только учёбой едины

146 Глава шестая
Житьё-бытьё...

172 Глава седьмая
Alma Mater отпускает в плавание

184 Глава восьмая.
Наши лица, наши судьбы

206 Источники. Литература

Как создавалась эта книга

Пятьдесят лет назад — кто в датах силён, сразу скажет: в 1976 году — мы сделали первый шаг к этому юбилею. Мы выбрали вуз, профессию, судьбу. Мы были теми самыми первыми студентами, которые вошли в пустые еще аудитории нового университета, чтобы наполнить их смыслом, спорами и мечтами. До нас Челябинского университета не было, и вообще в городе не было ни одного университета — наш университет стал первым. Мы были первыми его студентами, очень и очень разными. И только сейчас, организовав своё сообщество для подготовки юбилея, мы осознали своё единство, которое отличает нас от всех других людей. Кого-то из нашего выпуска уже нет на этой земле. А кто-то, может быть, и процветает, но потерял с нами связь в силу разных обстоятельств. Ну, так бывает, это право каждого — кому с кем быть или не быть.

Кому же ещё писать историю, как не нам, историкам? Но эта история не совсем обычна и уж точно не претендует на научность и объективность, потому что мы все — субъекты, каждый со своей точкой зрения. И память у каждого из нас по-своему избирательна, потому и вспоминаем мы разные события очень по-разному.

Как же писалась эта книга?

Идея зародилась ещё год назад, но долго дальше обсуждений дело не шло. Постепенно начался сбор материала.

Мы ознакомились с существующими публикациями, рассказывающими о первых годах становления Челябинского государственного университета. Статьи Г. В. Форстмана и П. Ф. Назырова информативны и интересны. В нашей книге какие-то факты неизбежно будут повторены, но многое прозвучит впервые, так как, прочитав упомянутые публикации, мы увидели очень мало о самых первых годах, о первом наборе/выпуске. Видимо, виной тому наша скромность и жизненная неопытность (наивность). И, скорее всего,

нас (в основном вчерашних школьников) заслонили представители следующих курсов, более взрослые — поработавшие, прошедшие армию, те, кто потом пришли на истфак в качестве преподавателей... Но мы-то были первыми!

И мы обратились к личным архивам и собственной памяти. Обнаружилось, что в папках, спрятанных у каждого в дальних шкафах или на антресолях, сохранилось много чего. И вот в общий чат полетели фотографии... Избалованный современными техническими достижениями читатель сделает замечание про качество фото, но для нас это всё равно дорогая память. Кроме того, их зачастую плоховатое чёрно-белое качество как раз является доказательством подлинности запечатлённых моментов. Собрали около 250 фотографий, но, как всегда, практически все они были без указания дат, людей и событий, на них изображенных. Что-то восстановили по памяти, что-то интуитивно, но часть подписей к фотографиям, помещённым в книге, носит условный характер.

Нас очень выручила подшивка газеты «Челябинский университет» за 1976–1981 гг., чудом сохранившаяся почти в полном объеме у Екатерины Сёмочкиной. Газетные очерки и заметки помогли восстановить хронологию событий, имена сопричастных людей. Некоторые газетные публикации оказались настолько интересными, что мы решили поместить их в книгу в первозданном виде. Понятно, что само печатное издание весьма приглаженное, но это тоже характеристика времени.

В поиске материалов мы обратились в родную «alma mater» — на историко-филологический факультет Челябинского государственного университета. Оказалось, что ещё в 1997–2001 гг. историки факультета инициировали проект по восстановлению истории ЧелГУ. Силами студентов (главным образом, старших курсов) под руководством кандидата исторических наук Павла Флоровича Назырова была проведена работа по интервьюированию выпускников и преподавателей факультета. В результате был сформирован значительный аудиовизуальный и электронный архив, включающий в себя записи и тексты. Несколько фотографий, делопроизводственных документов и два интервью (нашего преподавателя и куратора Г. П. Сусловой и нашего однокурсника Б. И. Ровного) как раз касались периода 1976–1981 гг. и были любезно предоставлены для использования в качестве источников для нашей книги. Следует отметить, что декан историко-филологического факультета Н. В. Гришина и доцент кафедры истории России и зарубежных стран П. Ф. Назыров на протяжении всего времени работы над книгой оказывали нам всяческую помощь.

Активное участие в информационной поддержке книги приняли работники архива отдела документационного обеспечения управления ФГБОУ ВО «ЧелГУ»: заведующая архивом Марина Анатольевна Нагорная, документоведы Татьяна Валерьевна Андронова, Наталья Васильевна Новикова, архивариус Оксана Владимировна Грасекина.

Следующим этапом стал сбор наших собственных воспоминаний о тех годах и событиях, чему мы были свидетелями. Оказалось, что это сложнее всего. Изначально хотелось, чтобы книга стала не парадным официозным изданием, а живой материей, сотканной из студенческих историй, эмоционально окрашенной, правдивой и искренней.

Хочу публично поблагодарить тех, кто нашел время и силы покопаться в глубинных уголках своей памяти и рассказать о том прекрасном времени нашей студенческой юности. Это воспоминания: Ирины Вячеславовны Бавыкиной, Андрея Александровича Беляева, Нины Эмильевны Вашкау, Лилии Валентиновны Ждановой (Геращенко), Марины Володаровны Зудовой (Баландиной), Надежды Терентьевны Калгановой, Марины Николаевны Николаевой (Потёмкиной), Светланы Николаевны Новокрещеновой (Кузьминой), Людмилы Алексеевны Остроушкиной (Бецковой), Ирины Марковны Пазойской (Новокрещеновой), Ларисы Васильевны Пономарёвой, Александра Ивановича Семёнова, Екатерины Ивановны Сёмочкиной, Алексея Владимировича Синицына, Татьяны Владимировны Шевцовой, Людмилы Михайловны Яблонской.

Неожиданно самым дискуссионным стал вопрос о названии будущей книги. Было предложено около двух десятков вариантов. Среди них были и универсальные, с акцентом на наш статус «первых»: «Время первых: Полвека в зеркале памяти», «Начало пути: Университет 1976-го», «У истоков Alma Mater: 50 лет спустя», «Первый набор: Летопись пятидесятилетия». Были и очень личные: «По волнам нашей памяти...», связанные с воспоминаниями о вышедшем в год нашего поступления и ставшем хитом музыкальном диске Давида Тухманова «По волнам моей памяти». Но, читая воспоминания и переписку однокурсников, я обратила внимание на то, как часто в них упоминается слово «Gaudeamus». Хочу пояснить для непосвящённых читателей: «Gaudeamus» — это студенческий гимн, появившийся в европейских университетах в XIII веке. В течение веков песня передавалась из уст в уста и поэтому насчитывает множество вариантов. Текст «Гаудеамуса» впервые был опубликован в 1776 г., а в 1781 г. странствующий писатель Христиан Вильгельм Киндлебен придал ему форму, сохранившуюся до настоящего времени. Буквально заголовок переводится «Будем радоваться» («Возрадуемся»), и это то, что отражает дух молодости и настроение людей, стоящих на пороге большой и интересной жизни.

Мы выучили этот гимн на первом курсе на занятиях по латыни, но даже и студенты естественно-научных специальностей нашего университета, у которых латинский язык не преподавался, знали и пели «Gaudeamus» вместе с нами на посвящении в студенты и других университетских мероприятиях. Для нас это было то, что отличало нас — студентов университета — от студентов всех других вузов в Челябинской области. В первые годы существования ЧелГУ всё делалось для того, чтобы подчеркнуть связь веков и ценность классического университетского образования. Это было духом времени. Сегодня почти все высшие учебные заведения называются университетами, и их статусная градация осуществляется совсем по другим принципам: федеральные, национально-исследовательские, региональные опорные и др.

Этот особый университетский дух — «Vivat Academia! Vivant professores!» — остался в нашей памяти и в наших сердцах навсегда. Вот поэтому эта книга называется «Gaudeamus» навсегда». В подзаголовке звучит словосочетание «Истории первых историков» как некий каламбур, ведь это именно разные истории: не только воспоминания, но и отрывки из интервью, газетные заметки и др.

За дизайнерскую помощь в создании обложки хочу поблагодарить Валерию Титову. На обложку мы решили поместить медаль, выпущенную в ознаменование открытия университета. Её вручили каждому из нас, ведь мы были первыми. Если вы внимательно вглядитесь в фон обложки книги, то увидите, что он состоит из чисел «50». Вот так мы зашифровали наш юбилей.

Работу по обработке фотоматериалов выполнили Татьяна Шевцова и Дмитрий Коновалов. Бессонные ночи над корректорской правкой текста провела Лариса Пономарёва.

Несколько пояснений необходимо дать про структуру книги. Весь собранный материал условно был разделён на восемь глав. В основу был положен проблемно-хронологический принцип.

Первая глава «Наш выбор — Челябинский университет» рассказывает об открытии университета, личном решении поступать именно на специальность «История», вступительных экзаменах и посвящении в студенты.

Вторая глава «Praesens historicum: труды и дни» повествует об учебных буднях: лекциях и семинарских занятиях, сдаче экзаменов, участии в создании университетской библиотеки, наших преподавателях.

В третью главу мы вложили всю нашу любовь и уважение, назвав её «Учителя с большой буквы». Она посвящена руководителям наших специализаций, тем, кто сформировал наше мировоззрение и систему жизненных ценностей, тем, память о ком, мы сохранили на всю жизнь.

Мои однокурсники прислали настолько яркие воспоминания об учебных и производственных практиках, что я решила выделить для них отдельную главу «От теории к практике — за пределами аудиторий». Романтика археологической практики, суровые будни пионерской и педагогической практик (где мы попробовали себя в роли пионервожатых и учителей истории), невероятные приключения в Узбекистане, называвшиеся официально экскурсионно-музейной практикой, оставили в нашей памяти неизгладимый след.

В пятой главе «Не только учёбой едины» мы рассказываем о внеучебной деятельности. Сюда помещены сюжеты про комсомольскую и общественную жизнь, выпуск университетской и факультетской газет, об участии в кружках факультета общественных профессий (вокально-инструментальный ансамбль, университетский хор, театральное отделение), наши спортивные достижения.

Шестая глава «Житьё-бытьё...» даст представление о поездках «на картошку», субботниках и особенностях общежитской «школы жизни».

Выпускные аккорды нашего студенчества звучат в седьмой главе «Alma Mater отпускает в плавание». Она посвящена последнему звонку, сдаче государственных экзаменов и защите дипломов, процедуре распределения.

Законченность книге придает восьмая глава: «Наши лица, наши судьбы». Как мы прошли свой жизненный путь после выпуска из университетских стен? По-разному. Но нас объединяло главное — искреннее любопытство и завет наших учителей: «Оживлять историю человечества так, чтобы она была доступна людям завтрашнего дня». Практически все из выпуска какой-то период, а часто

и всю жизнь выполняли главную миссию историков: сохранение исторической памяти и передачи её потомкам. Историки первого выпуска трудились школьными учителями, руководителями кружков в системе допобразования, работниками музеев и архивов, сотрудниками индустрии туризма, журналистами, преподавателями высшей школы, научными сотрудниками в академических научных учреждениях; занимали (и занимают) должности директоров школ, заведующих кафедрами, деканов и проректоров. Гордость первого выпуска историков Челябинского государственного университета — 12 кандидатов наук (исторических, философских, педагогических) и 4 доктора исторических наук (Н. Э. Вашкау, М. Н. Потёмкина, В. С. Мосин, Б. И. Ровный).

Возможно, придёт время и для написания персональных мемуаров, а пока, систематизировав наши воспоминания, мы оказались перед сложным вопросом: как книгу издать. На помощь пришел родной университет. Хотим выразить глубокую благодарность руководству историко-филологического факультета в лице декана Натальи Владимировны Гришиной и ректорату университета за помощь в издании этой книги.

Декан историко-филологического факультета ЧелГУ в одной из своих статей написала: «Насколько устойчивы самоощущения университариев? Влияют ли на них внешние воздействия, меняющие конфигурацию университетского пространства? У Челябинского государственного университета будет возможность предложить собственные ответы на эти вопросы в ближайшее время — в год 50-летнего юбилея»[1]. Этой книгой мы, историки первого набора университета, даем свой ответ на этот вопрос. Мы надеемся, что книга наших воспоминаний сама станет важным источником для изучения истории студенчества тех лет вообще и нашего университета в частности.

Мы открываем эти страницы, чтобы передать эстафету памяти тем, кто сегодня занимает наши места в аудиториях. Нам выпала особая честь и ответственность — стать «точкой отсчета», заложить традиции, которые живут и сегодня. Мы были первыми, и этот огонь, зажженный пятьдесят лет назад, продолжает гореть в наших сердцах.

Мы помним, мы гордимся!

М. Н. Потёмкина

[1] Гришина Н. В. Самоощущения университариев в период актуализации памяти корпорации (на примере юбилейных текстов региональных вузов) // Шкатовские чтения : материалы Международной научной конференции. Челябинск, 2024. С. 575–578.

Gaudeamus

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!

Vivat Academia!
Vivant professores!
Vivat membrum quodlibet!
Vivant membra quaelibet!
Semper sint in flore!

Vivant omnes virgines
Graciles, formosae!
Vivant et mulieres
Tenerae, amabiles,
Bonae, laboriosae!

Vivat et res publica
Et qui illam regunt!
Vivat nostra civitas,
Maecenatum caritas,
Qui nos hic protegunt!

Возрадуемся,
Пока мы молоды!
После весёлой молодости,
После тягостной старости
Нас примет земля.

Да здравствует Академия!
Да здравствуют преподаватели!
Да здравствует каждый из нас!
Да здравствуют все мы вместе!
Будем всегда процветать!

Да здравствуют все девушки,
Стройные, красивые!
Да здравствуют и женщины,
Нежные, милые,
Добрые, трудолюбивые!

Да здравствует республика
И те, кто ею правит.
Да здравствуют наши граждане
И милость меценатов,
Которые нам покровительствуют.

ЧелГУ 50

ЧЕЛГУ

01

Наш выбор – Челябинский университет

Открытие университета
31 августа 1976 г.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

«Работа по открытию университета в Челябинске потребовала несколько лет. В марте 1974 года обком КПСС отправил письма в ЦК КПСС и в Министерство высшего и среднего специального образования СССР с просьбой рассмотреть вопрос об открытии в Челябинске в 1974 году государственного университета... 3 сентября 1974 года было принято постановление Совета Министров СССР за № 690, в котором был принципиально решён вопрос об организации в Челябинске государственного университета. В документе говорилось: «Принять предложение Совета Министров РСФСР и Министерства высшего и среднего специального образования СССР об организации в 1976 году в г. Челябинске государственного университета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР». Постановление подписал заместитель председателя Совета Министров СССР К. Мазуров»[2].

[2] Форстман Г. В. Открытие первого университета в Челябинске // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1 (11). С. 8.

М. Н. Николаева (Потёмкина)

К середине 1970-х гг. в городе Челябинске как областном центре уже было шесть вузов, но областному руководству хотелось иметь свой университет, тем более что население Челябинска достигло одного миллиона человек. Переговоры с центральным партийным и министерским руководством велись несколько лет. В 1974 г. в Москве сумели этот вопрос решить положительно (в том числе и благодаря протекции Е. М. Тяжельникова, уроженца Челябинской области, занимавшего в то время должность первого секретаря ЦК ВЛКСМ). Открытие вуза было запланировано на 1976 г. И вот по всей области было объявлено об открытии университета и наборе абитуриентов по ряду специальностей.

Г. В. Форстман *(в годы нашего студенчества был секретарём партбюро университета. – Прим. ред.)*

Еще 25 мая была создана приемная комиссия. Развернулась активная разъяснительная и агитационная работа. В центральной и местной печати появились статьи А. А. Голикова, Л. А. Шкатовой, А. И. Секерина, дали интервью на областном радио и телевидении профессора Г. А. Завьялов и Г. В. Клещев, все зачисленные в штат преподаватели разъехались по школам Челябинска, Кургана, Оренбурга, Шадринска, Златоуста, Миасса, Катав-Ивановска и многих других мест, где рассказывали о вновь открытом университете. Кроме того, более 1500 листовок с приглашением учиться в университете разошлись по школам Челябинска и области, других областей. Лучшим выпускникам сельских школ направили персональные приглашения. В помощь абитуриентам была организована работа месячных подготовительных курсов[3].

Г. П. Суслова *(куратор группы И-101/501. – Прим. ред.)*

– ...Отбор был чисто университетский, поскольку этому придавалось такое большое значение... В отличие от других университетов, где прием делится на две, в общем-то, не связанные между собой сферы: чисто бумажная, где работают секретари, работники без образования, и преподавательская, т.е. приемные экзамены. А у нас на факультете решили этот первый прием провести иначе. И доверили не лаборантам, секретарям, а специалистам; сделали такую оригинальную должность (подозреваю, что это придумала Людмила Александровна Шкатова, она была генератором идей, первым деканом) ответственного за прием на факультет. Функции – действительно ответственность. Отдельный стол, коммуникация была поставлена на очень высокий уровень – специальное расположение стола (двухтумбового, с опознавательной табличкой) и двери – прямо напротив стола. Гардероба тогда внизу не было, а стояли огромные шкафы с документами. И вот все – абитуриенты, родители – сразу подходили ко мне и задавали множество вопросов. Выступала как консультант и для внешней среды (абитуриентов), и для технических работников (т.е. я владела координацией всех тонкостей, нюансов по документам, сдаче экзаменов и пр.). Мы поставили себе задачу не сдерживать

[3] Форстман Г. В. Открытие первого университета в Челябинске // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1 (11). С. 16.

Закладка первой плиты будущего главного корпуса ЧГУ, 1976 г.

информацию, не утаивать, а просвещать сразу, давать всю информацию поступающим и их родителям. Это делалось во избежание ажиотажа. Хотя ажиотаж был, слухи ходили, даже в виде сплетен, что попасть туда невозможно.

– Сразу?

Г. С.:

– Сразу же, когда создавали университет, даже не было учреждения, а только постановление о том, что идет работа. Появились слухи об элитном характере учреждения. И нам очень хотелось сбить эту волну разговоров, но опускаться на уровень развенчивания этих слухов мы не собирались. Мы хотели противопоставить делом; и была даже ситуация, когда меня пытались подкупить. Даже два случая. Один раз – даже деньги давали...

«К началу сентября университет был в основном готов к началу работы. В штате было 35 преподавателей, в том числе 4 доктора наук и 15 кандидатов наук. Общая площадь учебно-лабораторных помещений составляла чуть более 11 тысяч квадратных метров, в том числе учебная – 8026 квадратных метров. Общежитие имело площадь 5188 квадратных метров. Там проживал тогда 161 студент В обоих учебных корпусах были столовые. Работала библиотека. Имелось два спортивных зала»[4].

[4] Форстман Г. В. Открытие первого университета в Челябинске // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1 (11). С. 17.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ЧГУ!

Челябинский УНИВЕРСИТЕТ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОРГАН ПАРТИЙНОЙ, КОМСОМОЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЙ, РЕКТОРАТА И ПРОФКОМА ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Год издания 1-й ◆ № 3 ◆ ВТОРНИК, 12 октября 1976 года ◆ Выходит еженедельно по вторникам ◆ Цена 1 коп.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ОБ ОРГАНИЗАЦИИ В ЧЕЛЯБИНСКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Совет Министров СССР постановляет:

Принять предложение Совета Министров РСФСР и Министерства высшего и среднего специального образования СССР об организации в 1976 году в Челябинске государственного университета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР.

К. МАЗУРОВ,
Зам. Председателя Совета Министров СССР
М. СМИРТЮКОВ,
Управляющий делами Совета Министров СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР ОБ ОРГАНИЗАЦИИ В ЧЕЛЯБИНСКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 3 сентября 1974 г. Совет Министров РСФСР постановляет:

Обязать Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР:

организовать в 1976 году в Челябинске государственный университет;

осуществить в 1976—1980 годах проектирование и строительство учебно-лабораторного корпуса университета площадью 10 тыс. кв. метров;

обеспечить укомплектование университета преподавательскими кадрами, имеющими ученые степени и звания.

Н. ВАСИЛЬЕВ,
Зам. Председателя Совета Министров РСФСР.
И. СМИРНОВ,
Управляющий делами Совета Министров РСФСР.

Постановление о создании ЧГУ, «Челябинский университет», 12 октября 1976 г.

Л. В. Жданова (Геращенко)

50 лет прошло с того момента, когда в Челябинске был открыт университет. Как быстро летит время!

50 лет прошло с того момента, как я стала студенткой Челябинского государственного университета.

В 1976 году я оканчивала школу в военном городке под Челябинском, где проходила служба моего папы. Когда я решила поступать в новый, только открывающийся университет, некоторые знакомые моих родителей отговаривали от этого: «Не стоит и пытаться, принимать в вуз будут по знакомству, не поступит».

К поступлению в вуз я готовилась. В десятом классе (в те годы это был выпускной класс) выполняла контрольные задания, которые получала от подготовительного отделения, читала книги. Мне хотелось работать с историческими документами, была и мечта поступить в Московский историко-архивный институт, но мама твердо аргументировала: «Зачем куда-то ехать, когда именно в этом году открывается университет в Челябинске? Нет разницы, там тоже историков будут обучать...» Вот так все начиналось.

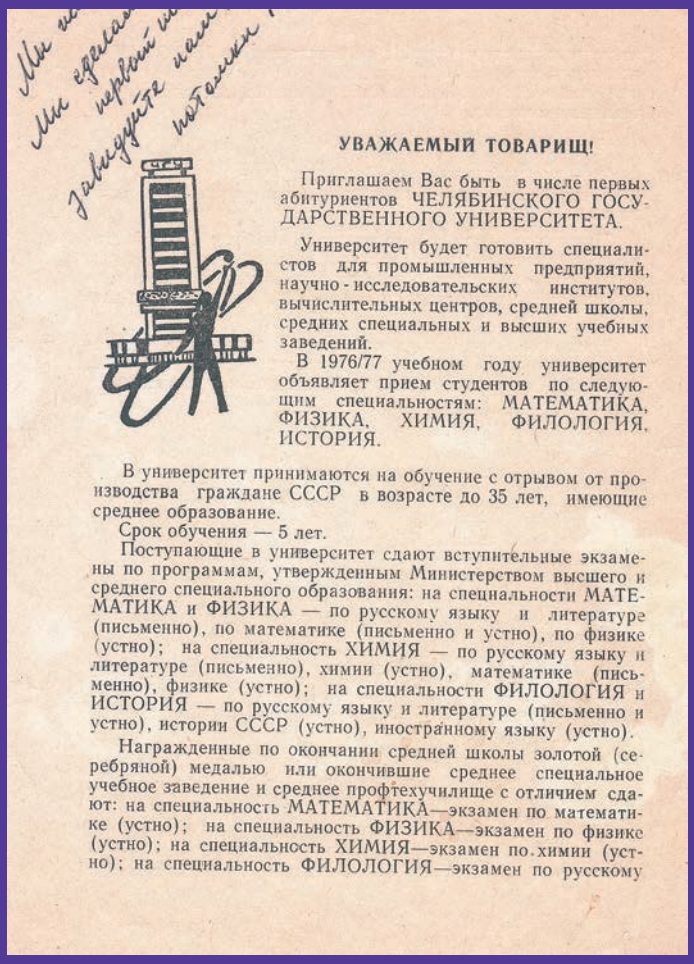
Волнительными были дни сдачи вступительных экзаменов по русскому языку (сочинение), истории, английскому языку, литературе.

Сочинение было написано на 4. Следующий – история (ну конечно, он самый важный!). Волнуюсь, беру билет, готовлюсь

в течение отведенного времени и уверенно иду к столу, за которым экзаменационная приемная комиссия. Едва начала свой ответ, меня остановили предложением внимательно прочесть первый вопрос билета. Какой ужас! Я начала излагать развитие культуры в России в первой половине XVIII века, а в билете требовалось раскрыть более позднее время. «Будете отвечать по вопросу?» — спросили меня. Собралась я как-то и тут же сразу начала отвечать. Излагала с радостью, были и знания, и впечатления о поездках в Ленинград, да и по стране. Слушали меня внимательно, задавали вопросы. Отвечала уверенно. Очень история мне нравилась всегда. И по сей день это так, я счастлива тем, что, несмотря на наше сложное, переломное, а может, и переломанное бытие, всегда преподавала историю, занималась историческим краеведением, исторической наукой.

Какое-то время я вела краеведческие кружки. Работала в школах учителем истории там, где могла устроиться, в военных городках на Дальнем Востоке. Более 10 лет с мужем и детьми ездила по разным точкам. Был интереснейший опыт по созданию школьного музея в г. Сковородино Амурской области. Вместе со своими юными краеведами собирали мы в замерзшей амурской земле разоренную в конце 1980-х — начале 1990-х гг. первую (с 1927 года) научную станцию вечной мерзлоты. Книги, журналы, приборы, документы... Все валялось, как никчемный хлам. А мы собирали, просушивали, изучали, переписывались с Якутским Институтом мерзлотоведения. Сообщали о своих делах. Работал на этой станции и Павел Флоренский, и ученый-геокриолог Каптерев. В дальнейшем этот материал стал частью созданного в Сковородино музея Павла Флоренского. Это уже после моего отъезда на новое место.

Открытие университета
31 августа 1976 г.



УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

Приглашаем Вас быть в числе первых абитуриентов ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Университет будет готовить специалистов для промышленных предприятий, научно-исследовательских институтов, вычислительных центров, средней школы, средних специальных и высших учебных заведений.

В 1976/77 учебном году университет объявляет прием студентов по следующим специальностям: МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА, ХИМИЯ, ФИЛОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ.

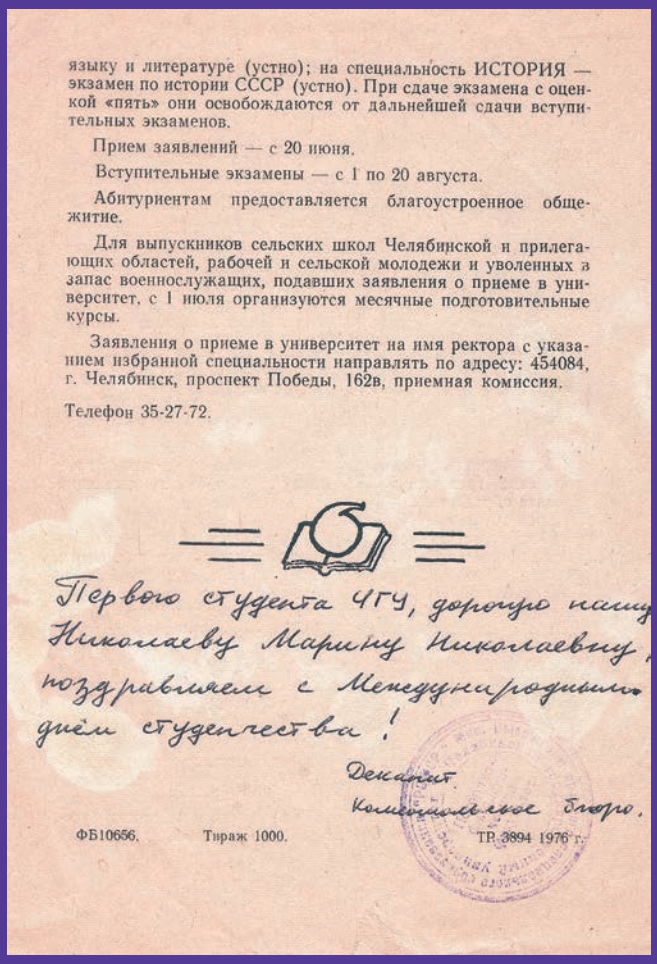
В университет принимаются на обучение с отрывом от производства граждане СССР в возрасте до 35 лет, имеющие среднее образование.

Срок обучения — 5 лет.

Поступающие в университет сдают вступительные экзамены по программам, утвержденным Министерством высшего и среднего специального образования: на специальности МАТЕМАТИКА и ФИЗИКА — по русскому языку и литературе (письменно), по математике (письменно и устно), по физике (устно); на специальность ХИМИЯ — по русскому языку и литературе (письменно), химии (устно), математике (письменно), физике (устно); на специальности ФИЛОЛОГИЯ и ИСТОРИЯ — по русскому языку и литературе (письменно и устно), истории СССР (устно), иностранному языку (устно).

Награжденные по окончании средней школы золотой (серебряной) медалью или окончившие среднее специальное учебное заведение и среднее профтехучилище с отличием сдают: на специальность МАТЕМАТИКА—экзамен по математике (устно); на специальность ФИЗИКА—экзамен по физике (устно); на специальность ХИМИЯ—экзамен по химии (устно); на специальность ФИЛОЛОГИЯ—экзамен по русскому

Листовка абитуриенту, лист 1



языку и литературе (устно); на специальность ИСТОРИЯ — экзамен по истории СССР (устно). При сдаче экзамена с оценкой «пять» они освобождаются от дальнейшей сдачи вступительных экзаменов.

Прием заявлений — с 20 июня.

Вступительные экзамены — с 1 по 20 августа.

Абитуриентам предоставляется благоустроенное общежитие.

Для выпускников сельских школ Челябинской и прилегающих областей, рабочей и сельской молодежи и уволенных в запас военнослужащих, подавших заявления о приеме в университет, с 1 июля организуются месячные подготовительные курсы.

Заявления о приеме в университет на имя ректора с указанием избранной специальности направлять по адресу: 454084, г. Челябинск, проспект Победы, 162в, приемная комиссия.

Телефон 35-27-72.

Первого студента ЧГУ, дорогую нашу Николаеву Марину Николаевну, поздравляем с Международным днем студенчества!

Деканат
Комсомольское бюро.

ФБ10656. Тираж 1000. ТР 3894 1976 г.

Листовка абитуриенту, лист 2

Форма № 12

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Тов. Сёмочкина Екатерина Ивановна

ИЗВЕЩЕНИЕ № 35

Решением приемной комиссии от «7» июля 1976 г. за № 4 Вы допущены к приемным экзаменам в Челябинском государственном университете.

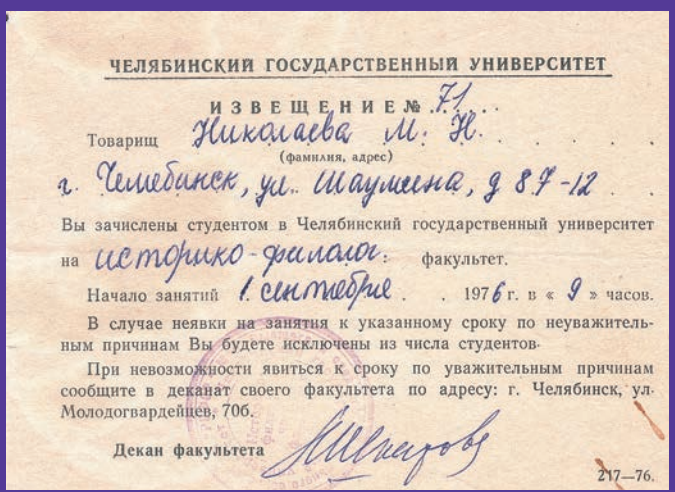
Приемные экзамены начнутся с «2» августа 1976 г. по адресу: г. Челябинск, проспект Победы, 162в.

В случае неявки в установленный срок Вы не будете допущены к экзаменам.

Ответственный секретарь приемной комиссии Шагарова

216-76.

Справка о допуске к приемным экзаменам Сёмочкиной Е. И., 7 июля 1976 г.



ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕЩЕНИЕ № 71

Товарищ Николаева М. Н.
(фамилия, адрес)
г. Челябинск, ул. Шаумяна, д 87-12

Вы зачислены студентом в Челябинский государственный университет на историко-филологический факультет.

Начало занятий 1 сентября 1976 г. в «9» часов.

В случае неявки на занятия к указанному сроку по неуважительным причинам Вы будете исключены из числа студентов.

При невозможности явиться к сроку по уважительным причинам сообщите в деканат своего факультета по адресу: г. Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 70б.

Декан факультета Шагарова

217—76.

Справка о зачислении Николаевой М. Н., 1976 г.

Наши труды были отмечены наградой от Дома пионеров, который еще продолжал функционировать. И наградой стала поездка в Тынду! Увидеть красивейший вокзал среди мерзлоты там, на БАМе, тогда лично для меня было такой же радостью, как когда-то в студенческие годы увидеть площадь Регистан. Такая большая красивая страна и столько талантливых архитекторов в разное время!

Сегодня пишут о ЧелГУ*. Моя память возвращает меня к ЧГУ. Мы себя сами называли студентами ЧГУ. По какой-то чистой случайности мне был вручен студенческий билет номер 1. Дорогой Университет! Нет мне прощения за то, что в твоем архиве по вине нерадивой студентки его теперь нет вовсе. Где-то потеряла его... В газете было дано объявление о том, что студенческий билет номер 1, выданный Челябинским университетом на имя Ждановой Лилии, считать недействительным. Самой стыдно было читать это. Это правда... Потом мне был выдан уже другой билет.

Так дорого все то, первое. Наши замечательные преподаватели, лекции, семинары, практики, написание и защита курсовых работ и дипломов.

Лично мне по душе было появление уже в процессе учебы (с 1978 года) именно исторического факультета, а не историко-филологического. Был интерес и к литературе, но мечталось изучать историю, а литературу – в контексте исторических событий.

А. И. Семёнов и А. А. Беляев

В этом авторском тексте также использованы воспоминания, мысли и характеристики моего сокурсника и товарища Андрея Беляева, большую часть которых, с его разрешения привожу от своего имени. Первоначальный вариант этого текста представлял из себя своеобразное и многостраничное эссе, включающее в том числе критические размышления о процессах в образовании страны в целом. Это, а также воспоминания и мысли об ушедших из жизни товарищах показались нам слишком личными и неюбилейными. Поэтому, учитывая характер издания, ограничились скупым и лаконичным текстом.

После окончания школы я и Андрей Беляев работали школьными лаборантами: он в Копейске, а я в челябинской школе № 1, которую возглавлял знаменитый на весь Советский Союз педагог В. А. Караковский. Зачем поступил учиться на истфак (историко-филологический в 1976 г.) вновь созданного вуза? Возможно, потому, что по складу гуманитарий и школьному предмету «история» отдавал предпочтение среди других. И только в послеуниверситетской служебной и трудовой деятельности пришло осознание того, что не ошибся и получил уникальную специальность широкого гуманитарного профиля. А квалификация «Историк. Преподаватель истории и обществоведения» давала возможность выбора направления профессионального развития. Все это, а также серьезная студенческая многоуровневая педагогическая практика позволили мне в последующем служить на различных должностях в органах правопорядка без юридического образования (учиться на «правоведа» руководители не отпускали: «Тебе достаточно университетского диплома...»), а также осваивать и применять профессиональные

* Челябинский государственный университет не менял своего названия. Но это не касается его сокращенного наименования. В 2002 г. в уставе университета он был впервые упомянут как ЧелГУ. До этого времени университет называли ЧГУ. В книге читатель встретит оба названия – современное и историческое.

компетенции в вопросах организации подготовки кадров для органов внутренних дел. Второе высшее, юридическое, образование получил уже после выхода в отставку.

Б. И. Ровный

Вот опять же, опять же у Райкина есть хорошее: «Атмосфера была мерзопакостная, но рыба была». Я думаю, что никто не скажет про годы своей юности, что это были пакостные годы... В 1976 году создается университет, и на исторический факультет приходят [среди других] ребята-романтики, то есть люди, которые в большей степени интересуются музыкой, новыми идеями несоветского происхождения... Ну вот, что касается меня, то я как раз попал вот в такую обойму молодых людей, которые со свойственной возрасту фрондой относились ко всему, что происходит на занятиях. Да, мы поступили! И те, кто поступил, наверное, были лучшими, я так считаю.

Наверное, были лучшими, потому что это были настоящие экзамены, вот... Вот я был, скажу про себя, по результатам экзаменов номер один. Я получил 25 из 25, я был номер один, вот, и был оскорблен, кстати сказать, это уже чисто юношеские амбиции, что билет мне выдали номер 3. Студенческий, представляете, билет номер 3.

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Лично мой выбор нового университета и специальности «История» был почти случайным. Все члены моей семьи имели техническое образование, я тоже имела «математический склад ума», участвовала в олимпиадах по математике и физике, и все прочили мне поступление в технический вуз. Я же хотела изучать иностранные языки и стать дипломатом, конечно, уехать в Москву или Ленинград. Серьезные проблемы со здоровьем и противодействие родителей, считавших, что изучение иностранных языков — это не профессия, заставили меня остаться в городе. Из духа противоречия я подала документы на гуманитарную специальность, самым престижным тогда считалось историческое образование.

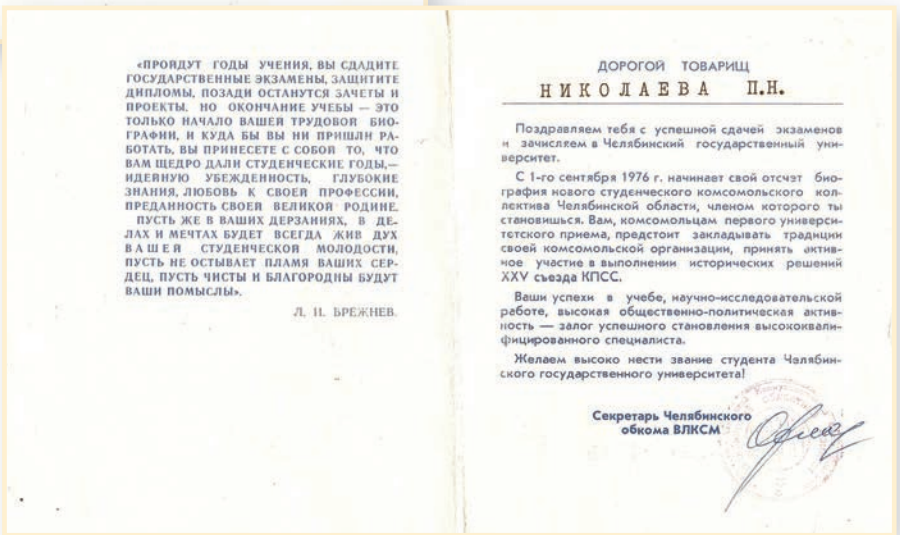
Конкурс был очень высоким, проходной балл на историко-филологическом факультете был максимальным: 24 из 25 возможных. Проходной балл складывался из среднего балла аттестата и оценок за 4 вступительных экзамена: история (устно), иностранный язык (устно), литература (устно) и сочинение. Видимо, основным конкурентом и примером для подражания наш вуз считал Уральский государственный университет, так вот средний проходной балл в УрГУ в 1976 г. был 4,3, а у нас на историко-филологическом факультете — 4,8, на физико-математическом — 4,7[5].

На вступительных экзаменах волновалась только на первом — истории. Помню вопросы: 1. Культура России 18 века. 2. Индустриализация в СССР. Получила оценку «отлично». В моём любимом английском была уверена, подготовилась быстро и подсказывала соседям, как-то не задумываясь о конкуренции. После сдачи экзаменов, не дожидаясь зачисления, легла в больницу на лечение, вышла на учёбу уже в сентябре.

[5] «Челябинский университет», 15 февраля 1977 г.
[6] «Челябинский университет», 12 октября 1976 г.

И вот 50 счастливчиков были зачислены на 1-й курс по специальности «История» и 1 сентября приступили к занятиям. Вскоре стало совершенно очевидно, что не все поступали честным путем через экзамены. Но вслух об этом никто не говорил, да и сейчас не готов рассказать. Первые студенты-историки ЧелГУ – это были ребята из разных городов и сел нашей страны, большинство после окончания школы, но некоторые и уже имевшие рабочий стаж или отслужившие в армии. По составу нас было 14 юношей и 36 девушек. Были сформированы две группы, назначены старосты и кураторы: Г. Б. Зданович и Г. П. Суслова.

Торжественное официальное собрание, посвященное открытию университета, состоялось 4 октября 1976 г. в театре оперы и балета. В президиуме – министр высшего и среднего специального образования РСФСР академик И. Ф. Образцов, первый секретарь обкома КПСС М. Г. Воропаев, председатель облисполкома Е. Ф. Куракин. Из выступления ректора университета, член-корреспондента Академии педагогических наук, профессора С. Е. Матушкина: «В университете подобрались опытные квалифицированные преподаватели. 60 процентов из них имеют ученые степени и звания. А из тысячи абитуриентов 275 самых подготовленных стали первыми студентами»[6].


«ПРОЙДУТ ГОДЫ УЧЕНИЯ, ВЫ СДАДИТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЭКЗАМЕНЫ, ЗАЩИТИТЕ ДИПЛОМЫ, ПОЗАДИ ОСТАНУТСЯ ЗАЧЕТЫ И ПРОЕКТЫ. НО ОКОНЧАНИЕ УЧЕБЫ — ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО ВАШЕЙ ТРУДОВОЙ БИОГРАФИИ, И КУДА БЫ ВЫ НИ ПРИШЛИ РАБОТАТЬ, ВЫ ПРИНЕСЕТЕ С СОБОЙ ТО, ЧТО ВАМ ЩЕДРО ДАЛИ СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ,— ИДЕЙНУЮ УБЕЖДЕННОСТЬ, ГЛУБОКИЕ ЗНАНИЯ, ЛЮБОВЬ К СВОЕЙ ПРОФЕССИИ, ПРЕДАННОСТЬ СВОЕЙ ВЕЛИКОЙ РОДИНЕ.
ПУСТЬ ЖЕ В ВАШИХ ДЕРЗАНИЯХ, В ДЕЛАХ И МЕЧТАХ БУДЕТ ВСЕГДА ЖИВ ДУХ ВАШЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДОСТИ, ПУСТЬ НЕ ОСТЫВАЕТ ПЛАМЯ ВАШИХ СЕРДЕЦ, ПУСТЬ ЧИСТЫ И БЛАГОРОДНЫ БУДУТ ВАШИ ПОМЫСЛЫ».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ
НИКОЛАЕВА П.Н.

Поздравляем тебя с успешной сдачей экзаменов и зачисляем в Челябинский государственный университет.

С 1-го сентября 1976 г. начинает свой отсчет биография нового студенческого комсомольского коллектива Челябинской области, членом которого ты становишься. Вам, комсомольцам первого университетского приема, предстоит закладывать традиции своей комсомольской организации, принять активное участие в выполнении исторических решений XXV съезда КПСС.

Ваши успехи в учебе, научно-исследовательской работе, высокая общественно-политическая активность — залог успешного становления высококвалифицированного специалиста.

Желаем высоко нести звание студента Челябинского государственного университета!

Секретарь Челябинского обкома ВЛКСМ

Комсомольская путевка-наказ об успешной сдаче экзаменов и зачислении в ЧГУ, 1976 г.

В начале октября 1976 г. состоялось посвящение в студенты. «Вместе со звуками торжественной музыки появляется Королева наук со своей свитой. Её сопровождают Архимед и Аполлон – покровитель искусств. Королева с удовлетворением оглядывает нарядные и оживленные ряды своих подданных. В этот момент с огромной книгой в руках появляется студент в окружении четырех наук: Физики, Математики,

УЧУСЬ В УНИВЕРСИТЕТЕ!

Ну вот, экзаменационная лихорадка позади, и можно, наконец, оглянуться назад — все-таки сделан не последний по важности шаг в жизни, если не самый главный. Почему я здесь? Зачем мне нужен университет? Правильно ли сделан выбор? В школе мне было ясно лишь одно — надо учиться дальше, но где — вот вопрос!

Перебрал вузы буквально по пальцам: то не нравится, это не по душе. Наконец, к десятому классу оформилось желание заниматься историей. Но пединститут не устраивал, а тут пошли слухи о том, что в нашем городе открывается университет. Знакомые отговаривали и стращали тем, что первым будет трудно. Отсутствие базы и даже — собственного здания, по их мнению, должно было необычайно усложнить мою университетскую жизнь. Как ни странно, но моих родителей это не пугало, они одобрили мой выбор, и их «благословение» окончательно утвердило меня в решении поступить на историко-филологический факультет университета.

Итак, туманная до сих пор цель приобрела вполне определенные очертания — остальное зависело от меня. И — странное дело — очень скоро я стал ловить себя на том, что про университет, где не успел сдать еще ни одного экзамена, начал говорить «наш», «у нас» и т. д.

Теперь, когда экзамены уже позади, и я стал студентом, мне приятно думать о том, что я имею к ЧГУ самое непосредственное отношение.

Первые лекции, первые конспекты и учебники. Чувствую, что не ошибся, это действительно «мое», то, к чему и стремился. Разумеется, хватает с избытком и трудностей, связанных с переходом к совершенно новой для меня системе обучения, со временем, которого, как всегда, не хватает, с неустроенностью университетского здания. Но зато теперь я имею право уже с полным основанием говорить: «У нас в ЧГУ».

Я верю, что когда-нибудь мы с гордостью скажем: «Мы были первыми!»

А. КОКИН,
студент историко-филологического факультета.

А. Кокин «Учусь в университете». «Челябинский университет», 4 октября 1976 г.

Посвящение в студенты. Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ (© Назыров П. Ф.)

С. Е. Матушкин, ректор Челябинского государственного университета, член-корреспондент Академии педагогических наук

Истории и Литературы. Он почтительно останавливается возле Королевы и зачитывает прошение от имени своих товарищей с просьбой впустить их в храм науки. Королева предлагает дать клятву верности студенческим традициям, и Аполлон зачитывает её текст. Студенты торжественно клянутся в том, что не будут бояться трудностей, уверенно пойдут к вершинам науки. Играет музыка, преподаватели проносят вокруг строя усыпанное звездами знамя посвященных». Далее звучали приветственные речи, вручение зачеток и путевок («наказ обкома ВЛКСМ»). В завершение — музыка, песни и танцы[7].

Отдельно следует сказать о материально-технической базе университета. Из выступления ректора С. Матушкина: «Развиваться университет будет очень бурно. К 1980 г. на живописном берегу реки Миасс появится учебно-лабораторный корпус площадью 10 тыс. квадратных метров. Это будет только первый корпус на площади в 100 гектаров, где в дальнейшем разместится университетский городок с учебными корпусами, большой библиотекой, вычислительным центром, спортивным комплексом, ботаническим садом, высотными зданиями студенческих общежитий»[8].

Вскоре после открытия торжественно положили первую плиту в фундамент будущего главного корпуса университета. Но в реалиях строительство шло очень сложно. Да, конечно, выделяли какие-то фонды, да и предприятия области помогали, чем могли. В университетской газете писали, что к открытию университета коллектив завода «Теплоприбор» передал на 15 тыс. руб. оборудования для лабораторий, мебельные фабрики Челябинска, Копейска и Миасса передали столы, шкафы и др. мебель, Магнитогорский металлургический комбинат закупил для университета электронно-вычислительную машину стоимостью более 700 тыс. рублей. Но что касается нас, то для студентов историко-филологического факультета было выделено типовое школьное четырехэтажное здание по адресу: пр. Победы, 162-в. «На тот момент здание занимали музыкальная школа и финансово-экономический институт... Перед началом учебного года были проведены небольшие ремонтные работы, непосредственное участие в которых принимали сами преподаватели. Здание на берегу р. Миасс с двух сторон окружали карьеры и котлованы строящихся жилых домов-«девятиэтажек»»[9]. Говорили, что это наше временное местоположение. Но и сейчас, спустя 50 лет, истфил размещается в том же здании.

Л. М. Яблонская

1 сентября 1976 г. стал одним из самых знаменательных дней в моей жизни. Начались занятия в Челябинском государственном университете, студенткой которого я стала.

В этот день городская газета «Вечерний Челябинск» вышла с передовицей «Здравствуй, университет!», в которой сообщалось, что на Южном Урале открылся университет, и первые 275 абитуриентов были зачислены на историко-филологический и физико-математический факультеты, став студентами. Среди них были и мы — 50 абитуриентов, поступивших на историко-филологический факультет по специальности «История». Предстояли пять лет интересной студенческой жизни.

[7] «Челябинский университет», 12 октября 1976 г.

[8] «Челябинский университет», 4 октября 1976 г.

[9] Назыров П. Ф. Исторический факультет ЧелГУ: первые десятилетия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). С. 60.

Ректор Челябинского государственного университета член-корреспондент Академии педагогических наук С. Е. Матушкин напутствовал нас: «Открытие университета в нашем городе — это большое событие для всего Южного Урала. Университет станет центром научной мысли. Дерзайте, стремитесь к знаниям!»

Городом были выделены два школьных корпуса. В будущем планировалось строительство университетского городка рядом с первым корпусом на берегу реки Миасс. Историко-филологический факультет размещался в районе Теплотехнического института.

Ректорат использовал опыт лучших классических университетов страны, прежде всего московского. Особое внимание уделялось созданию атмосферы творчества, уважения студентов, партнёрским отношениям. Сам ректор часто говорил, что в университете главные лица — это студенты, и для их обучения и воспитания важно создавать благоприятные условия.

А для нас, студентов, главными учителями и образцами были наши преподаватели — талантливые, молодые, творческие, ответственные и честные. К нам они зачастую относились как к коллегам. Такое отношение вызывало желание соответствовать ожиданиям наших преподавателей, побуждало к хорошей учёбе, вызывало радость и желание учиться, мобилизовало и вдохновляло. Именно этим особым духом ЧелГУ первых лет отличался от других вузов города.

Несмотря на проблемы и трудности роста, в университете было комфортно. Особую роль в создании такой атмосферы сыграл декан историко-филологического факультета Людмила Александровна Шкатова, преподаватели Александр Иванович Секерин, Юрий Сергеевич Кирьяков, Геннадий Борисович Зданович и др.

Мы прошли сложные вступительные испытания. На каждое место по специальности «История» претендовали четыре человека. Это был самый высокий конкурс в университете, и конкуренция была жёсткая. Хотя обстановка на экзаменах была доброжелательная, но всё равно было страшно выступать перед комиссией вузовских преподавателей. В коридоре царило напряжение. Никто никого не знал, и все были конкурентами. Помню только, что вместе со мной в группе историю СССР сдавали Алексей Кокин и Лариса Пономарёва. К счастью, мне удалось успокоиться, сосредоточиться и показать знание предмета. От моего выступления на экзамене в памяти остались только настрой и уверенное изложение материала. Я поступала по льготе и мне нужно было отлично сдать первый экзамен. И я его сдала.

С золотыми медалями после окончания общеобразовательной средней школы и дипломами с отличием после средних специальных учебных заведений в нашем потоке поступали восемь человек. Они имели льготы и, если на «отлично» сдавали экзамен по истории СССР, зачислялись на первый курс. Так были зачислены Надежда Калганова, Наталья Карпова, Надежда Кононова, Елена Нилова, Лариса Пономарёва, Наталья Титаренко и Людмила Яблонская. Надя Смирнова сдала историю СССР на «хорошо» и вынуждена была сдавать ещё три экзамена, на которых подтвердила свои знания отличными отметками и была зачислена на первый курс.

Уже во время оформления документов и вступительных испытаний чувствовалось особое уважительное отношение к нам.

Члены комиссии — наши будущие преподаватели — знали нас, обращались к нам по имени, терпеливо отвечали на вопросы, объясняли, если что-то было непонятно, заинтересованно расспрашивали о сложностях и проблемах. Именно тогда мы познакомились с А. И. Секериным, З. Н. Анохиной, Г. П. Сусловой и другими преподавателями.

Александр Иванович Секерин, доктор исторических наук, профессор, возглавлял тогда формировавшуюся кафедру общественных наук. Позже мы узнали, что он был ветераном Великой Отечественной войны. В 17 лет он добровольцем ушёл на фронт, служил в Уральском танковом корпусе и с ним дошёл до Праги. За два года он экстерном окончил Уральский государственный университет. Среди историков ЧелГУ Александр Иванович был первым профессором и доктором наук. Замечательный учёный, добрый и отзывчивый человек, к нам он обращался на «вы» и даже по имени и отчеству.

В моей памяти остался небольшой эпизод, произошедший со мной после сдачи вступительного экзамена. Когда я вышла из аудитории, где проходил экзамен, и, окрылённая успешной сдачей, шла по коридору, мне повстречался Александр Иванович. Он поинтересовался, как я сдала экзамен, и когда я сказала, что на «отлично», искренне поздравил меня и пожелал дальнейших успехов. Тогда я ещё не знала, что он был заведующим кафедрой, доктором исторических наук и профессором.

Уважение к студентам, развитие их самостоятельности, творческой инициативы, профессионализма предполагались изначально и были заложены руководством в концепции развития университета. 4 октября 1976 г. в театре оперы и балета произошло важное событие — открытие университета. К этому событию вышел сдвоенный номер газеты «Челябинский университет». В нём была опубликована статья С. Е. Матушкина «Год рождения — 1976», в которой ректор писал: «Университету принадлежит решающая роль в развитии фундаментальных научных исследований, в подготовке квалифицированных кадров для народного хозяйства, науки, просвещения и культуры». В этот же день состоялось первое посвящение в студенты. Мы получили студенческие билеты и стали полноправными студентами.

На посвящении в студенты зародилась традиция, ставшая общеуниверситетской благодаря преподавателю латинского языка Нине Ивановне Шелховской. Студенты историко-филологического факультета хором пропели студенческий гимн «Gaudeamus», призывающий возрадоваться жизни, — символ университетского братства, молодости и академической культуры. С этого дня все университетские мероприятия начинались с «Гаудеамуса».

Н. И. Шелховская была одним из первых наших преподавателей. Она преподавала латинский язык и по традиции классических университетов в первую очередь выучила с нами «Гаудеамус», который мы и исполнили. Эту традицию поддержали в последующем студенты негуманитарных специальностей университета.

ЧелГУ
50

ЧелГУ 50

ЧЕЛГУ

02

Praesens historicum: труды и дни

Группа И-101

Не только мы, но и наши преподаватели по-разному представляли себе, что такое наше будущее университетское образование.

Г. В. Форстман

«Классические университеты воплощают в себе наиболее совершенные образовательные формы. В переводе с латинского слово «университет» означает совокупность, то есть общность людей, духовно связанных и осознающих своё особое предназначение в обществе. Это возможно благодаря тому, что в университете в единстве функционируют три социальные системы: образование, наука и культура. Такой сплав превращает университет в мощное средство достижения устойчивого развития общества.

...В связи с этим университет призван не просто приращивать знания, а обеспечивать интеллектуальное развитие своих питомцев посредством универсального обучения, свободного движения мысли и личного общения. Особое значение придаётся проблеме гуманистического воспитания студентов. По методам образования, структуре изучаемых дисциплин либеральное направление характеризуется как классическое, фундаментальное образование...»[10]

Вечером 4 октября 1976 года в помещении театра оперы и балета состоялось торжественное собрание, посвященное открытию университета.

«Тепло поздравил челябинцев с большим и знаменательным событием министр высшего и среднего специального образования РСФСР академик И. Ф. Образцов. Он вручил работникам университета приветственные адреса министерств высшего и среднего специального образования СССР и РСФСР и пожелал коллективу больших творческих успехов. «Такова традиция, — подчеркнул министр, — что университеты являются крупнейшими научными центрами, научными школами, комплексно разрабатывающими актуальные проблемы. Челябинский университет должен сыграть значительную роль в дальнейшем развитии научных успехов, достигнутых учеными области». В приветствии первого секретаря ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельникова выражалась уверенность, что новый университет «в короткий срок сумеет завоевать высокий авторитет и заслуженное признание в системе народного образования нашей страны»[11].

[10] Форстман Г. В. Открытие первого университета в Челябинске // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1 (11). С. 5.
[11] Форстман Г. В. Открытие первого университета в Челябинске // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1 (11). С. 18.

Г. П. Суслова

Большая часть преподавателей была с педовским образованием, и они транслировали именно атмосферу пединститута. А я была из классической университетской атмосферы, где как раз на первом месте стояла глубина знаний, а уже потом – широта. С первого курса велись и исследования, и читались спецкурсы. Мы объясняли именно это: что им будут давать глубокое образование, качественное образование, навыки исследовательской работы, но, к сожалению, общая масса студентов пойдет работать в школу (к сожалению для них, а не для школы). Предполагали, что и школа повысит свой уровень за счет глубоко и широко образованных студентов, которые будут владеть и рефлексией собственной деятельности, а не только репродукцией и трансляцией того, что им дали, будут владеть исследовательскими навыками и смогут детей включить в эту деятельность. В то время (застой) уже в школе наблюдался застой, когда чистые пятерки и чистые отличники уже позитивным авторитетом не пользовались, и жутко было... не все отличались глубиной знаний; некоторые медали давались, так сказать, по косвенным данным и т. д. К истории спадал интерес, настолько она была залакирована и замылена всевозможными поправками по истории партии и т. д., что дети перестали испытывать интерес, и нужен был какой-то новый подход, чтобы возродить подлинный интерес к подлинной истории. Предполагалось, что пришедшие учителя с хорошим образованием смогут детям вернуть этот интерес и воспитать историческое мышление; заинтересовать какими-то исследованиями, поскольку институты не владели этими приемами, а университетские студенты должны были владеть и приемами археологических разысканий, и археографических изысканий, т. е. всех вот этих дополнительных интересных детям занятий, через которые история представала бы как нечто человеческое, а не нечто потустороннее, скучное, только документальное. Но этот момент надо было объяснять, потому что многие не понимали разницы между университетом и пединститутом.

– Учеными все собирались быть?

Г. С.: – Да, считали, что пойдут только в ученые.

Изначально наш факультет назывался историко-филологическим, первым деканом стала кандидат филологических наук Людмила Александровна Шкатова.

«Мы жили будущим, – написала позднее первый декан истфила Людмила Александровна Шкатова, – надеялись на то, что наш вуз обгонит все другие по интеллекту преподавателей, уровню подготовки студентов и даже внешнему виду... Нам завидовали, обзывали «чугунками» (официальная аббревиатура писалась как ЧГУ), к нам присматривались, нам помогали, нас любили»[12].

Б. И. Ровный

Первым деканом этого факультета была Людмила Александровна Шкатова. Это был, вообще, единый факультет – историко-филологический, ну, это, наверное, вам тоже известно. Это очень важно было для нас, так как первый курс, самый старший, он на самом деле был моложе, чем второй и третий. Ну, второй и третий –

[12] Назыров П. Ф. Исторический факультет ЧелГУ: первые десятилетия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). С. 65.

там уже появился рабфак, солидные ребята, а нам было всем по 17 лет, я пришел — мне вообще было 16... То есть мы были самые сопливые, и, конечно, было очень важно, что деканом была Людмила Александровна Шкатова. Она для нас была действительно матерью. Вот этот период приучения 17-летних подростков к высшей школе, к университету, вот эту работу она взяла на себя. Без всякого надрыва, очень спокойно, очень доброжелательно, я бы даже сказал по-матерински, она нас приучала к университетскому порядку.

4 июня 1979 г. министром высшего и среднего образования СССР был подписан приказ № 269 о разделении истфила ЧелГУ на два факультета — филологический и исторический. Реальное разделение происходило в 1979–1981 гг., в течение которых обязанности декана истфила исполнял кандидат исторических наук, доцент Н. Б. Цибульский (декан истфила с мая 1978 г.). Он же стал и первым деканом исторического факультета[13].

Студенты на лекции: Е. Салтрукова, А. Семёнов, Г. Аубакирова

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Самой сложной задачей при открытии университета была кадровая. Решали её двумя способами: поиском кадров в самом Челябинске (М. Д. Машин, Н. Н. Опарин, В. Н. Белкин, Д. Г. Пазий) и приглашением иногородних преподавателей (Г. Б. Зданович — Караганда, Ю. С. Кирьяков — Свердловск, В. С. Антипов — Псков, семья Эльфонд — Саратов, Г. П. Суслова — Пермь). Иногородних преподавателей заманивали жильем.

Представление о том, как был организован учебный процесс на первом курсе первого набора, и кто были наши первые преподаватели, даёт протокол первого заседания кафедры общественных наук ЧГУ (воспроизводим документ в оригинале). Уже с начала учебного года кафедра стала называться кафедрой марксизма-ленинизма.

Л. М. Яблонская

«Мы с желанием и последовательно осваивали новый для себя образ жизни и неизвестные дисциплины. В это время формировались новые университетские взаимоотношения, основанные на сочетании, с одной стороны, требовательности, а с другой — взаимного уважения студентов к преподавателям и преподавателей к студентам. Мы понимали, что к занятиям нужно готовиться систематически, выступать на семинарских занятиях, готовиться к коллоквиумам и экзаменам. И к занятиям готовились все, несмотря на дефицит учебной литературы; шли заниматься после занятий в кабинет общественных наук или библиотеки.

[13] Назыров П. Ф. Исторический факультет: первые десятилетия (продолжение) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). С. 125

Преподаватели, сотрудники кабинета и библиотеки делали всё, чтобы обеспечить нашу самостоятельную работу учебной литературой и методической помощью. Особо хочу отметить помощь заведующей кабинетом Зинаиды Николаевны Анохиной, позже, когда Зинаида Николаевна перешла работать на кафедру, Любови Николаевны Баренбаум. Их отличали отзывчивость, душевность, желание помочь.

«Протокол № 1

заседания кафедры общественных наук ЧГУ

от 7 июля 1976 года

Присутствовали: Секерин А. И., Форстман Г. В., Кирьяков Ю. С., Цибульский Н. Б., Суслова Г. П., Анохина З. Н.

Повестка дня:

I. Комплектование кафедры.

II. План работы кафедры на июль 1976 года.

I. Слушали: Информацию проф. Секерина А. И. о ходе комплектования кафедры.

Кафедре предстоит обеспечить учебный процесс по истории КПСС на первом курсе всех факультетов, по гражданской истории — на первом курсе историко-филологического факультета, по истории СССР и обществоведению — на подготовительном отделении.

Общий объем учебной нагрузки 3600 часов, в том числе 1260 часов по истории КПСС, 240 часов по обществоведению и 2100 часов по гражданской истории, включая и подготовительное отделение.

В соответствии с предполагаемой нагрузкой предполагается иметь на кафедре 6 преподавателей, одного зав. кабинетом, двух лаборантов. Пять преподавательских должностей уже укомплектованы. Это проф. Секерин А. И., доц. Форстман Г. В., канд. ист. наук Цибульский Н. Б., канд. ист. наук Кирьяков Ю. С., ассистент Суслова Г. П. Есть принципиальная договоренность о приглашении на кафедру канд. ист. наук Здановича Г. Б из Карагандинского университета. Предполагается, что Секерин А. И., Форстман Г. В., Цибульский Н. Б. обеспечат учебный процесс по истории КПСС на стационаре и по обществоведению — на подготовительном отделении. Нагрузку по остальным видам истории обеспечат Кирьяков Ю. С., Зданович Г. Б., Суслова Г. П. Для проведения отдельных курсов будут привлекаться специалисты из УрГУ и других учебных и научных учреждений.

Учебно-вспомогательный персонал кафедры частично укомплектован. Зав. кабинетом будет работать З. Н. Анохина (сейчас она пока на должности старшего лаборанта). Лаборантом по специальностям гражданской истории принята Устьянцева Н. Ф. Есть договоренность о переходе с 10 августа на работу в университет лаборантом по истории КПСС М. В. Лесконог, специалиста с высшим историческим образованием, ст. лаборанта ЧИМЭСХ.

Все это позволяет считать, что работа по комплектованию кафедры в основном завершена...»[14].

[14] Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ. (© Назыров П. Ф.)

Зинаида Николаевна вела у нас ещё и семинарские занятия по истории партии и всегда помогала, когда могла, с подбором литературы.

В библиотеке тогда только создавался библиотечный фонд, учебники присылали многие университеты страны. Отбором литературы активно занимались преподаватели, особенно Ю. С. Кирьяков, привлекая к этому нас. Мы помогали переносить, расставлять, оформлять библиотечный фонд и т.д.

Но учебных материалов всё равно не хватало, и родным домом для нас стала Челябинская областная публичная библиотека, где часами, часто до закрытия, мы сидели за книгами и возвращались домой поздно вечером. Такой режим работы был на протяжении всех лет обучения, а в связи с написанием курсовых и дипломных работ библиотеку мы стали посещать ещё чаще. В итоге студенты-историки ЧелГУ стали самыми массовыми посетителями библиотеки. В каникулы и во время преддипломной практики кто-то ещё работал в архивах и библиотеках Москвы...

Нельзя не вспомнить забавные истории из нашей жизни.

*****

В аудиторию стремительно вбежала миниатюрная и задорная Лиля Жданова. Заскочила на стул, стол, встала в позу Владимира Ильича Ленина на площади Революции и громогласно провозгласила: «Плюю на тех, кто ниже меня ростом!» Самый высокий и серьёзный студент на факультете Женя Столяров удивлённо посмотрел на Лилю снизу вверх...

*****

Студенты группы И-201 зашли на лекцию в аудиторию после семинарского занятия и весело сообщили, что Сергунька Глухов на семинаре по истории КПСС начал выступление словами: «Я хочу поспорить с Марксом!» И поспорил...

*****

Подходит ко мне Ирина Пазойская и говорит: «Отгадай загадку: «Начинается на Я и кончается на Я». Я сразу догадалась, что отгадка – это Я, т. к. моя фамилия начинается на Я и заканчивается на Я. Кроме того, так получалось по жизни, что я часто брала ответственность на себя. Мы весело рассмеялись».

Б. И. Ровный

Первая сессия всегда самая страшная, я так думаю, и когда моя дочь сдавала первую сессию, я просто вспоминал себя. Если человек относится к этому серьезно, это настоящий ужас: бессонные ночи... То есть все очень готовились, это была прямо какая-то гонка. Хотелось вылезти из кожи, хотелось доказать преподавателю, что ты умный, что ты много знаешь. Это напоминает мне, знаете, финальный матч какой-нибудь, исполненный драматизма поединок с преподавателем – или победа, или поражение. Причем многие из нас (я повторяю, это был неплохой курс), многие из нас «4» воспринимали как поражение. Девчонки выходили зареванные... Люди выкуривали там по несколько пачек сигарет в день, перезванивались,

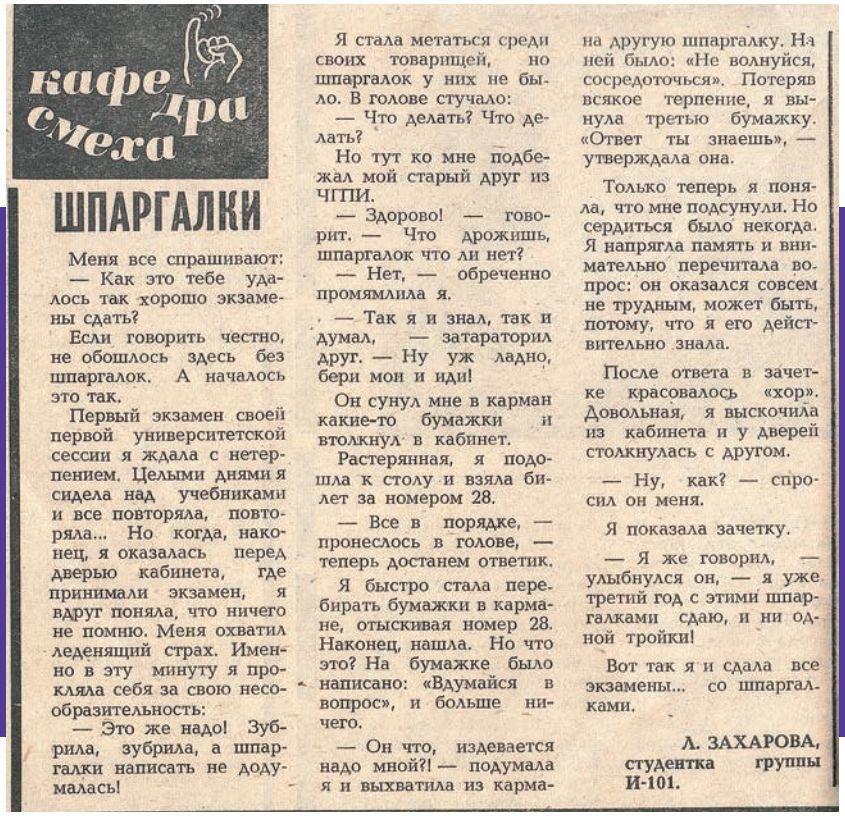
бегали друг к другу «добивать» билеты, дрожали друг за друга у дверей. Я помню эти впечатления первой сессии: из группы никто не ушел, пока последний не сдал. Вот настолько были велики переживания. Ну, я понимаю, так сказать, что время немножко другое, сейчас к этому относятся, конечно, более рационально. И объяснение этому еще вот какое: мы хотели изо всех сил доказать нашим преподавателям, что мы умные, что мы достойны учиться в этом университете, что нас не зря приняли сюда. Вот это ощущение, что нужно доказывать, в нас очень долго присутствовало. Понятно, что со временем, после первой сессии, были вторая, третья, четвертая... И на четвертом курсе, как полагается старослужащему студенту, он становится в меру ленив и необязателен. Это общесоциологическое наблюдение, которое было характерно для того времени.

Е. И. Сёмочкина

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА ЗА 1978 г.

4.04. *«...Семинар у Дочки (И. Я. Эльфонд. – Прим. ред.). «Загадки будет три, а смерть – одна», – мило улыбнувшись, сказала она, деля доску на три части, по районам Крестьянской войны в Германии. Мне досталась Франкония. Ещё писали Синицын и Васька».*

30.04. *Было воскресенье и Пасха. Но день считался рабочим и учебным, поскольку 1 мая выпадал на понедельник, к которому присоединяли следующие два дня, чтобы граждане отдохнули*



кафедра смеха

ШПАРГАЛКИ

Меня все спрашивают:
— Как это тебе удалось так хорошо экзамены сдать?

Если говорить честно, не обошлось здесь без шпаргалок. А началось это так.

Первый экзамен своей первой университетской сессии я ждала с нетерпением. Целыми днями я сидела над учебниками и все повторяла, повторяла... Но когда, наконец, я оказалась перед дверью кабинета, где принимали экзамен, я вдруг поняла, что ничего не помню. Меня охватил леденящий страх. Именно в эту минуту я проклята себя за свою несообразительность:

— Это же надо! Зубрила, зубрила, а шпаргалки написать не додумалась!

Я стала метаться среди своих товарищей, но шпаргалок у них не было. В голове стучало:

— Что делать? Что делать?

Но тут ко мне подбежал мой старый друг из ЧГПИ.

— Здорово! — говорит. — Что дрожишь, шпаргалок что ли нет?

— Нет, — обреченно промямлила я.

— Так я и знал, так и думал, — затараторил друг. — Ну уж ладно, бери мои и иди!

Он сунул мне в карман какие-то бумажки и втолкнул в кабинет.

Растерянная, я подошла к столу и взяла билет за номером 28.

— Все в порядке, — пронеслось в голове, — теперь достанем ответик.

Я быстро стала перебирать бумажки в кармане, отыскивая номер 28. Наконец, нашла. Но что это? На бумажке было написано: «Вдумайся в вопрос», и больше ничего.

— Он что, издевается надо мной?! — подумала я и выхватила из кармана другую шпаргалку. На ней было: «Не волнуйся, сосредоточься». Потеряв всякое терпение, я вынула третью бумажку. «Ответ ты знаешь», — утверждала она.

Только теперь я поняла, что мне подсунули. Но сердиться было некогда. Я напрягла память и внимательно перечитала вопрос: он оказался совсем не трудным, может быть, потому, что я его действительно знала.

После ответа в зачетке красовалось «хор». Довольная, я выскочила из кабинета и у дверей столкнулась с другом.

— Ну, как? — спросил он меня.

Я показала зачетку.

— Я же говорил, — улыбнулся он, — я уже третий год с этими шпаргалками сдаю, и ни одной тройки!

Вот так я и сдала все экзамены... со шпаргалками.

Л. ЗАХАРОВА,
студентка группы И-101.

Рассказ о шпаргалках студентки группы И-101 Л. Захаровой, «Челябинский университет», 8 марта 1977 г.

Навстречу XVIII съезду ВЛКСМ

ОБРАЩЕНИЕ

СТУДЕНТОВ-ОТЛИЧНИКОВ КО ВСЕМ СТУДЕНТАМ УНИВЕРСИТЕТА

НА СНИМКЕ: слева направо студенты физмата Ш. Ягофаров, С. Сатаева, студентка истфила Л. Пономарева, проректор по учебной и научной работе А. А. Голиков, студентки физмата Е. Данилина и Г. Корюкова, студентка истфила Л. Нестерова.

Мы, студенты - отличники, в ответ на Письмо ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о развертывании социалистического соревнования призываем всех студентов Челябинского государственного университета шире развернуть соревнование по достойной встрече XVIII съезда ВЛКСМ, 60 - летия Ленинского комсомола.

Мы обращаемся к каждому студенту с предложением пересмотреть свои личные комплексные планы «учимся коммунизму — строим коммунизм», обязательства, направленные на повышение качества учебы, и поставить перед собой задачи, может быть, трудные и напряженные, но еще более созвучные стремлению всей молодежи страны, каждого комсомольца, достойно встретить юбилей нашего Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

«Сегодня работать лучше, чем вчера, завтра — лучше, чем сегодня»—этот лозунг определяет сейчас наши дела.

У нас есть все реальные возможности, чтобы улучшить результаты нашей учебы. В университете по итогам последней сессии 47 студентов имеют только одну четверку, 96 студентов — только одну тройку. Это прямой резерв повышения качества учебы, необходимо только так направить свои усилия, чтобы то, что вчера знал на три, сегодня знать на четыре, что сегодня знаешь на «хорошо», завтра знать на «отлично».

Наш вклад в пятилетку эффективности и качества — это отличная учеба.

Право на образование, данное нам Советским государством, накладывает на нас большую ответственность и требует от каждого студента мобилизации всех сил на повышение качества учебы, еще более глубокое освоение той суммы знаний, без которой невозможна в будущем работа специалиста с высшим образованием.

Мы, студенты-отличники, будем оказывать в учебе помощь всем студентам, кто в ней нуждается. «Ни одного отстающего рядом» — вот в концентрированном выражении задача, стоящая перед нами, и мы призываем всех направить свои силы на ее реализацию.

Призыв отличников, «Челябинский университет», 11 апреля 1978 г.

по полной программе. В дневнике дословно было записано «Пришло 24 человека из 50. ЮСК [т. е. Кирьяков]: «Что-то у вас атеистическая пропаганда слабая» и ещё: «Вы – приверженцы ортодоксального христианства».

Несколько слов об экзамене по истории Средних веков. Его мы сдавали в течение двух дней, так как (видимо, по просьбе Ирины Яковлевны) желающие могли прийти к ней в день перед официальной датой сдачи. У меня написано об этом так:

10.06 *«...Коляева, Ляса, Зуб, Ждан и др. [кто эти др., не написано нигде] ходили к Эльфонд сами – “5”».*

Получается, что эти девочки, как и неизвестные др., получили «пятёрки». Под этой записью написано размашисто карандашом «подлизы».

11.06. *«...Сдала ИСВ – “4”. Второй вопрос почти не отвечала. А первый Дочка перепутала, и я выдавала импровиз»...*

Какие вопросы я отвечала, не помню и нигде это не написано, так же, как и то, почему был сокращён ответ по второму вопросу, в чём заключалось «перепутывание» и моя последующая импровизация.

Студенты Г. Аубакирова и Л. Остроушкина в Челябинской областной публичной библиотеке

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Образование мы получали академическое. История России с древних веков до наших дней, всеобщая история от Древнего мира до Новейшей истории, этнография, история южных и западных славян, история культуры, археология, история первобытного общества... Общекультурные предметы: философия, логика... Языки: английский, или немецкий, или французский, а также латынь и древнерусский язык. Латынь заучивали так, что даже сейчас я помню не только латинские пословицы, но и басню «Стрекоза и муравей» (по крайней мере, начало).

Вообще кафедра иностранных языков помимо аудиторных занятий периодически проводила интересные мероприятия по своему профилю: рассказы преподавателей о разных странах (например, И. Н. Незнанов о своей стажировке в США). В мае 1977 г. был организован конкурс чтецов. Звучали стихи на английском, французском и немецком языках (Бехер, Шиллер, Шекспир, Байрон, Шелли, Лонгфелло и др.). Среди лучших чтецов были и наши историки: из выступавших на английском языке лучшей по оценке жюри и болельщиков стала Ольга Масленникова (прочитала сонет Шекспира), второе место заняла Алла Лушникова (стихотворение Байрона)[15].

Ну и поскольку мы учились в советское время, то нам преподавали историю КПСС, политическую экономию и научный коммунизм. Помню, что заставляли конспектировать так называемые «первоисточники»: труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Идеология глубоко проникала в учебный процесс, вот, например, как назывались спецкурсы и спецсеминары у тех, кто специализировался по истории КПСС: «В. И. Ленин и историко-партийная наука», «Ленинское учение о партии и современность», «В. И. Ленин и Коминтерн», «Ленинское учение о союзе рабочего класса с крестьянством и современность», «Ленин и национальный вопрос». В рамках социалистического соревнования на лучшую академическую группу главным критерием была успеваемость. Здесь учитывались итоги промежуточных аттестаций и сдачи сессий. Эта информация регулярно обсуждалась на комсомольских и профсоюзных собраниях, освещалась в университетской газете.

Каковы же были итоги сессий?

Зимняя сессия 1976–1977 уч. года. На историко-филологическом факультете абсолютная успеваемость 95,2 %, качественная – 62,9 %. Из 105 студентов пятеро получили «двойки» и 17 студентов сдали экзамены на «отлично». Пропусков занятий без уважительной причины на факультете 196 часов[16].

Зимняя сессия 1978–1979 уч. года. По вузу в целом: каждый 10-й студент университета – отличник. Абсолютная успеваемость на лучшем в вузе историко-филологическом факультете – 86 %. Пропуски занятий без уважительных причин: на историко-филологическом факультете – 3609 часов за семестр[17]. Победителем соцсоревнования на историко-филологическом факультете стала группа И-302 (профорг Н. Калганова), группа И-301 заняла 4-е место.

В марте 1980 г. наша газета писала: «Обидно нам за четвертый курс, которые в этом году заметно сдали позиции. Сейчас надо поскорее ликвидировать все задолженности»[18]. В 1981 г. успеваемость по вузу: абсолютная – 93,3 %, качественная – 60,1 %.

[15] «Челябинский университет», 17 мая 1977 г.
[16] «Челябинский университет», 15 февраля 1977 г.
[17] «Челябинский университет», 27 февраля 1979 г.

Услышанное на лекциях увлекало нас, мы искали редкие книги, запоем читали научную литературу, обсуждали и спорили. Помню наше бурное обсуждение личности Александра Первого, всех волновал вопрос: почему император так и не решился на масштабные реформы в России, действительно ли старец Фёдор Кузьмич и император — это одно и то же лицо. Спорили в трамвае так громко, что пассажиры сделали нам замечание. Были и курьезные случаи. На семинаре по теме «Вступление Российской империи в стадию империализма» обсуждали возникновение промышленных монополий в начале XX века, Сережа Глухов название «Товарищество механического завода «В. Г. Столль и К°» прочитал как «Столль и К градусов», а потом долго не мог понять, почему вся группа смеётся.

Отношения с преподавателями преимущественно были уважительные. Особенно восхищение вызывали эрудиция и интеллигентность Ю. С. Кирьякова.

Материально-техническая оснащенность учебного процесса оставляла желать лучшего. Так, на историко-филологическом факультете были открыты три методических кабинета: марксизма-ленинизма, русского языка и литературы, иностранных языков. «К сожалению, книжный фонд наших кабинетов невелик. Мы даже не имеем всех томов полного собрания сочинений В. И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса». В кабинете иностранных языков размножены на копировальной машине «Эра» несколько ценных пособий. Не хватает книжных шкафов. Кабинет марксизма-ленинизма имеет много карт, схем и картин по истории КПСС и истории Древнего мира. Кабинеты оснащены техническими средствами обучения. Для лаборантов и преподавателей были организованы занятия, на которых они учились обращаться с аппаратурой. На магнитофонную пленку записываются лекции преподавателей, телевизионные учебные передачи[19].

История университетской библиотеки тоже связана с нашим курсом. Вообще, по официальным данным, к моменту открытия университетской библиотеки в ней было 50 тыс. экземпляров книг. «Одновременно шел процесс формирования других подразделений университета. Уже в марте 1976 года заведующей университетской библиотекой стала квалифицированный специалист Любовь Парамоновна Бойко. Вместе с ней начинали работать библиотекари Т. А. Архипова и Г. И. Шевченко. Первая книга поступила в библиотеку 1 апреля 1976 года. Это был седьмой том Большой советской энциклопедии»[20].

Но мы всё время сидели в Челябинской областной публичной библиотеке, которую называли попросту «публичка», поскольку историческая научная литература практически отсутствовала. И вот каким-то чудесным образом Ю. С. Кирьяков сумел договориться с Центральной научной библиотекой Министерства иностранных дел СССР. Со всего курса отобрали 6 человек студентов, более-менее прилично владеющих иностранными языками (я попала в их число). Юрий Сергеевич повёз нас в Москву в зимние каникулы 1979 г. Алексей Кокин писал об этом в нашей многотиражке: «Когда мы прибыли к месту назначения, огромное здание на Смоленской площади поразило нас своей значимостью и многоэтажностью»[21].

Нас поселили в каком-то общежитии, каждый день мы приезжали к 9.00 на Смоленскую площадь, заходили в подъезд № 6 знаменитой

[18] «Челябинский университет», 13 марта 1980 г.
[19] «Челябинский университет», 19 апреля 1977 г.
[20] Форстман Г. В. Открытие первого университета в Челябинске // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1 (11). С. 15.
[21] «Челябинский университет», 13 марта 1979 г.

«сталинской высотки», проходили паспортный контроль и спускались в книгохранилище. В библиотеке МИДа скопилось много книг, которые работники не успевали сортировать и каталогизировать. Мы эти книги сортировали, отбирая часть из них для нашей университетской библиотеки, а также по мере сил помогали работникам библиотеки, наводя порядок на полках. Книги были не только на русском, но и на немецком, английском, французском и др. языках. Среди них знаменитая Британская энциклопедия, экземпляры из личной библиотеки Б. Н. Чичерина с его факсимиле, мемуары Махатмы Ганди, трофейные книги из Германии и многое другое.

Дополню свои воспоминания статьей Алексея Кокина: «В первую очередь нас интересовали документы по истории внешней политики и международным отношениям, ну и, конечно, монографическая страноведческая литература. Книги, отобранные нами, в значительной части написаны на иностранных языках, но есть и русские издания, например, сборники Русского императорского Исторического общества, подшивки «Императорского вестника» за несколько десятков лет»[22].

Ю. С. Кирьяков работал вместе с нами, помогая оценить ценность той или иной книги. Работники библиотеки относились к нам внимательно, отвечали на вопросы, помогали переводить незнакомые иностранные слова. Отобранные нами книги подверглись проверке на дубликатность и секретность сведений, часть книг нам не разрешили взять.

Когда мы закончили разбор книг, руководство библиотеки решило нам заплатить, документ на получение зарплаты на всю нашу бригаду решили выписать на моё имя. И вот я с безмерным трепетом зашла в знаменитую «высотку на Смоленской площади» с парадного входа, мне выписали разовый пропуск с вензелями Министерства иностранных дел СССР, и я поднялась на 25-й этаж на скоростном лифте, по ковровой дорожке прошла в кассу... Полученные деньги разделили на всех.

Несмотря на цензурный фильтр, благодаря Ю. С. Кирьякову четыре контейнера ценнейших научных книг были доставлены в наш университет. Они составили основу университетской библиотеки. С той поры у меня очень трепетное отношение к книгам: перелистываешь страницы, и перед тобой открывается неведомый волшебный мир.

Б. И. Ровный

Да, мы еще ездили в библиотеку Министерства иностранных дел. Это была особая забава, организованная для нас Юрием Сергеевичем Кирьяковым. ...Совершенно другой мир для провинциальных студентов, громаднейшее здание на Сенной, знаете, да. Первый европейский отдел, второй европейский отдел, первый азиатский отдел... Бог мой, сплошные отделы. Внизу, в цоколе, на площадке в этом внутреннем дворе цокольном стоит громаднейший лимузин. Это лимузин Андрея Андреевича Громыко. Мы видели кабинет Андрея Андреевича, аж в животе было больно от страха. Сам Громыко, вообще всякая там чиновная публика... Мы не могли понять, почему так много молодых продвинутых людей с папками.

[22] «Челябинский университет», 13 марта 1979 г.

МЕЧТА НАШЕГО СТАРОСТЫ

Писать о своей группе, соблюдая объективность, нелегко, но мы постараемся следовать этому принципу.

Основу каждой студенческой группы составляет «треуголь ник». «Треугольник» нашей группы образуют три ответственных человека. Самый ответственный не только в «треугольнике», но и в группе (а может быть и на факультете)— это наш староста В. Сидоренко. Он серьезный и редко улыбается. Правда, в последнее время он начал шутить, отмечая как опоздавших тех студентов, которые сидели в аудитории задолго до начала занятий.

Создает хорошее настроение в группе комсорг Д. Потемкин, и в этом ему помогает А. Синицин, член профбюро факультета, к тому же отличный спортсмен. Профорг В. Аксенова как никто другой заботится о наполнении наших желудков.

Самый красноречивый в группе — это Б. Ровный. Как говорят в народе, этому палец в рот не клади... Правда, его красноречие иногда пропадает, *особенно, в день КВН.*

И. Бавыкина — самая спортивная девочка группы.

М. Лясковская — самая поющая.

Самый щедрый, по общему мнению,—Д. Потемкин. Наверное, потому что, не задумываясь, вкладывает десятку за группу в фонд подписки.

А самый, самый, самый — это Б. Сюртуков. Его популярность недосягаема.

Если мы считаем, что наша группа — самая лучшая, то наш куратор Г. П. Суслова оценивает нас более критично. Союз с куратором сложился творческий, особенно на поприще выпуска стенных газет. Но иногда мы стремимся к укреплению союза на семинарских занятиях, предпочитая лучше отмолчаться, чем сказать что-нибудь не то. Из-за этого молчания у нас был не один деловой разговор в группе и даже не одно групповое собрание, где мы поклялись больше так не молчать.

Такова наша группа. У нас пока не все получается с учебой, еще не все студенты группы живут активной общественной жизнью, еще не сбылась мечта нашего старосты о том времени, когда никто не будет опаздывать на лекции. Но уже есть в группе свои заводилы, студенты, лучшие в учебе и в общественной жизни. Сейчас задача всей группы — сделать все, чтобы после первой студенческой сессии было как можно меньше троек (а хорошо бы, чтобы их вообще не было), чтобы каждый студент группы И-101 стал зачинателем какой-нибудь университетской традиции, и, наконец, каждый должен сделать все от него зависящее для осуществления мечты нашего старосты.

Слово о группе мы передаем студентам группы И-102.

О. КОЛЯЕВА, Л. ЗАХАРОВА, студенты группы И-101 историко - филологического факультета.

Рассказ представителей группы И-101 О. Коляева, Л. Захарова, «Челябинский университет», 7 декабря 1976 г.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

**ЧЕЛЯБИНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

454026, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 70б.
Телеграфный адрес: Челябинск, ЧГУ.
Телефон: 35-79-79.
Расчетный счет 120385 в горуправлении Госбанка.

16.01.79 № 52-01-23

на № _____ от _____

ДИРЕКТОРУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МИД СССР
ТОВ. СОКОЛОВУ В.А.

Прошу Вас разрешить пользоваться фондами специального хранения вверенной Вам библиотеки студентке Ш курса историко-филологического факультета НИКОЛАЕВОЙ М.Н. для работы над темой научных исследований "Специфика формирования национальных армий в странах Азии и Африки" на период с 2I по 3I января I979 года.

РЕКТОР /С.Е.МАТУШКИН/

Ходатайство ЧГУ в Центральную научную библиотеку МИД СССР, 1979 г.

В кабинете иностранных языков, «Челябинский университет», 17 ноября 1976 г.

Это были дети дипломатов, дети из академии. Мы запомнили совершенно новый стандарт жизни, когда в одни и те же часы публика ссыпалась, как горох, на нижние этажи, где приезжали всякие лавки заказные. Была лавка мясная, была лавка шмоточная, была лавка парфюмерная. Москва, так сказать, отоваривалась западными товарами, продуктами, ну и нам перепадало.

В библиотеке мы работали и брали книги в том числе. Не для себя, а для нашей факультетской библиотеки. Если книжку у нас отнимали: «Нет, это вы не возьмете», мы ее обратно, значит, выносили. Мы привезли много литературы... Нам за работу, за рассортировку было разрешено было брать книги, книги для факультета... Ну а после работы, за которую нам даже заплатили 10 рублей, мы брали трояк и шли в театры. Это время — время театров. Естественно, что «Современник», Театр комедии, естественно... И мы во многие попадали, то изображая из себя польских туристов, то еще чего-то. Ну нас периодически вылавливали, вышвыривали. Но билетов было не достать вообще. «Современник», Таганка — impossible — невозможно. Вот на Таганку мы, кстати, подмазались к одной доброй пожилой женщине-польке. Мы сказали, что тоже будем польские туристы, и нас пропустили, дали там какие-то контрамарки. Вот, а в другом месте, когда мы попытались сыграть в такую игру, нас просто вытурили бабушки эти, вахтерши. Но отчаянное желание быть причастными к театральному искусству у нас тогда сохранялось. Мы посетили практически все театры. В один день не попадаешь, в другой день — все — обязательно! Это тоже была своеобразная практика для специализации всеобщей истории, я думаю, о ней помнят все, кто в то время там был и работал...

Об особой демократической атмосфере первых трех лет вспоминают и студенты, и преподаватели. Наверное, такие дружеские, уважительные и теплые отношения между преподавателями и студентами сегодня сложно себе представить. Было некое противостояние «ортодоксов» и «свердловского десанта», о котором мы, студенты, и не догадывались. Это и привело к некоторому изменению атмосферы в университете после 1979 года и позднее.

Г. П. Суслова

Это было романтическое время. ...Коллектив был совершенно замечательный. Причем он был единый: мы не разделяли преподавателей и студентов. Мы были единый факультетский коллектив.

— ...Что такое «студенты и преподаватели на факультете единое целое»? Как это можно себе представить?

Г. С.: — Дело в том, что мы были достаточно молоды. Все преподаватели — ровесники, за небольшим исключением, и разница была в 5–10 лет. Ну, такие «киты», как Александр Иванович Лазарев, они, конечно, были постарше. Таких было немного — Секерин, тоже вот... Они были немного выше нас — заведовали кафедрами, и они были небожителями, с которыми мы были посредниками. Они были с нами демократичны. А со студентами у нас не было большой возрастной разницы. Кроме того, мы были между собой все в очень близких отношениях, а это очень трудно скрыть, когда преподаватели

не только объединены какими-то формальными, кафедральными стенами, а когда они — друзья. Мы были очень близкие друзья. Дружба не на уровне междусобойчиков (хотя и такое было), это была дружба на уровне признания статуса, признания профессионализма, признания интересности. Никто никому не был соперником, мы все уважали своих учителей. В основном, преподаватели были из Екатеринбурга, и мы знали корни друг друга, держались друг друга. И это как-то совершенно случайно было так, что у нас у всех был культурологический подход, хотя тогда таких слов и не произносилось даже. Но я была единственной, кто профессионально в этом русле был воспитан, кто получил знания в этом русле. И я просто опознавала их подход, идентифицировала их. А они как-то инстинктивно так вели себя и так преподавали. И это тоже было очень важно для студентов — не было большого разброса в отношениях со студентами, в методике преподавания, в подходе, в оценках, в атмосфере. Летние экспедиции — дружеская атмосфера. Наш первый набор ездил еще в археографическую экспедицию с Байдиным, с Кирьяковым — в Среднюю Азию, со Здановичем — на местные раскопки. Это все был один круг университетский. Это некое общее дело, общая атмосфера. Мы все были людьми порядочными, и все были бескорыстно заинтересованы в том, чтобы дать им как можно больше. Стремились научить манере общения, профессионализму во всех моментах его проявления. У нас было некое такое единение. А ведь им ни в археографической, ни в археологической экспедиции нельзя жить как начальник и подчиненный, только как товарищи.

— Так как слишком много общего...

Г. С.: — Да, конечно. Университет создавался. Мы сами создавались, сами формировались как преподаватели; причем Кирьяков, Зданович уже преподавали в университете, но я осмелюсь утверждать, что и для них этот университет был первым в таком смысле. Там они входили как младшие партнеры уже в готовое дело — не всегда с хорошими традициями. Как правило, эти преподаватели тоже испытывали некоторые неприятности за свое свободомыслие. Мы все были шестидесятниками, а ведущие посты в университетах, как правило, занимали люди, далеко не разделявшие наши взгляды. Были какие-то такие дискомфорты. И не случайно они выбрали этот новый университет: начать все с нуля, чтобы сделать свое. То место, где идеи шестидесятых могли бы реализоваться в полной мере. Поэтому для всех для нас это была та «tabula raca», куда мы писали себя, свои прогрессивные идеи.

— И студенты ведь тоже создавали себя.

Г. С.: — Да, первые два курса тоже создавали и разделяли наши взгляды. Потому и единство рождалось.

Б. И. Ровный

...И я считаю, во многом благодаря ее усилию *(декана Л. А. Шкатовой. — Прим. ред.)*, и сформировались те отношения между студентами и преподавателями, которые имели место быть где-то до 1979–1980 года. Когда ничего не стоило зайти на кафедру пообщаться с любимыми преподавателями, это воспринималось как норма, ну, конечно, нужно было извиниться, может быть, люди

были заняты. Преподаватели охотно принимали нас в своих таких как бы мини-коллективах, всякие дискуссии проходили в присутствии студентов, и студенты, в меру своей подготовленности, могли участвовать в этом, что-то могли сказать по этому поводу.

Ситуация стала меняться с 1979 года, когда на исторический факультет в том числе стали приходить преподаватели пединститута, и не только из нашего института, но еще и со стороны. И факультет, он уже к тому времени был историческим, все более и более получал вот эту педологическую, я бы сказал, направленность. Во-первых, была расширена педагогика, ряд других изменений, которые нам казались нарушением университетской вольницы. Но все это было не так страшно на самом деле, просто воспринималось по контрасту с тем, что было.

О руководителях наших научных специализаций мы поговорим в следующей главе. А здесь вспомним преподавателей общекультурных дисциплин.

Л. А. Остроушкина (Бецкова)

Пишу эти строки с таким же трепетом, с каким впервые входила в учебную аудиторию. Новый университет не обладал в то время основательной материальной базой для проведения учебного процесса, но тем ценнее было общение с преподавателями, сразу окружившими нас вниманием и заботой. Мы были первыми и очень старались. Для меня университет являлся прежде всего источником новых знаний, возможностью реализации себя в учебной и научной работе. Поэтому я стремилась впитывать в себя все лучшее и ценное, что давали нам наши педагоги.

Было с кого брать пример! Называю здесь самых ярких преподавателей, оставивших незабываемый след в моей жизни: Н. Н. Алеврас, В. С. Антипов, В. Н. Белкин, Л. А. Глинкина, Г. Б. Зданович – куратор нашей группы, Ю. С. Кирьяков, А. И. Лазарев, Л. В. Чурсина, Я. А. Эльфонд и многие другие. Творческие, харизматичные, профессионалы своего дела, они неустанно трудились над формированием наших личностей. Они были не только преподавателями, но и наставниками в жизни, передавая нам лучшие человеческие качества: скромность, порядочность, добросовестность. Я училась у них быть собой, уметь отстаивать свои позиции, не бояться рисковать. Как впоследствии пригодился нам багаж критического мышления! Мы не потерялись в 1990-е, сумев разобраться в непростых ситуациях.

Большой вклад в наше обучение внесла кафедра иностранных языков. Под руководством замечательного методиста Л. В. Чурсиной мы занимались дополнительно. Общались по-немецки довольно свободно. Игорь Нарский и я были премированы поездкой в ГДР. Однако в связи с подготовкой к Олимпиаде в Москве поездка не состоялась. Зато знания языка сохранилось на долгие годы, явилось подспорьем в анализе иностранных источников, в поездках за рубеж.

Е. И. Сёмочкина, И. В. Бавыкина

Галина Андреевна Аристова вела английский язык в нашей группе все четыре года. По уровню языковой подготовки мы были очень разными, поэтому ей пришлось максимально дифференцированно подходить к нам, особенно в первый год. В дальнейшем этот подход сохранялся, но внешне не бросался в глаза, так аккуратно наша преподавательница регулировала учебный процесс. К «продвинутым» студентов требования всё больше и больше повышались, особенно это касалось переводов оригинальных, неадаптированных текстов. Например, вместо «Moscow news» нужно было переводить «Morning star». Или американский журнал-отчёт по полевой археологии на стоянке «Берёзовый ручей» в штате Айдахо. Или на третьем курсе я (Е. С.) писала научную работу под руководством Я. А. Эльфонда «Ленинская тактика единого фронта и борьба Коммунистической партии Великобритании за её осуществление в 1920-е годы». Вот где мне действительно пришлось напрягаться, продираясь через лексику тех лет, поскольку к концу 1970-х многие реалии и соответствующие им названия вышли из употребления. К студентам с минимальным уровнем подготовки Галина Андреевна была чрезвычайно терпима и терпелива, чутко относилась к тем, у кого был психологический барьер при разговоре на английском. Помощь её была совсем не навязчивой, а подсказывающей, как будто человек додумался до необходимого высказывания совершенно самостоятельно. Такой подход вдохновлял и окрылял даже самых непонятливых.

Сама манера общения Галины Андреевны была спокойной и располагающей. Мы даже завидовали группе филологов, у которых она была куратором, потому что и во внеурочное время с ней было легко найти взаимопонимание по самым разным проблемам.

Впоследствии те из нас, кому пришлось сдавать кандидатский минимум по английскому языку, вспоминали Галину Андреевну самыми добрыми словами за прекрасную выучку. Не говоря уже о зарубежных поездках, где английский стал языком международного общения и где важно было, прежде всего, начать хоть как-нибудь говорить. «Вас поймут!» — говорила Галина Андреевна, доброжелательно кивая головой и незабываемо улыбаясь.

Поздравляем Вас, Галина Андреевна, с нашим общим юбилеем Челябинского государственного университета и желаем Вам всех благ и процветания во всех сферах!

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Игорь Николаевич Незнанов преподавал нам английский язык. Пришел он в университет совсем молодым преподавателем и сразу очаровал. Блестящее владение английским языком, интересные методики. В 1974 году он побывал на стажировке в США и в течение семестра учился там в Нью-Йоркском университете. Он рассказывал нам об Америке, показывал фотографии с видами Белого дома, небоскребов, Ниагарского водопада и др.

Группа была очень неоднородна по уровню владения английским языком, но Игорь Николаевич сумел найти подход к каждому. Помню самым сильным (Кокин Леша, Лушникова Алла и я,

Николаева Марина) давал отдельные задания повышенной сложности, находил для нас интересные тексты для перевода, не только учебные, но и из художественной литературы. Любовь к английскому языку я пронесла через всю жизнь, знания пригодились мне в США (учительская обменная программа – 1993 г.), в Канаде (научный грант – 2008 г.), на международных научных конференциях, да и просто в туристических поездках по всему миру.

Сегодня Игорь Николаевич трудится доцентом кафедры лингвистики и перевода ЮУрГУ. Владеет английским и португальским языками. И продолжает собирать восторженные отзывы учеников.

Л. М. Яблонская

Нельзя не вспомнить Игоря Николаевича Незнанова – молодого преподавателя английского языка. Профессиональный переводчик, прошедший стажировку в США, обаятельный, с прекрасным английским языком, он произвёл переворот в нашем отношении к английскому. До этого мне как-то не везло с преподавателями английского языка. Приходилось зубрить, английский язык вызывал напряжение. Игорю Николаевичу удалось снять это напряжение. Я почувствовала, что английский язык можно легко изучать и понимать. Это мне пригодилось в дальнейшей работе над дипломом и в последующей научной работе. Был один эпизод, который запомнился и при воспоминании вызывает улыбку.

Конец мая – начало июня. Цветут тополя и романтическое настроение. Мы с Ларисой Пономарёвой ушли с занятия потому, что нам так хотелось. В радостном настроении идём по дорожке от университета, а навстречу – Игорь Николаевич спешит к нам на занятие. Мы от неожиданности сначала напряглись, но деваться было некуда... Расслабились, на его улыбку и приветствие улыбнулись, поздоровались, как будто так и должно было быть, и весело прошли мимо. А на душе было радостно, светило солнце и кружился тополиный пух.

Е. И. Сёмочкина

О латыни

...Латынь из моды вышла ныне:
Так, если правду вам сказать,
Он знал довольно по латыни,
Чтоб эпиграфы разбирать,
Потолковать о Ювенале,
В конце письма поставить «vale!»,
Да помнил, хоть не без греха,
Из «Энеиды» два стиха...
А. С. Пушкин

До университета мы, естественно, не имели дела с латинским языком в своей жизни. В советской школе, в отличие от дореволюционных гимназий, изучение этого языка не предполагалось, да и потребности в этом не было. Но, увидев название «латинский язык» в числе прочих предметов, я испытала смешанные чувства: любопытство, предвиденье немалых трудностей

Аристова Галина Андреевна (архив ЧелГУ)

Шелховская Нина Ивановна (архив ЧелГу)

Незнанов Игорь Николаевич (архив ЧелГУ)

Чурсина Людмила Васильевна (архив ЧелГУ)

Аносова Татьяна Федоровна (архив ЧелГУ)

(о чём свидетельствовала наша российская литература), желание освоить нечто новое. Плюс – интерес к этому предмету подогревался известнейшей песенкой вагантов с пластинки Тухманова «По волнам моей памяти», вышедшей как раз в лето нашего поступления в университет. В процессе изучения языка не раз мы вспоминали строчки «...если... я случайно не помру от своей латыни...». Особенно когда речь шла об окончаниях слов, о спряжениях и склонениях, обо всех этих «аккузативусах» и «вокативусах». Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. А вот пословицы, две басни («De asino pelle leonis ornato» и «Formica et Cicada»), Gaudeamus, Monumentum (нерукотворный) запоминались весьма быстро, так что до сих пор кое-что можно вспомнить при случае.

Отдельная благодарность Нине Ивановне Шелховской, которая вела у нас этот предмет. Ей пришлось проявить недюжинную выдержку по отношению ко всем нам. Вот уж поистине у неё было терпение, сравнимое с Цицероновым, выступавшим по поводу небезызвестного Катилины! Но ничего, мы вполне достойно выкарабкивались с помощью, конечно, Нины Ивановны из учебных текстов, над которыми билось не одно поколение российских гимназистов.

Само слово «латынь» звучало по-университетски, придавая нашему довольно унылому, обшарпанному существованию – в школьном здании! – отблеск чего-то далёкого, важного, может быть, даже величественного. Казалось, что серость эта временная, а там, где-то на горизонте, всё будет великолепно. Наивные, мы не знали главную историческую истину: нет ничего более постоянного, чем временные явления... Но я-то ведь речь веду о латыни! Её освоение помогало нам как в изучении исторических дисциплин, так и в изучении современных иностранных языков, насквозь ею пропитанных. Поистине это был «золотой ключик», помогавший открывать многие тайны истории.

P.S. Не могла в книжном магазине пройти мимо сборника «Латынь на все случаи жизни». Время от времени я заглядываю в него, черпаю мудрость древних и вспоминаю баснословные студенческие годы.

Feci, quod potui, faciant meliora potentes!

Е. И. Сёмочкина

О «гастролях»

Первые годы ЧГУ испытывал хронический голод квалифицированных преподавателей, особенно исторических дисциплин. Однако этот недостаток – это я так сейчас считаю – обернулся всё-таки своеобразным преимуществом. У нас были восхитительные «гастролёры», в основном из УрГУ и, кажется, из Пермского универа. К сожалению, фамилии большинства их в моей памяти не сохранились. Отмечу: вспомогательные исторические дисциплины (Черноухов); источниковедение и историография – российские; история южных и западных славян (Рябоконь); ещё какие-то российские истории (Урала?). Свои курсы эти преподаватели вычитывали «оптом», для чего у нас убирали регулярные занятия по расписанию. И, конечно, их требования на зачётах и экзаменах не были завышенными.

Но недовольства этими «авралами» я не припоминаю, т. к. качество преподнесения материала было на высоком уровне, это чувствовалось, даже несмотря на его предельную сжатость.

Дополним эти воспоминания цитатой из отчета о работе секции истории кафедры марксизма-ленинизма за 1977/78 г.: «...Кроме того, для преподавательской работы на условиях почасовой оплаты привлекались специалисты-историки из гг. Свердловска и Челябинска: зав. кафедрой архивоведения УрГУ доцент Черноухов А. В., *(ВИД — вспомогательные исторические дисциплины. – Прим. ред.)*; доцент ЧГПИ Глинкина Л. А. (древнерусский язык), доцент ЧГПИ Матюхина Л. Н. (история СССР), канд. истор. наук из УрГУ Селиванова Г. И. (история СССР), ст. лаборант кабинета археологии Хабдулина М. Н. и с. н. с. Малютина Т. О. В качестве консультанта для выполнения курсовых работ привлекался аспирант-целевик при УрГУ, начальник археографической экспедиции ЧГУ Байдин В. И.»[23]

Г. П. Суслова

...Кирьяков, Зданович, была приглашена Бармина *(Бармина Надежда Игоревна. — Прим. ред.)*, которая была специалистом очень высокого класса, она тоже была археологом, но она копала Малгонт на Черноморском побережье, писала диссертацию по этой теме, действительно открытие — теоретическое (о развитии феодализма и т.д.).

— Обычно археологии ведь свойственно именно описание...

Г. С.: — Да, в том-то все и дело. Нам повезло и со Здановичем так же. Она же (Бармина) сделала открытие о переходном типе государства от предыдущей эпохи к феодальной (государство Феодоро). С ней копали наши студенты, они вели беседы.

Л. М. Яблонская

Доктор философских наук, профессор Ким Николаевич Суханов преподавал у нас логику. Закончивший с отличием философский факультет МГУ, он в 1963 г. защитил кандидатскую и был направлен в Челябинский политехнический институт, где со временем возглавил кафедру философии. В 1980 г. после защиты докторской диссертации перешёл трудиться в Челябинский государственный университет сначала заведующим кафедрой марксизма-ленинизма, а затем заведующим кафедрой философии и проректором по науке. Настоящий университетский профессор, эрудированный, интеллигентный, корректный и вежливый, он спокойно и убедительно объяснял нам не всегда понятные категории формальной логики. Позже под его руководством я работала заведующей кабинетом общественных наук.

[23] Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ (© Назыров П. Ф.)

ЧелГУ 50

ЧЕЛГУ

03

Учителя с большой буквы

Аспиранты и преподаватели кафедры истории КПСС

Главной кафедрой на факультете считалась кафедра истории КПСС, и количественно она была больше других, и именно она считалась выпускающей кафедрой. Путь в будущую целевую аспирантуру был открыт только через эту кафедру.

«10 февраля 1977 г. Совет *(Совет историко-филологического факультета. – Прим. ред.)* **утвердил 3 исторических специализации: по археологии, истории СССР, всеобщей истории. 31 августа 1977 г. на кафедре марксизма-ленинизма было утверждено 3 секции: истории СССР — руководитель Ю. С. Кирьяков, экономики — руководитель А. Ф. Чернышева, истории КПСС — руководитель Я. А. Эльфонд (доктор исторических наук, профессор, приехавший в Челябинск из Саратовского университета), на базе которых вскоре были организованы самостоятельные кафедры истории КПСС, истории (с 1980 г. — истории СССР и всеобщей истории), экономики и социологии труда»[24].**

Е. И. Сёмочкина
Профессор с фронтовым багажом

Александр Иванович Секерин в первый год существования университета стал не только первым, но и единственным доктором исторических наук, профессором на нашем факультете и возглавил кафедру истории КПСС. Нам, в основном вчерашним школьникам, он казался очень пожилым человеком, умудрённым житейским опытом. Ему на тот момент было чуть за пятьдесят. За его плечами была Великая Отечественная война, на которую он ушёл добровольцем (в нашем примерно возрасте!). Воевал в Уральском добровольческом танковом корпусе, дошёл до Праги, но свои многочисленные награды надевал исключительно в День Победы 9 мая.

Лекции читал Александр Иванович очень тихо, так что дальше второго ряда его было почти не слышно. И вообще он никогда не повышал голос, который, тем не менее, мог ободрить в трудную минуту. На собственном опыте я убедилась, как весома была его такая вот тихая поддержка, как много она значила для неопытной студентки, споткнувшейся на пустяке.

Лекции по истории КПСС вряд ли можно было назвать увлекательными, предмет, сами понимаете, отличался идеологической серьёзностью. Единственной запомнившейся «вольностью»

[24] Назыров П. Ф. Исторический факультет ЧелГУ: первые десятилетия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). С. 63.

ШЛА ВОЙНА НАРОДНАЯ

В 60-летней истории Советской Армии особое место занимает период Великой Отечественной войны. В те огненные годы с исключительной силой и яркостью проявилось нерушимое единство армии и народа, явившееся одной из главных причин нашей победы над сильным и озверелым врагом — германским фашизмом.

Когда началась война, мне еще не было и 16 лет. Но уже тогда мальчишечье сердце рвалось на фронт, на бой с фашизмом. Правда, реализовать этот порыв удалось лишь через полтора года. А на первых порах пришлось помогать фронту в тылу. Мы, сельские подростки, сочетали учебу в школе с работой на колхозных полях. А зимой 1941-1942 г. в нашей школе для старшеклассников были организованы курсы трактористов, работавшие во внеучебное время. Летом 1942 года мы после окончания курсов заменили ушедших на фронт трактористов. Вместе со мной в тракторных бригадах работали школьные друзья Саша Гордеев, Сережа Онохов, Валерий Лыюров, Маруся Черепанова.

В феврале 1943 года из десятого класса Дуванской средней школы я ушел добровольцем в армию. После непродолжительной учебы попал в действующую армию на Воронежском (1-м Украинском) фронте. Боевое крещение я принял на Курской дуге. Сначала я был разведчиком-артиллеристом, а после ранения под Тернополем в марте 1944 года стал механиком-водителем танка Т-34. И здесь мой небольшой опыт работы трактористом очень пригодился. Заканчивал армейскую службу я в прославленном Уральском добровольческом танковом корпусе.

На фронте мы постоянно чувствовали большую помощь всего нашего народа, трудившегося тогда под лозунгом: «Все для фронта! Все для победы над врагом!». Всенародная поддержка чувствовалась не только в бесперебойном снабжении фронта людскими резервами, оружием, боеприпасами, продуктами питания, военным снаряжением, но и в душевных письмах, в других знаках внимания к людям опасной и героической профессии.

Ярким примером неразрывного единства фронта и тыла явилось создание в 1943 году на Урале добровольческого танкового корпуса, все боевое снаряжение которого было сделано уральцами во внеурочное время или приобретено на собранные уральцами средства. Добровольцы с Урала героически сражались за освобождение родной земли, за взятие Берлина и освобождение Праги.

В суровые годы войны Урал стал основным арсеналом фронта. Достаточно вспомнить, что героический Танкоград дал фронту 18 тысяч танков и самоходных орудий, что каждый второй танк и каждый третий снаряд были изготовлены из магнитогорской стали. Данью памяти героическому труду уральцев стали замечательные строки, высеченные на постаменте памятника-танка, установленного на Комсомольской площади Челябинска:

Уральцы, вам,
чьи руки золотые
ковали здесь победу
над врагом!».

Прошло более 30 лет со времени победоносного окончания Великой Отечественной войны. Но и теперь еще не все страницы ее героической истории стали достоянием гласности. Хотелось, чтобы наши студенты приняли активное участие в поисках безвестных героев войны, в изучении и освещении истории тех памятных, огненных лет.

А. СЕКЕРИН,
профессор, гвардии майор запаса.

Секерин Александр Иванович, «Челябинский университет», 21 февраля 1978 г.

Александра Ивановича, которую он себе позволил в одной из лекций, был отрывок из поэмы В. Маяковского. Речь шла о Первой русской революции и оценке Декабрьского вооружённого восстания 1905 года.

«...Сам заскулил
товарищ Плеханов:
– Ваша вина,
запутали, братцы!
Вот и пролили
крови лохани!
Нечего зря
за оружие браться.
Ленин
в этот скулёж недужный
врезал голос
бодрый и зычный:
– Нет,
за оружие
браться нужно,
только более
решительно и энергично!»

И далее последовало привычное учебное повествование...

На официальных мероприятиях Александр Иванович, как правило, присутствовал в почётном президиуме. В неофициальных – не участвовал по состоянию здоровья, и со студентами почти не общался. Его грузная, даже мешковатая фигура не привлекала внимания, не вызывала у студентов интереса, но сам он был всеми по умолчанию уважаем. Александр Иванович был спокойный и надёжный человек. И очень-очень скромный.

Александр Иванович Секерин. Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ (© Назыров П. Ф.)

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Александр Иванович Секерин на первых курсах возглавлял кафедру истории КПСС, а у нашего курса читал историю КПСС. Предмет мне казался скучным, профессор был малоэмоционален. Александр Иванович был уже в возрасте и часто болел, по своей природной скромности он ничего не рассказывал о себе, а мы и не интересовались. Только из выпуска нашей многотиражки, посвященного Дню Победы, мы узнали, что он был участником Великой Отечественной войны, имел боевые награды, воевал в составе Уральского добровольческого танкового корпуса.

Л. М. Яблонская
Саратовский «десант»

На втором курсе у нас появились новые учебные предметы и новые преподаватели. Из Саратовского государственного университета к нам перевелась целая семья учёных. Глава её – доктор исторических наук, профессор Яков Андреевич Эльфонд был известным специалистом по истории Коминтерна. Он возглавил кафедру истории КПСС. В практике его работы была организация студенческих научных кружков. И у нас он тоже организовал научный кружок. В него входили, в основном, студенты группы И-102.

И уже на втором курсе научная работа Наташи Титаренко была отмечена дипломом на Всесоюзном конкурсе студенческих работ по общественным наукам.

Ирина Яковлевна Эльфонд вспоминала: «В нашей памяти главной и отличительной чертой молодого Челябинского университета было огромное число способных, жаждущих дополнительных знаний и стремившихся заниматься наукой студентов». Особое внимание она обратила на наш курс, на котором «практически все спецсеминаристы отца впоследствии стали кандидатами наук, из них выросла и доктор исторических наук Н. Вашкау». Действительно, из его учеников нашего курса защитили кандидатские диссертации Нина Вашкау, Людмила Остроушкина, Аня Шишмаренкова, Людмила Яблонская и Наташа Титаренко. Многие из нас стали лауреатами конкурсов.

Н. Э. Вашкау, М. В. Зудова (Баландина)

Душа обязана трудиться...
Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Николай Заболоцкий

Этими строками из стихотворения Николая Заболоцкого мы хотели бы начать наше повествование о первых годах Челябинского университета. Мы, это Нина Вашкау и Марина Зудова (Баландина).

Нина Вашкау

В самом начале сентября, вернувшись с каникул после первого курса, мы увидели на небольшом стенде возле кафедры истории КПСС объявление на простом листочке в клетку: «кафедра организует кружок по истории партии, руководить будет доктор ист. наук, профессор Яков Андреевич Эльфонд». Эта информация стала для нас большой неожиданностью. Дело в том, что на первом курсе никакие кружки не создавались. Часть наших сокурсников увлеклась археологией после интересной практики. А мы не захотели продолжать дружбу с этой наукой, как-то не вдохновились. Зато в исторический кружок записались сразу, не раздумывая. Сначала нас было человек 12, постепенно часть отсеялась.

И мы начали долгую, кропотливую работу по изучению истории партии. Постепенно наш кружок трансформировался в студенческое научное общество. Объединяющей проблемой стало изучение интернациональной деятельности КПСС на Южном Урале в первой половине XX века.

Первым делом Яков Андреевич стал выявлять наши интересы, помогал сформулировать темы и направления, которые на последующих курсах выльются в курсовые и дипломные работы.

Марина Зудова

Яков Андреевич зарядил нас своей энергией, азартом и нацелил на достижение поставленной цели. Но, прежде чем заниматься наукой, надо научиться искать литературу. И вот Яков Андреевич ведет нас в областную публичную библиотеку.

Нас проводят по всем залам, затем подводят к огромным тематическим и алфавитным каталогам, электронных в то время не было. Мы начинаем искать нужную литературу. Вот такой первый урок нам преподал Учитель.

С тех пор мы стали пропадать в публичной библиотеке, добились доступа в областной государственный архив, искали участников героического прошлого нашей страны, проживавших на Южном Урале. Мы проделали огромную работу, результатом которой стало наше участие в конкурсе студенческих научных работ, организованном Челябинским областным комитетом ВЛКСМ. Наш труд оценили достаточно высоко, наградив участников в июне 1978 года дипломами первой степени.

Это была наша первая победа в подобных мероприятиях, первый шаг в большую науку. Идейным вдохновителем и организатором нашего научного творчества стал Яков Андреевич. Он сплотил из нас группу единомышленников, создал атмосферу сотрудничества, взаимопомощи и здоровой конкуренции. Было принято, если ты нашел в библиотеке или архиве книгу или документ по научной теме членов кружка, обязательно запиши и передай для изучения

Заседание кружка истории КПСС

товарищу. Он никогда не давил на нас, не навязывал своё мнение. Он умело руководил нами, правил наши тексты, ставил немыслимые закорючки, которые мы расшифровывали всем курсом, обсуждал с нами спорные моменты, учил работать с первоисточниками и архивными документами. Мы искренне радовались успехам друг друга, поддерживали в трудных ситуациях и сохранили добрые отношения до сегодняшних дней.

Эльфонд Яков Андреевич (архив ЧелГУ)

Нина Вашкау

Теперь о документах: именно с Яковом Андреевичем мы пошли в государственный архив и пропадали там постоянно. Когда я вместо поездки в колхоз на картошку в сентябре второго курса была освобождена от нее по слабости здоровья (я заработала на картошке первого курса пневмонию, потому что мы устраивали соревнование с математиками и работали до изнеможения, а морозы стояли уже в конце сентября ощутимые в тот год), деканат меня отправил по просьбе директора в госархив помогать с описанием фондов. Там я открыла для себя документы по испанским событиям 1936–1939 гг. Этот сюжет и фонд стали темой моей научной работы на третьем курсе. Более того, через областной совет ветеранов я нашла адреса двух бывших танкистов, воевавших в Испании и проживавших в Миассе. Зимой, по колено в снегу, разыскала их в частных домах, записала воспоминания на взятый в кабинете общественных наук диктофон. Конечно, это было здорово, продемонстрировать ребятам на спецсеминаре новый вид источника: воспоминания участников событий!

Как проходили занятия на спецсеминаре. Собирались студенты уже двух-трех курсов, которые писали научные работы у Якова Андреевича. Помню, как я вышла за кафедру (было принято отчитываться перед товарищами, что сделано за неделю). Профессор раскладывает на столе, как пасьянс, мои библиотечные карточки, на которых мы составляли библиографию, и спрашивает:

– Ну, Нина Эмильевна (он всегда звал меня по имени-отчеству, я была старше однокурсников). – А эту книгу Вы читали?

– Да.

– А сколько в ней страниц?

– Много. Толстая.

– Ну, покажите, какой толщины?

Показываю.

– Да-а-а. А что на обложке напечатано?

– Профиль женщины на фоне красного знамени и название «Под знаменем Испанской республики».

– Верно.

Экзамен сдан! Это был наглядный урок для нас: надо внимательно читать литературу.

Марина Зудова

Окрыленные первыми успехами, мы решили поехать за новыми материалами для курсовой работы в Государственный архив Оренбургской области. Уж очень нам хотелось найти новые документы, газетные статьи, воспоминания участников грандиозных

событий на Южном Урале в первой половине XX века. Особенно нас интересовала интернациональная деятельность партии в этот период истории.

Без сопроводительных документов, без консультации научного руководителя мы собрались в дальнюю поездку. Дело было на четвёртом курсе в зимние каникулы. Мы забыли про отдых после сессии и, одержимые идеей собрать новые документы для будущей работы, купили билеты на поезд до Оренбурга. Прибыли туда зимним морозным утром. И сразу же отправились в архив. Надо отдать должное сотрудникам архива, которые встретили нас с большим вниманием и желанием помочь.

Мы листали пожелтевшие газеты, перебирали документы, делали выписки. Работали с удовольствием и энтузиазмом. Но мы не позаботились о ночлеге. На улице уже смеркалось, а в гостинице, на что мы рассчитывали, мест не оказалось. Пришлось в спешном порядке обходить по глубокому снегу частные дома, стучаться и проситься на ночлег! Нас, сжалившись, приютила пожилая пара. Это была ужасная ночь без удобств и воды. Еле дождавшись утра, мы сбежали из «нехорошей квартиры». В архиве нам подсказали обратиться к директору детской спортивной школы. Он предоставил нам комнату в общежитии, очень холодную, но с настоящими кроватями и белыми простынями. Мы были очень благодарны ему за то, что оказались в нормальных человеческих условиях.

Эта поездка многому нас научила. Теперь мы знали, что ко всем предстоящим событиям надо тщательно готовиться и планировать все свои действия. Несмотря ни на что, мы были довольны посещением архива. Ведь мы нашли новые материалы по интересующим нас темам, которые впоследствии использовали в курсовых и дипломных работах.

Яков Андреевич, конечно же, пожурил за столь смелый поступок. Но в то же время и похвалил за настойчивость и целеустремлённость в достижении поставленной цели.

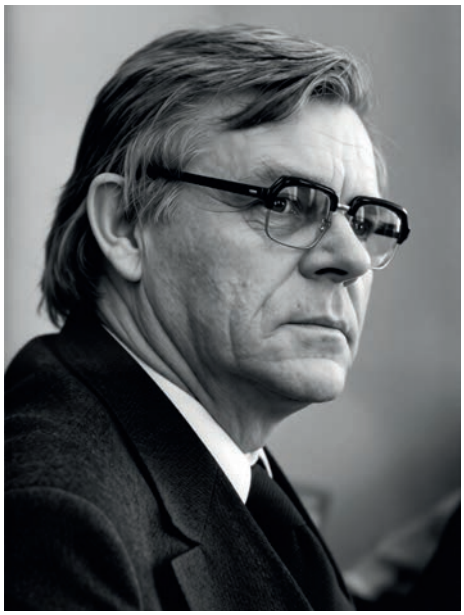
Цибульский Николай Борисович (архив ЧелГУ)

Нина Вашкау

Такую же поездку мы предприняли в Магнитогорский государственный архив летом. Здесь было проработано много документов, которые вылились в мою дипломную работу по участию иностранных рабочих и специалистов на предприятиях Урала. Теперь несколько слов о спецкурсе Якова Андреевича. Он читал нам историографию и источниковедение истории партии, спецкурс по истории Коминтерна. Мы серьезно относились к занятиям, читали биографии, речи и статьи руководителей коммунистических партий Запада, в том числе на иностранных языках. Как само собой разумеющееся, воспринималось нами требование использовать доступную иностранную литературу по теме.

Мы прописались в иностранном отделе областной библиотеки. Она выписывала газеты и журналы ГДР, сборники документов. И здесь спасибо преподавателю немецкого языка Людмиле Васильевне Чурсиной, с которой у Якова Андреевича была договоренность: те студенты, которые пишут курсовые и дипломы с использованием немецкой литературы, могут сдавать эти тексты

как задания по иностранному языку. Людмила Васильевна даже выпустила учебное пособие по политической лексике. Поэтому, когда я сдавала кандидатский минимум по немецкому языку в Челябинском пединституте, я совершенно свободно переводила на экзамене с листа предложенную статью о событиях на Фолклендских островах.



Форстман Г. В.
Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ
(© Назыров П. Ф.)

Марина Зудова

На пятом курсе нам предстояло пройти преддипломную практику не в Челябинске, а в самой Москве! С каким волнением и трепетом собирались мы в столицу нашей Родины. Тщательно собирали сумки и чемоданы, ведь мы ехали туда чуть ли не на целый месяц. Готовил нас к этой практике Яков Андреевич. Он собрал нас в учебной аудитории, провёл подробный инструктаж по нашим действиям в Москве. И при этом напомнил, что Москва – это ещё и культурная столица, и мы об этом не должны забывать. На сей раз были собраны все разрешительные и сопроводительные письма и документы.

И вот мы в Москве на Казанском вокзале. Впервые спустились в метро! Благополучно добрались до общежития Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, где нам с Ниной предоставили отдельную комнату. Мы быстро обжились, наладили контакты со студентами педагогического вуза,общались, пили чай, вместе отдыхали в выходные дни. Это было замечательное время!

Преддипломную практику мы проходили в самой большой библиотеке нашей страны – Библиотеке им. В. И. Ленина. У нас уже был опыт работы в публичной библиотеке Челябинска. Поэтому мы без труда ориентировались и в этой библиотеке, заказывали и знакомились с научной и публицистической литературой, газетным фондом, работали с монографиями и справочной литературой. А вот с диссертациями по историко-партийной тематике мы занимались в диссертационном зале в г. Химки, куда ездили на электричке. Конечно, не было ксерокса, компьютера, телефона. Все записи осуществлялись ручкой на бумаге.

Как же нам все наши московские наработки пригодились в написании дипломных работ, они существенно обогатили наши тексты, наполнили новыми документами и материалами.

Кстати говоря, когда мы отдавали дипломные работы на рецензию Аркадию Беньяминовичу Цфасману, доктору исторических наук, заведующему кафедрой всеобщей истории Челябинского государственного педагогического института, он высоко оценил наш труд, приравняв наши дипломы по содержанию и оформлению к кандидатским диссертациям. Вот это триумф! Вот это победа! Вот это результат нашей титанической работы за всё время обучения в ЧГУ! Спасибо Я. А. Эльфонду, нашему научному руководителю и наставнику.

Не забыли мы и о культурной программе – ходили в театры, на выставки, посетили Третьяковскую галерею, гуляли по Москве и наслаждались её достопримечательностями. Даже сумели съездить на четыре дня в Ленинград и посетить исторические и памятные места. Вот такая замечательная и незабываемая у нас была преддипломная практика в Москве.

Марина Зудова

Помнится, как мы сдавали экзамен по истории Средних веков. Экзамен наитруднейший: много дат, имён, войн, династических браков и пр. Всё надо запомнить и удержать в памяти. На подготовку к экзаменам нам всегда давали пять-шесть дней. И мы не только учили материал по билетам, но и один день выделяли на повторение, чтобы все знания привести в порядок. Вот такими примерными и добросовестными мы были студентами.

К предстоящему экзамену готовились основательно. Проговаривали вслух ответы на вопросы, экзаменовали друг друга по историческим датам. Выучили всё и даже повторили весь экзаменационный материал. Но всё равно волновались.

И вот наступил день экзамена. Мы пораньше встали, позавтракали. А вот кровати заправлять не стали. Такая традиция у нас сложилась: кровати заправляли после экзамена.

В аудиторию обычно мы приходили первыми, бумагу, на которой излагались ответы, приносили свою. Первыми отвечали на экзамене, а оставшийся день посвящали отдыху. Ходили в кино в самый большой кинотеатр «Урал» г. Челябинска. Потом шли в кафе есть мороженое. Гуляли в парке им. Пушкина. А вечером пили чай с плюшками. Отдыхали от прошедшего экзамена, чтобы утром приступить к подготовке к следующему.

Сидим в аудитории, ждём преподавателя Ирину Яковлевну Эльфонд, кандидата исторических наук. Очень строгий преподаватель, принципиальный и справедливый. Дрожащими руками и с замирающим сердцем берём билеты. И начинается небольшая паника: ничего не знаю, ничего не помню. Надо сказать, что шпаргалками мы никогда не пользовались. Лучше выучить весь экзаменационный материал, чем тратить время на писанину. Списывать считалось дурным тоном.

Я. А. Эльфонд,
А. И. Секерин, М. Д. Машин

В самый разгар подготовки к экзамену вдруг открывается дверь, и в аудиторию входит Яков Андреевич Эльфонд со своим внуком (от старшей дочери). Дело было летом. По их лицам было видно, что они счастливы. Внук приехал к деду, и они чудесно проводят время. Яков Андреевич посмотрел на наши страдальческие лица, подошёл к Ирине Яковлевне, что-то тихо сказал. Она вспыхнула, а мы по губам прочитали: «Ну, папа...» А он ободряюще посмотрел

Преподаватели кафедра истории КПСС

на нас и вышел из аудитории, не выпуская из своей руки руку внука. И мы успокоились, и лица наши просветлели, и руки перестали дрожать, и голова стала ясной. Мы сразу всё вспомнили и сдали экзамен на «хорошо» и «отлично».

Вот таким был наш Яков Андреевич, строгим и требовательным и в то же время по-отечески внимательным и добрым, мудрым советчиком и наставником!

Нина Вашкау

В наше время не было принято дарить преподавателям какие-либо подарки. Но тут наступило 60-летие нашего профессора. Дата значительная. Январь 1978 года. Мы еще кружковцы, робкие. Собрали сумму и купили красные — революционные! — гвоздики (других цветов тогда и не было) и златоустовскую гравюру, на которой была изображена собака спаниель, любимица всей семьи Эльфонд. Пошли всей командой на квартиру (жили они тогда еще на северо-западе, как и мы, рядом, в общежитии). Звоним: открывает дверь профессор. Держим речь, протягиваем букет, он не очень доволен, но взял. И тут протягиваем тонкий сверток. Он уже недоволен, но мы хором: «На гравюре Ваша спаниелька!» Ну, тогда ладно. Я много раз была в семье Эльфонд, когда они снова вернулись в Саратов. И эта гравюра висела на почетном месте...

Моя судьба изменялась несколько раз, благодаря Учителю. Под его руководством в Челябинском пединституте я уже в октябре

1984 года без аспирантуры, в качестве соискателя, защитила кандидатскую диссертацию, тему для которой тоже нашла в Челябинском госархиве. Летом 1985 года с подругами поехала в отпуск в Волгоград, и Яков Андреевич посоветовал зайти в новый университет. Я встретилась с ректором — профессором М. М. Загорулько, и он меня тут же взял на кафедру, где я проработала доцентом, профессором и заведующей кафедрой истории России 26 лет. В 1998 году в Саратовском государственном университете защитила докторскую диссертацию. Выпустила 15 кандидатов и одного доктора наук. Все ученики знают имя моего Учителя. Уроки Якова Андреевича со мной. С 2011 года я преподаю в Липецком государственном педагогическом университете. В январе 1992 года Якова Андреевича не стало. Я приехала в Саратов из Волгограда на похороны, из Москвы приехал тоже кружковец и дипломник Александр Чечевишников. Наталья Титаренко, работавшая после распределения в Кустанайском педагогическом институте и закончившая аспирантуру в Саратовском государственном университете, должна была через месяц под руководством Якова Андреевича защищать кандидатскую диссертацию. Мы трое, выпускники челябинской школы Я. А. Эльфонда, поклонились и высказали слова искренней благодарности нашему Учителю и наставнику.

Марина Зудова

После окончания в 1981 г. ЧГУ я вернулась в родной город, который сегодня называется Трёхгорный, и сразу же начала работать в УКП ЧПИ (Учебно-консультационный пункт Челябинского политехнического института) на кафедре научного коммунизма. Проработала до 1990 г. После небольшого перерыва вновь вернулась преподавать в наш институт, который после реорганизации стал филиалом МИФИ. С 2001 до 2018 гг. возглавляла кафедру гуманитарно-экономических дисциплин.

Награждена знаком «Ветеран атомной промышленности», «Ветеран труда».

Научная работа Я. А. Эльфонда, его деятельность в университете — это пример беззаветного служения науке. Всю свою трудовую деятельность помнила об этом и руководствовалась его принципами и идеалами, что позволило мне добиться определенных успехов и уважения как со стороны преподавателей, так и студентов.

***

Яков Андреевич Эльфонд всю свою жизнь работал на кафедре истории КПСС, не склоняя головы и не идя на компромиссы с совестью в жизни и в науке. Этому он учил и нас. Закончить нам бы хотелось телеграммой, отправленной к его 70-летию выпускниками А. Чечевишниковым и М. Бесединым: «70 лет — не самая радостная дата, но в них, как в зеркале, вся наша удивительная и страшная история. Вам выпала нелегкая судьба. Вы — один из немногих, кто уцелел и не склонил головы перед сталинским левиафаном. Люди Вашей формации — наша связующая нить с прошлым»[25]. Подписываемся и мы под этими словами.

[25] И. Я. Эльфонд. Профессор Я. А. Эльфонд (Штрихи к портрету) // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История. № 2 (16). С. 133.

Посвящение в археологи,
с. Петровка

Отдельная специализация была по археологии. После летней археологической практики в археологию были влюблены почти все. Главным шефом у археологов был кандидат исторических наук Геннадий Борисович Зданович.

И. М. Пазойская (Новокрещенова), Т. В. Шевцова

Оживляя историю: воспоминания о Геннадии Борисовиче Здановиче

Первое знакомство с Геннадием Борисовичем состоялось в сентябре 1976 года на лекциях по археологии и истории первобытного общества. Его облик – красивого, молодого 38-летнего человека – сразу стал ассоциироваться со словом «Археолог». Зданович привнес в среду первокурсников дух свободы и лучших академических традиций университетов Урала и Казахстана.

Археология – предмет сложный, перегруженный описаниями типов культур и артефактов, но Геннадий Борисович сделал его захватывающим, превратив обучение в чтение увлекательного романа о древних эпохах. Его отличала прекрасная дикция;

объясняя материал, он много рисовал и часто шутил. Он был доброжелателен и корректен, поэтому общаться с ним всегда было комфортно. На лекциях Г. Б. рассказывал о романтике науки, готовил нас к первой полевой практике и даже разучивал с нами гимн археологов.

Он был великим мечтателем. Навсегда запомнились его слова: «Мы оживляем историю человечества и стараемся, чтобы она была доступна людям не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня».

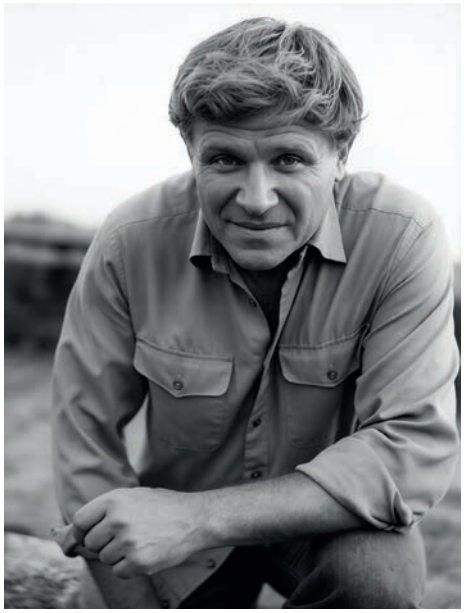
Летом 1977 года нас ждала первая полевая практика. «Поле», «раскоп», «квадрат», «бровка», «зачистка», «камералка», «сахемы», «американка» — с этими понятиями мы знакомились в экстремальных условиях, проверяя себя на выживаемость на поселениях Новоникольское, Петровка и Берсуат. Те из студентов, кто бесповоротно влюбился в археологию, называли Геннадия Борисовича уже просто — «шеф» или «Г. Б.».

Осенью зародилась традиция встречаться отрядами и делиться воспоминаниями — так крепла дружба между однокурсниками. А дату 4 октября мы отмечали не только как день основания университета, но и как день рождения Геннадия Борисовича. Помним, как на 40-летие «шефа» (этот возраст казался нам тогда невероятно солидным) мы преподнесли ему зонт-трость и калоши.

Археолог в одиночку не работает, и за Здановичем всегда стояла мощная команда его выпускников и коллег. Своими знаниями и полевыми навыками с нами делились Светлана Яковлевна Зданович, Марал Хабдулина, Николай Виноградов, Виктор Зайберт, Татьяна Малютина, Анатолий Плешаков и Надежда Иванова.

Многие студенты впоследствии связали свою жизнь с наукой: работали в лабораториях, готовили академические отчеты, «камералили» в экспедициях, выступали с докладами в Йошкар-Оле, Волгограде, Самарканде, Омске и Москве. Первые дипломы по археологии защищали Вадим Мосин, Татьяна Шевцова, Ирина Бавыкина, Ирина Пазойская, Татьяна Бычкова. И за каждым научным успехом всегда стояла фигура Геннадия Борисовича, который создавал, направлял и руководил. Но Г. Б. был не просто преподавателем или куратором группы И-102. Он часто общался со студентами неформально, искренне дружил со многими из нас. Мы ходили в гости к нему домой, а он иногда заглядывал к своим ученикам. В то время это было очень необычно. Он совершенно искренне интересовался нашей жизнью, создавая атмосферу подлинного сотрудничества и глубоких человеческих отношений.

В результате нам очень хотелось не подвести его, соответствовать его ожиданиям, быть с ним «на одной волне». Чувство благодарности к этому самоотверженному человеку и любовь к археологии, которую он в нас пробудил, мы пронесли через всю жизнь.



Зданович Геннадий Борисович
Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ. (© Назыров П. Ф.).

И. М. Пазойская (Новокрещенова)

Лаборатория: там, где оживают артефакты

Моя мечта стать археологом родилась еще в пятом классе. Пока сверстники читали приключенческие романы, я зачитывалась книгой К. В. Керама «Боги, гробницы, ученые», изучала труды Арциховского и собирала каждую заметку об археологии из газет и журналов. Поступив в университет, я знала точно: специализация будет только одна.

Первые лекции Геннадия Борисовича Здановича окончательно утвердили меня в этом выборе, а первая экспедиция превратила мечту в реальность. Но за полевой романтикой наступили трудовые будни в археологической лаборатории университета.

Работа в лаборатории – это осмысление того, что было найдено летом. Мы занимались обработкой керамики, описанием находок, чертежами и рисунками. Это был настоящий экзамен на терпение и точность. Не у всех рисунки получались сразу: кто-то схватывал технику быстро, кто-то – нет. Помню, что лучше всех рисовала Татьяна Шевцова – её работы были эталоном.

Параллельно мы готовились к серьезной науке: писали доклады для межвузовской региональной конференции, готовили наглядные материалы. Душой и бессменным руководителем всех наших начинаний оставался «шеф» – Геннадий Борисович, а Татьяна Сергеевна Малютина всегда была рядом, помогая и подсказывая в самых сложных моментах.

Работа в лаборатории не была для нас рутиной. Это был детективный процесс исследования. Я до сих пор помню, как обычный, на первый взгляд, костяной псалий (деталь древней конской узды) стал настоящей сенсацией. Его украшал характерный греческий орнамент, что позволяло нам сделать смелый вывод о широких торгово-экономических связях племен Северного Казахстана с античными поселениями Причерноморья. Именно в такие моменты ты понимаешь, что держишь в руках не просто кость, а ключ к пониманию глобальных процессов прошлого. Лаборатория, куда мы устремлялись сразу после лекций и семинаров, была для нас не просто рабочим местом. Она стала нашим клубом, местом силы. Здесь продолжались полевые традиции: звенела гитара, вспоминались курьёзы минувшего сезона, а «шеф» и «сахемы» делились

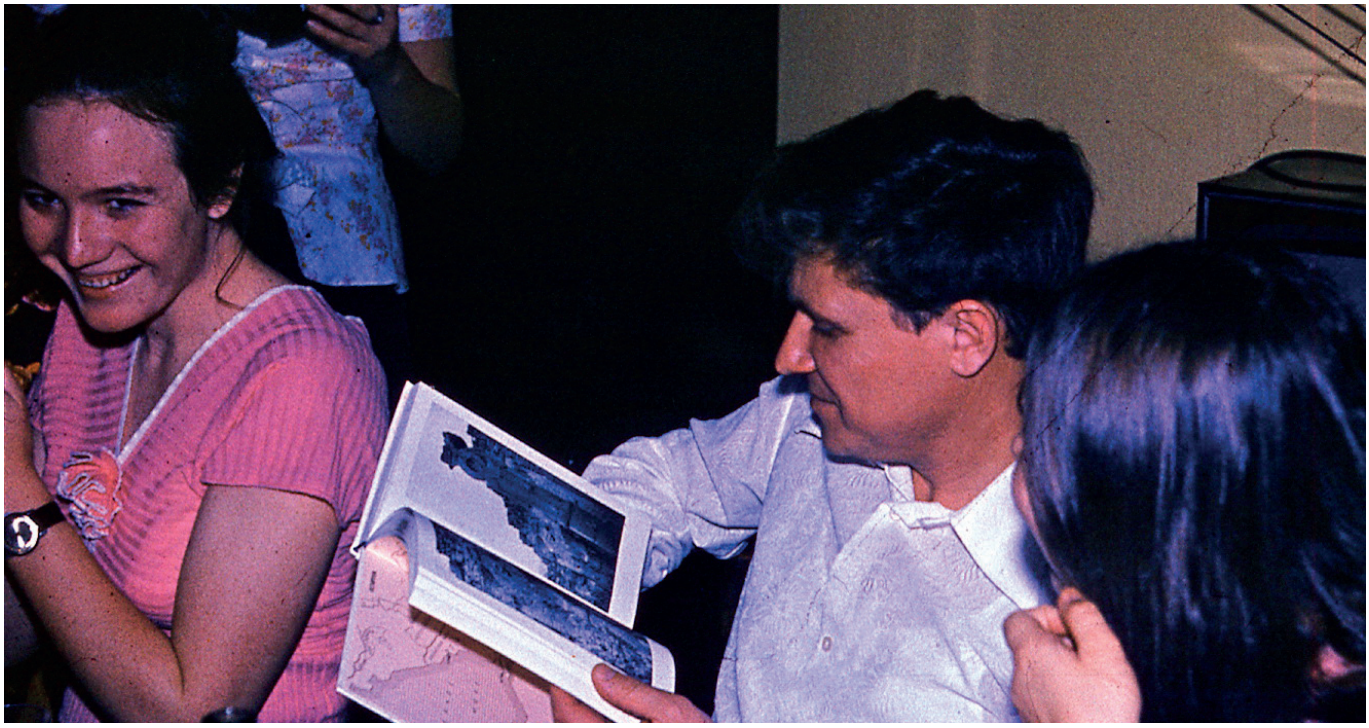
Г. Б. Зданович со студентами Н. Смирновой, Л. Яблонской, Е. Сёмочкиной

историями из прошлых экспедиций. Сюда заходили студенты-археологи из пединститута, приезжали коллеги из Петропавловска и Караганды — ученики и друзья Г. Б. Здановича. Лаборатория объединяла нас в одно неразрывное братство. И, конечно, обсуждая находки, мы каждый день поглядывали на календарь, с нетерпением ожидая следующего лета, новых раскопов и того неповторимого запаха степной полыни.

Б. И. Ровный

Г. Б. [Зданович] — это человек, который постоянно размазывал нас вот в этой вечности. То есть вечна земля, вечно небо, а мы тут, извините, очень временно, так вы не выпендривайтесь в своем временном положении, вы растворитесь. Вы поймите, что вы часть этого всего мира, и вы ничем не отличаетесь, вы не умнее тех людей, которые жили здесь, там, в Андроновской культуре. Вот это мы как бы усвоили. Ну, это очень важный урок для историка. К археологии мы привыкали через общение с природой, через общение — ну, я не знаю, с космосом, что ли. И праздник — день археологии — эта инициация тоже посвящена такому приобщению: единство человека и природы, единство человека во времени. Ну, как это говорят, нужно жить между двумя ледниковыми периодами. Вот это вот ощущение, оно у нас сохранилось. И, безусловно, это самое яркое воспоминание об археологии, от Г. Б. Его безумно любили, хотя не считали, что он самый лучший лектор, ну, это как бы и не требовалось от него. Его любили за то, что он настаивал не на знании, а на вере. На вере в то, что мир был всегда, и что человек должен прожить так, чтобы не нагадить в этом мире, и что Бог-то — он все видит. Это очень важно, потому что действительно бывают

Г. Б. Зданович со студентами



времена, когда вера значит гораздо больше, чем разумное восприятие действительности. Г. Б. был строгий организатор и строгий педагог, потому что экспедиция, разведка требуют порядка.

Когда все не могли расстаться после экспедиции, было какое-то такое состояние, что все боялись, что мы все разойдемся с этими рюкзаками — и всё, потеряется эта аура отношений. А завтра мы придем в цивильных пиджаках, и не будет таких отношений. Такое детское восторженное восприятие...

Бармина Надежда Игоревна (архив ЧелГУ)

«Археологические» стихи И. Пазойской

Мы движемся вперёд и в глубь веков,
Разгадывая тайны наших предков,
Судьбу давно исчезнувших миров,
Чей след ты обнаружишь очень редко.

Пусть труден путь и пусть тяжел рюкзак,
И землю роешь ты из сил последних,
Но археолог вовсе не чудак:
Он дарит людям мудрость древних.

1978 г.

Всех мамонтов пожрали.
Они возьми и вымри.
На Южном же Урале
Остались одни выдры.

Потом и выдр пожрали,
Оленей и бизонов
И начисто изгнали
Проклятых мастодонтов.

И живопись пропала,
Пропала и скульптура.
На смерть нас обрекала
Стихийная культура.

Но мы не унывали.
Мы взяли ноги в руки
И всё вокруг дожрали,
И всех. Назло науке.

И нету больше мяса,
И масла нету тоже.
Мы съели все запасы,
В том с предками мы схожи.

В упадке вновь культура,
И живопись пропала...
Как видно, нам придётся
Всё начинать сначала.

Мы вновь в палеолите.
Как предки.
В час досуга
Мы делаем открытья
И кушаем друг друга.

(«На лекции Г. Б. Здановича об экологическом кризисе в палеолите», 1979 г.)

Студенты ЧелГУ и ЧГПИ на конференции в Йошкар-Оле, 1978 г.

Археологическая конференция, Йошкар-Ола, 1978 г.

Раскопки поселения Степное

Ю. С. Кирьяков.
Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ
(© Назыров П. Ф.)

Отдельную «касту» составляли специализирующиеся по всеобщей истории «международники». У всеобщников даже не было отдельной кафедры: сначала они были в штате кафедры марксизма-ленинизма, потом были секцией кафедры истории СССР и только с 1980 г. — кафедрой истории СССР и всеобщей истории. Преподавателям-зарубежникам давали самую маленькую квоту на часы и на дипломников, у них не было целевой аспирантуры, никто и не мечтал о зарубежных поездках в Европу. Но, тем не менее, отбоя от студентов никогда не было. Эту специализацию выбирали чаще не из научного интереса к истории какой-то зарубежной страны, а по личным предпочтениям. Наши всеобщники были неординарными личностями! Секцию «гражданской истории» (такое сначала было завуалированное название) возглавил кандидат исторических наук Ю. С. Киръяков, а позже кафедру — кандидат философских наук, доцент Владимир Сергеевич Антипов.

Е. И. Сёмочкина

«Мыслегенератор». Владимир Сергеевич Антипов

В. С. Антипов вёл курс Новой и Новейшей истории на третьем и четвёртом курсах. Рост у него был «ленинский», т. е. не очень высокий. Взгляд загадочный: уловить его было абсолютно невозможно, поскольку серо-голубые глаза были «вразбег». Причёска была светло-хаотичная. Одежда АВС отличалась светлыми тонами: серый костюм, рубашки канареечного, лимонного или розоватого цвета,

порой голубого. Во всяком случае, оттенки были приглушённые, не яркие. В аудитории АВС чувствовал себя раскованно, за кафедру особо не держался, за какие-то бумажки — тоже. Хотя вольности себе не позволял. Иногда писал на доске какие-то названия и имена, если видел явное непонимание студентов. Если он чувствовал нашу невнимательность, отвлечение на что-то постороннее, начинал ходить взад-вперёд по центральному проходу. Добившись нужного, на его взгляд, порядка, успокаивался и прохаживался у доски. На экзаменах не зверствовал, во всяком случае, не помню чего-то необычного.

Припоминаю несколько нестандартных по форме семинаров. Например, на одном из них надо было использовать художественную литературу как исторический источник. Мне досталось отобразить предвыборные мероприятия в Великобритании в середине XIX века. Для иллюстрации я взяла «Записки Пиквикского клуба». Получилось смешно. А моя подруга Людмила Остроушкина при подготовке к практическому занятию по Великой Французской революции использовала книгу Анатолия Гладилина «Евангелие от Робеспьера», изданную в середине 1960-х. Так как писатель Гладилин впоследствии эмигрировал из страны, то В. С. Антипов сначала искренне удивился сохранившейся книге, дал возможность выступить на семинаре, а потом в приватной беседе аккуратно намекнул, что не стоит впредь обращаться к творчеству этого автора. Такие были времена...

Антипов Владимир Сергеевич (архив ЧелГУ)

Ещё АВС дважды обращался к такой форме проведения занятий, как суд над историческими деятелями. Что-то такое было в ходу в 1920–1930-е годы в педагогической практике. Первый суд был над англичанами за развязывание войны против буров. («Что за шум, за крики тут? — Солсбери на суд ведут»). Было интересно. Запомнился один смешной непредвиденный эпизод. Лиля Жданова, исполнявшая роль российского наблюдателя, изложила точку зрения этого персонажа слишком лаконично, по мнению Председателя, который стал настаивать на уточнении деталей, которых Лиля не знала. Она сказала нечто вроде: «Извините, у меня были в это время неотложные личные дела моей жены, не до того было». АВС удивился и спросил: «Ваша жена из англичан или буров?» А Лиля, войдя с головой в роль, ответила: «Она у меня зулуска!» На что Председателю осталось только руками развести и проговорить что-то вроде, что о вкусах не спорят. Группа грохнула, скука улетучилась, все стали упражняться в комментариях об этих «странных русских», лишь бы дожить до звонка.

Второй суд был над участниками Мюнхенского сговора. Примерно половина группы получила роли каких-то конкретных персонажей и должна была подготовиться более-менее серьёзно, остальные были присяжными, но их активность всячески поощрялась, от них ждали вопросов и комментариев. Видимо, мы не очень хорошо подготовились, суд протекал вяло. Запомнилось, что Володя Сидоренко, изображавший Муссолини, всё время ссылался на амнезию, вызывая наши смешки. А на неудовольствие АВС (председателя суда) привёл последний аргумент типа: «Я же висел вверх ногами, все мозги вытряхнулись, ничего не помню».

Иногда АВС очень тонко иронизировал по поводу нашего поведения или ответов, порой настолько, что было непонятно: прикалывается он или на самом деле высказывается тем или иным «штампом». Так, применительно к нему закрепились определения «аристократ духа» и «генератор мыслей». Не знаю, что конкретно прельстило его приехать в Челябинск, так же, как не знаю и причины его отъезда из нашего вуза и города, тем более что это произошло после нас.

Г. П. Суслова и Борис Ровный

Б. И. Ровный

Я вспоминаю Антипова. Это была совершенно другая фигура, по-своему тоже уникальная... Но он как бы, так сказать, захватил своим отношением к истории, своим отношением к жизни вообще. Он такой был циник, либо это была какая-то отработанная модель поведения. Его как бы и любили, и не любили, но он был фактором этого факультета, человек с приколами. Он мог зайти на лекцию, хлопнуть дверью и сказать так: «Грязная собака! Грязная собака аббат Сиес сидел на воротах Французской республики... А! Запишите тему...» Антипов был человеком, который тоже сконструировал вот эту демократическую модель взаимоотношений на факультете, по-своему, но достаточно определенно. Он также допускал фронду, потому что в конце, на задней парте, сидели Ровный там, Кокин, они демонстрировали, что они все это знают. Всегда найдется такой студент, как правило, парень с определенными амбициями, он все это знает. И он говорил: «А, ну Ровный, ну это опытный саботажник». Вот это было так, каждый находил свое место. Он очень доброжелательно относился к девчонкам на экзаменах, он никогда не припоминал им всяких мелочей, которыми богата студенческая жизнь: куда-то сбежать, когда-то не пришел, когда-то не сдал... Все и так понятно. Он был справедлив. Я помню, когда у меня был достаточно неприятный эпизод, я был вынужден прервать свою практику преддипломную, потому что у меня отец попал в больницу с сердцем. И от него зависело решение, и он очень-очень по-доброму ко мне отнесся и, по существу, создал мне условия для практики в Екатеринбурге, в Свердловске. Я считаю, что это был отличный мужик, просто отличный мужик!

Л. М. Яблонская

На третьем курсе у нас началась специализация. Я решила специализироваться по всеобщей истории. К этому времени к нам на факультет перевёлся из Псковского государственного университета кандидат философских наук, доцент Владимир Сергеевич Антипов. Он стал преподавать историю Нового и Новейшего

времени стран Европы и Америки. У Владимира Сергеевича была интересная манера читать лекции, рассуждая и расхаживая по аудитории, он одновременно следил за нами. И, естественно, мы старательно трудились над конспектами. В последующем он стал первым заведующим кафедрой всеобщей истории, образованной в 1980 г.

Как научный руководитель Владимир Сергеевич предоставил мне максимум свободы, шёл навстречу моим интересам. Мы обговаривали с ним тему, я представляла план своей деятельности, список литературы. Он одобрял его, а через некоторое время я приносила уже текст сначала курсовой, а потом и дипломной работы. Он ничего не заставлял делать по-своему. Спокойно, вдумчиво, рассудительно знакомился с текстом работы, что-то советовал и оценивал, всегда с уважением к мнению студента.

Я работала практически самостоятельно. На четвёртом курсе была выбрана тема диплома «Борьба прогрессивных сил США за демократизацию высшего образования». Стало понятно, что нужны источники. В челябинских библиотеках ничего не было, и я приняла решение ехать в Москву. Руководитель мой не возражал, и я во время летних каникул самостоятельно отправилась искать материалы для диплома. Помогла Ирина Пазойская, бабушка которой приняла меня в московской коммунальной квартире. Тогда мне удалось поработать в библиотеке им. Ленина и ИНИОНе.

Главное внимание Владимир Сергеевич обращал на самостоятельную работу, осуществляя общее руководство, учил учиться. Он часто говорил, что главное — это научиться добывать информацию, овладевать методами поиска её. А накопление знаний станет следствием этого поиска. Останется систематизировать и проанализировать накопленный материал, оформить его в виде законченной работы. Так, в общем-то, и было. Такой подход подготовил меня к защите дипломной работы. Я всё знала, и защита прошла на «отлично».

Вскоре после приезда Владимир Сергеевич стал редактором газеты «Челябинский университет», привлекая своих студентов к написанию статей. Многотиражка, по сути дела, вела хронологию нашей жизни. Газета была популярной. Мы ждали, когда появится свежий номер, и с интересом его читали. Это была газета о нашей жизни. Владимир Сергеевич просто предлагал написать статью о том, что я делала и чем занималась. Зная, что я являюсь председателем штаба социалистического соревнования университета, он предложил написать статью о результатах социалистического соревнования студенческих групп. Статью я написала, а он отдал ее на конкурс, о чём я не знала. И я заняла первое место в конкурсе студенческих статей.

М. Н. Николаева (Потёмкина)

«Дышать свободой…» Юрий Сергеевич Кирьяков

Оказывается, очень сложно писать воспоминания об Учителе. Захлёстывают эмоции, поэтому не судите строго...

Мы были первым набором нового Челябинского государственного университета. Вступительные испытания успешно пройдены, и наступило 1 сентября 1976 г.

И вот появился «он» — молодой кандидат наук, небольшого роста, стройный, всегда в строгом отутюженном костюме, со стильной бородкой и пронзительным взглядом сине-серых глаз. По крайней мере, таким он мне запомнился. Студенты за глаза называли его «Фараон», а чаще ЮС — по первым буквам имени и отчества.

Юрий Сергеевич читал нам и историю Древнего мира, и историю стран Азии и Африки, спецкурс по истории международных отношений, спецкурсы по балканистике...

Всегда вежливый, спокойный, к студентам неизменно обращался на «вы».

Нашим преподавателям приходилось не только нас учить, но и воспитывать. Главный корпус университета представлял собой строительную площадку в северо-западном районе Челябинска. Гуманитарии располагались совсем в другом районе города и занимали часть здания финансово-экономического института. Наш корпус располагался внутри квартала, весной и осенью ни проехать ни пройти. Как-то весной наша группа во главе с Юрием Сергеевичем вышла на субботник. Через лужи и грязь мы прокладывали какие-то деревянные мостки по траектории к главному крыльцу корпуса. Завершив работу, мы поставили столбик и прибили табличку с надписью: «Дорога жизни имени Ю. С. Кирьякова».

Вскоре нас распределили на написание курсовых работ. Моим научным руководителем был Ю. С. «Балканистика» меня не влекла, мои фантазии витали где-то в странах Латинской Америки. Ю. С. дал мне тему на стыке истории с политологией про военные перевороты в странах Латинской Америки. Я написала черновик и сдала на проверку. Ю. С. вернул мне мой «шедевр», весь исчёрканный и на полях испещрённый малопонятным бисерным почерком. Другие студенты, писавшие у Ю. С., получили свои работы почти без замечаний. Совершенно расстроенная, я подошла и спросила: «Разве я самая глупая в группе и написала полную чушь?» Он пояснил, что, по его мнению, чем талантливее студент, тем больше с него надо требовать. Не знаю, может быть, это был с его стороны тактический ход, чтобы меня не обидеть и заставить работать. Ведь стиль у меня действительно был безобразный: рубленые фразы, сплошные «первое», «второе», «третье»... Ю. С. терпеливо учил нас грамотному научному изложению своих мыслей, тщательному отношению к историческим источникам, жёсткой логике структурирования текста. Тема диплома у меня была: «Роль армии в политической жизни Латинской Америки в 1940-70-е гг. XX века (историографический аспект)». Поскольку до документальных источников добраться не представлялось возможным, Юрий Сергеевич развернул тему в сторону историографии. Работа над этой темой под его руководством позволила не только познакомиться с научными концепциями зарубежной историографии, но и разобраться в особенностях функционирования авторитарных политических режимов. Именно Юрий Сергеевич научил меня стратегическому мышлению, умению спокойно и аргументированно отстаивать свою позицию, заразил свободолюбием...

Ю. С. рассказывал нам о студенческих традициях. И мы погружались в этот удивительный мир студенческой жизни. С первого курса мы пели на латыни «Гаудеамус», а также из вагантов

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Присуждается студентке Челябинского университета НИКОЛАЕВОЙ М.Н. в знак благодарности за деятельное участие и выступление с докладом на УП Итоговой научной конференции Исторического факультета Сыктывкарского государственного университета имени 50-летия СССР.

29-31 марта 1979 г.

Оргкомитет.

Грамота за участие в научной конференции, март 1979 г.

Ю. С. Кирьяков принимает экзамен

«Во французской стороне, на чужой планете предстоит учиться мне в университете...» На 1 апреля мы устроили грандиозный праздник. Преподаватели дурачились вместе с нами. Поскольку это всё-таки был учебный день, то по расписанию среди других предметов должен был быть семинар по истории Древнего мира. Пришёл Ю. С. и сказал: «Давайте учить песни, которые должен знать любой уважающий себя студент». И мы начали старательно записывать слова: «Мы бандиты с истфакийской шайки, всё мы вам расскажем без утайки...» А потом все вместе самозабвенно пели весь семинар. При этом следует учесть, что Ю. С. был напрочь лишён музыкального слуха.

Именно Ю. С. с его неутомимой энергией организовал нам музейную практику в Узбекистане. Не будет преувеличением сказать, что библиотеку Челябинского государственного университета основал Ю. С. Кирьяков.

На четвёртом курсе 26 января 1980 г. я вышла замуж за своего однокурсника Диму Потёмкина. На регистрацию пришёл почти весь курс и, конечно, был приглашён Ю. С.

Конечно, после окончания университета мы все разъехались кто куда и потеряли друг друга из виду. Я только знала, что Ю. С. вернулся в Свердловск (Екатеринбург). Я работала в Магнитогорске в школе, потом в вузе. Так получилось, что мои лучшие ученицы в разное время учились у Ю. С. Сначала Оля Михайлова поступила на истфак в Екатеринбурге, через несколько лет Ксеня Остапко, выйдя замуж, уехала в Екатеринбург и перевелась из нашего Магнитогорского университета на истфак к Ю. С.

В 2004 г. я защищала докторскую диссертацию в диссертационном совете Института истории и археологии УрО РАН. Позвонила Ю. С. и пригласила на защиту. Он накануне приехал на машине, помогал что-то закупать к фуршету, отвозить какие-то документы. На следующий день пришёл на мою защиту с огромным букетом роз. Я очень сильно волновалась, но всё прошло отлично. В благодарственном слове я, упомянув членов диссовета, расплакалась и сказала «спасибо» своим Учителям: моему папе, Юрию Сергеевичу Кирьякову и Петру Георгиевичу Агарышеву.

Никто из нас, студентов, и не догадывался, что у Юрия Сергеевича больное сердце. Он ушел из жизни очень рано, не берег себя, его стиль жизни — это полёт... Дочка Юрия Сергеевича Алёна инициировала создание книги воспоминаний о нём. Книга с примечательным названием: «Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове» вышла в издательстве Уральского университета в Екатеринбурге в 2016 г.[26]

Уходят из жизни Учителя, но остаются в памяти нас — их учеников (очень хочется думать, что я могу причислить себя к их числу).

Б. И. Ровный

Нашими преподавателями были очень хорошие люди, я считаю, хотя в то время мы их всех по-разному оценивали...

Это были по-своему уникальные люди, в частности Кирьяков. Не хватало специалистов, таких просто фактически не было. Представляете себе, для исторического факультета Кирьяков вел все подряд... Он вел Азию с Африкой, он вел Древний мир, Восток, ну, мы с вами понимаем, что это совершенно разные вещи, он вел античность, а куда деваться, в том числе и семинары, он вел этнографию, я прекрасно помню многое из того, что он нам преподавал. И самое, так сказать, трагикомическое состояло в том, что он учился вместе с нами всему этому, потому что... Ну когда? Откуда бы он все это взял? Проще сказать, ночью сидел за монографиями, а утром приходил с такими глазами стальными... У нас семинар, и засыпал. На семинаре. Это были совершенно другие отношения, когда вся группа сидела тихо, потому что понятно, что Юра спит... что он устал... Говорил: «Борис, идите, начертите карту Аттики». Там что-то номы какие-то мы выделяли. Я стоял рисовал, ну все: «Ты тише там говори, не выпендривайся, мы тоже знаем эту карту, чего ты там выступаешь...» И вот, семинар проходил, Юра просыпался — все нормально, все нормально. Мы прекрасно понимали, что это очень большая нагрузка на человека, вот, но...

[26] Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2016. 320 с.

А почему трагикомическая, потому что никто не видел в этом трагедии, как бы все было нормально, хотя, в общем, все это отнимало у человека силы, здоровье, все прочее, это очень сильно влияло на его личную жизнь...

...Я не хотел заниматься советской историей, так как там все было правильно, и мы это чувствовали. И, честно говоря, группа специализации западной, она чувствовала себя элитарной, так сказать, отстраненной. Во-первых, это знание языков, ну, более или менее, хотя я не отношу себя к числу тех, кто свободно знал английский язык. В то время, допустим, Леша Кокин — он выпускник был школы № 1, гораздо лучше меня знал... Ну вот это был элитарный клуб, мы группировались, в основном, вокруг Юрия Сергеевича Кирьякова и, соответственно, были под влиянием его научной проблематики, а он занимался международными отношениями Балкан накануне Второй мировой войны и в межвоенный период; имел, по тем временам, массу источников, что, в общем-то, привлекало, литературу.

Кружок текущей политики

Он научил нас работать с источниками западными, он научил нас искать литературу. И очень серьезно относился, гораздо более серьезно, чем мы — нынешние преподаватели относимся к научному руководству курсовыми проектами. И потом все это вырастало в дипломы, но, когда мы писали дипломы, уже многое было ясно. У меня была проблематика — англо-итальянские отношения накануне Второй мировой войны. Ну, в общем, выстраивали как бы такие дуальные пары международных отношений. И когда шла работа над дипломами, мы вдруг — к своему ужасу — выяснили совершенно очевидные вещи, что существовало секретное приложение к пакту Молотова — Риббентропа.

И самое постыдное, с нашей точки зрения, мы считали себя историками, то, что [многого] нельзя было написать. Не говоря уже о том, что основная масса информации шла не по официальным каналам, а по каналам личной связи. Было легкое разочарование в дипломном исследовании, и становилось ясно, что это очень относительная истина. Эта историческая наука очень и очень относительная.

Конечно, это была ложка дёгтя, которая принижала нас в наших же глазах, что мы не можем писать то, что мы знаем.

Но главное — другое, что Ю. С. Кирьяков, один из руководителей специализации по всеобщей истории, в общем, наладил вполне пристойную работу и поднял нас на вполне пристойный уровень понимания данной проблемы. Рецензентами наших дипломов были ученые из Екатеринбурга *(в то время Свердловск. — Прим. ред.),* в общем, они давали совершенно беспристрастную критику, совершенно беспристрастные рецензии. Тогда были возможности рецензирования, сейчас их гораздо меньше. И мы ощущали себя настоящими исследователями, историками, у которых есть серьезные оппоненты, и эти оппоненты дают серьезные возражения. На самих защитах наши работы не смотрелись так ярко, как работы, посвященные тому же пролетарскому интернационализму или даже древнерусской какой-то там старине. Ну, в общем, конечно, эта специализация оставалась каким-то таким своеобразным изгоем в глазах государственной комиссии, но мы были довольны.

Многие из нас подняли язык до условно приличного уровня, до читабельности, многие сформулировали свои научные интересы на непродолжительное, правда, время. То есть это очень сильно помогло людям. Я благодарен этой специализации, благодарен Кирьякову. По крайней мере, под влиянием Кирьякова и других преподавателей, мы могли отстранённо посмотреть не только на то, что происходит в университете, но и в стране. И как бы укрепиться в критическом отношении к действительности, что очень важно. Нам легче дался потом переход с конца 1980-х в новое состояние...

Ю. С. Кирьяков на защите докторской диссертации М. Н. Потёмкиной, ИИиА Уро РАН, Екатеринбург, 2004 г.

Л. М. Яблонская

Незаменимую роль в становлении факультета и нас, студентов-историков первого набора, сыграл Юрий Сергеевич Кирьяков. После защиты кандидатской диссертации он перевёлся из Уральского государственного университета к нам и стал одним из первых преподавателей историко-филологического факультета. В сфере его интересов уже тогда были международные отношения, балканистика

Эльфонд Ирина Яковлевна (архив ЧелГУ)

и славяноведение. У нас же он читал историю Древнего мира, историю стран Азии и Африки, спецкурсы «Международные отношения кануна Второй мировой войны» и «Международные отношения после Второй мировой войны», руководил музейной практикой. На факультете просто не хватало специалистов-преподавателей, и Юрий Сергеевич разрабатывал на достаточно высоком уровне всё новые и новые курсы.

В полной мере понять, насколько это было сложно, мне пришлось в 1990-е годы, когда менялись программы высшего образования, появлялись новые курсы, и их нужно было разрабатывать, обеспечивая учебно-методическими материалами. А в студенческие годы мы это ещё не всегда понимали. Хочу отметить, что, несмотря на неподъёмную нагрузку, ни одного случая, когда Юрий Сергеевич был бы не готов к лекции, я не помню.

Он был прекрасным организатором на факультете для нас, историков, вторым человеком после декана, замечательным, отзывчивым, справедливым, добрым и честным человеком. Общаться с ним было легко и приятно, к нам он относился уважительно и с достоинством. Отчасти это передавалось и нам. Мы его любили.

К сожалению, в полной мере реализовать свой потенциал Юрию Сергеевичу в нашем университете не удалось. Вернувшись в Уральский государственный университет на должность декана, он написал 60 научных и учебно-методических работ, подготовил пять кандидатов наук.

Л. В. Жданова (Геращенко)

Юрий Сергеевич Кирьяков!.. Разве кто-нибудь из нас сегодня сможет о нем рассказывать не с восхищением? Он был нашим кумиром. Юрий Сергеевич с первого курса нам читал несколько дисциплин (окончательно этот труд осознать можно было только позднее, уже в своей преподавательской работе). Тогда же, в 1976 году, помню, что после одной из первых лекций по этнографии я подошла к нему во время перерыва и спросила: «Что необходимо для того, чтобы стать этнографом?» Юрий Сергеевич читал с увлечением, интересно, я была уверена, что именно этнография и есть его главное занятие. А он нам открывал яркие страницы многих дисциплин. И каждый раз это было сделано основательно, убедительно, неповторимо.

Приоткрытая медиевистика. Ирина Яковлевна Эльфонд

Л. М. Яблонская

Ирина Яковлевна Эльфонд, кандидат исторических наук, переводчик с четырёх иностранных языков, была уже тогда крупным специалистом по истории европейской средневековой культуры и раннего Нового времени, а также по политической мысли и историографии Франции XVI в. Она стала преподавать нам историю Средних веков, а впоследствии вести курсы по специализации. Позже, после возвращения в Саратовский государственный университет, она защитила

докторскую диссертацию и стала профессором. Вспоминая свою деятельность в ЧелГУ, она писала: «...самое лучшее, что связано в моей памяти с Челябинском, – это общение со студентами, радость при виде их интеллектуального роста, интерес от работы с ними, удовлетворение от их высочайших нравственных качеств. Все это позволяло пережить физические и в особенности нервные перегрузки, обусловленные сложностями роста молодого университета».

Л. В. Жданова (Геращенко)

Никогда не привлекало западное Средневековье, но написание курсовой работы на 2 курсе под руководством Ирины Яковлевны Эльфонд во многом поменяло меня. Вместе с ней открывала для себя Эразма Роттердамского. Она умела заразить темой, предметом. После бесед с Ириной Яковлевной шла в публичку, читала о том периоде, когда писалась «Похвала глупости», почти все без разбора, хотелось хоть как-то приблизиться ко времени. Ирина Яковлевна знала несколько языков, знакомила с зарубежными авторами по теме. Не забывается и тот вечер, когда она пригласила к себе в гости нас, писавших у нее курсовые работы. Море книг, пластинки, репродукции – это как фон. А перед нами увлеченный, влюбленный в свое дело ученый! Вечная ей память! Сегодня смотрю в приложение к диплому, где отражены оценки, и вспоминаю, что «отлично» по истории средних веков было моим огромным желанием подготовиться как можно лучше, иначе просто невозможно. Недопустимо.

М. Н. Николаева (Потемкина)

Отношения с Ириной Яковлевной Эльфонд у меня не заладились с самого начала. И в итоге мой красный диплом не состоялся из-за единственной «тройки» в ряду моих пятёрок. Уже накануне выпуска меня вызвал в деканат наш декан Н. Б. Цыбульский и пытался уговорить пересдать эту несчастную «помеху» для красного диплома, на что я по своей молодой горячности категорически отказалась. Я прекрасно понимала, что Ирина Яковлевна – человек с огромной эрудицией и знанием иностранных языков, обладающий способностью читать средневековые тексты «с листа». Но лекции её были для меня скучны, высокомерие её (она презрительно называла нас «плебеями») раздражало. Парней наших она просто гнобила, некоторые ходили ей сдавать экзамен по нескольку раз, и неважно было, выучил ты предмет или нет. Нелюбовь к истории средневековой Европы у меня сохранилась на всю жизнь.

Г. П. Суслова

...Она была снобом, когда она была вынуждена защищаться и от неумных студентов, и от неумных преподавателей, [это] выродилось в такую очень высокую степень защиты, которая иногда перехлестывала в снобизм, в негативные моменты. Поэтому к ней так и относились. Потом я несколько раз слушала ее лекции – я не могу сказать, что это тот лектор, которого студенты могли бы любить, потому что она читала лекции (не говорила, не объясняла, не проговаривала). ...Она всегда блистательно

готовилась к лекциям — это были фундированные великолепным образом лекции, но они не были достаточно большей массе студентов понятны и приятны. Более того, она вообще не смотрела на аудиторию: она просто читала, отчитывала эти свои два раза по 45 — и все, на этом замыкалась. Единственно, с кем она поддерживала контакт — это с ее собственными курсовиками и дипломниками. Но, к сожалению, уже в то время, по решению кафедры Отечественной истории, квота на курсовые работы кафедры Всеобщей истории все время сокращалась. А она изначально в три раза меньше и должна еще быть разделена между преподавателями самой кафедры Всеобщей истории — т. е. ей доставалось с каждым годом все меньше и меньше курсовиков. Дело не в часах было, а в возможности реализовать этот высокий потенциал (научный).

Е. И. Сёмочкина

Странное чувство я испытываю по отношению к Ирине Яковлевне Эльфонд, или «Дочке», как мы для краткости называли её меж собой. Объяснять это не надо: раз Яков Андреевич Эльфонд — «Папа», то она «Дочка». Сейчас я понимаю, что, не имея опыта преподавания, она просто боялась нас. Но эта её боязнь маскировалась манерой смотреть на студента свысока. Было очень неприятно, когда на тебя смотрят, как на нечто весьма незначительное. Она заходила в аудиторию, вставала за кафедру и, не отрываясь от своих записей, начинала бубнить очередную лекцию. Дикция тоже оставляла желать лучшего. Мы довольно старательно конспектировали её чтение. К нашему счастью, как раз в 1977 году вышел двухтомник С. Д. Сказкина, по которому мы и готовились к экзамену по истории Средних веков. Её это устраивало, тем более что она любила время от времени подчеркнуть, что она чуть ли не его прямая «научная наследница». Ну, да — за её плечами МГУ и кафедра Средних веков (кстати, там есть и аудитория имени С. Д. Сказкина на истфаке), а тут мы — неизвестно кто в наспех состряпанном ЧГУ.

Преподаватели в те баснословные времена были вольны абсолютно самостоятельно выбирать темы лекционных и семинарских занятий, а о чём-то вообще не упоминать. История Средних веков у «Дочки» включала в себя четыре европейских региона: Англию, Францию, Италию, Германию. Причём связи между ними как будто не существовало. Византия? С которой, собственно, началось это Средневековье и гибелью которой оно закончилось? На которую все эти немцы, англичане, французы с итальянцами без малого почти тысячу лет смотрели и тявкали, как моськи на слона? «Дочка» её полностью игнорировала. Почему? Видимо, так ей было проще. А может быть, просто не хватило времени. Тут подсказку дает мой собственный дневник за апрель — июнь 1978 года: из-за болезни Ирины Яковлевны три семинара в апреле отменялись один за другим и заменялись другими занятиями. В мае-июне она лежала в больнице, и поэтому экзамен был в два приема. 10 июня несколько человек пришли к ней прямо в больницу, а 11 июня сдавали все остальные уже в нашем корпусе. Впрочем, небольшой кружок её почитателей всё же сложился из тех, кто писал под её руководством курсовые и дипломы. Пусть они и говорят хвалебные слова.

Н. Т. Калганова

Самым молодым преподавателем на втором курсе у нас была Ирина Яковлевна Эльфонд. Она только что окончила очную аспирантуру МГУ и через четыре месяца защитила кандидатскую диссертацию. Это был первый год ее работы в вузе, поэтому, возможно, ей еще не хватало лекторского и коммуникационного опыта. Но я хочу рассказать о другом: перед нами был не просто преподаватель, историк-медиевист, а исключительно эрудированный (не только в своей научной области) человек, владеющий четырьмя иностранными языками, знаток искусства, фанатик музыки.

Когда я впервые оказалась у Ирины Яковлевны дома, меня поразил аскетизм ее быта. И при этом — великолепная библиотека, уникальные альбомы по искусству и прекрасная коллекция пластинок классической музыки.

Она была фанатичным поклонником оперы, итальянского bel canto. Ее любимым певцом был Марио дель Монако. В 1974 году знаменитый театр Ла Скала гастролировал в Москве. Ирина Яковлевна с гордостью говорила, что ей удалось побывать на всех спектаклях. Можно только догадываться, каких усилий это стоило. Она рассказывала, что за один из билетов ей пришлось отдать трехтомник О`Генри.

Мне довелось дважды побывать в Эрмитаже вместе с Ириной Яковлевной Эльфонд. Для меня это был интеллектуальный шок! Ее глубокие знания коллекции Эрмитажа — от античности через Ренессанс и вплоть до импрессионизма — поразили не только меня, но и научных сотрудников музея. А меня распирала гордость за нашего преподавателя!

Ирина Яковлевна была (с печалью мы сегодня говорим это в прошедшем времени) уникальным специалистом в целом по искусству итальянского Возрождения. Ее болезнь в конце нашего второго курса, банальная нехватка времени не позволили ей раскрыть для нас этот главный сюжет ее жизни.

Тема кандидатской диссертации Ирины Яковлевны Эльфонд — «Общественно-политические взгляды итальянского гуманиста Леонардо Бруни Аретино» (он был канцлером Флорентийской республики в течение 20 лет во второй четверти XV века). О Флоренции она всегда рассказывала со знанием и особой любовью, казалось, она в деталях представляет этот средневековый город, его жителей, улицы и соборы... Годы спустя мне удастся несколько раз посетить ее любимую Флоренцию. И всякий раз я вспоминала Ирину Яковлевну и как будто слышала ее голос, увлеченно рассказывающий о шедеврах Брунеллески, Донателло, Микеланджело...

На курсе было несколько студентов, писавших дипломные работы по истории СССР. Отечественную историю нам преподавал М. Д. Машин.

«Казак лихой». Михаил Дмитриевич Машин

Л. В. Жданова (Геращенко)

Машин Михаил Дмитриевич (архив ЧелГУ)

Мне всегда была интересна отечественная история, а особенно начальный этап строительства социализма. Любимой книгой, которая глубоко вошла в мое сознание с 16 лет, был роман Веры Кетлинской «Мужество» о строительстве Комсомольска-на-Амуре, о замечательных людях, их стойкости и огромной вере в лучшее для будущих поколений.

С третьего курса началась специализация. Настрой был изучать именно строительство социализма в СССР.

Научным руководителем моей дипломной работы был заведующий кафедрой истории СССР. Он читал нам лекции по истории СССР. На лекциях ярко освещалось революционное движение, острая борьба, трудности и успехи. Многое звучало впервые и даже неожиданно. Думаю, что важно то, что в этих лекциях часто был представлен и местный материал. Южноуральская земля с ее историей никогда не представлялась какой-то отдельной страницей, отдельным компонентом. История Урала также читалась спецкурсом. Хочу это упомянуть особо, потому что в дальнейшем мне многие годы пришлось заниматься краеведением (на Дальнем Востоке, в Псковской области, в Ленинградской области) и становиться участницей дискуссий об уникальности каждого региона, его неповторимости. Никогда не оспаривала уникальность. Но всегда мне интересна была сила, связующая людей в труде, единые общечеловеческие ценности. Мои оппоненты (пишу о 1990-х годах) оспаривали общую судьбу страны, особенно в советский период, заявляли, что был диктат и проведение линии партии, что разрушало уникальность того или иного края.

Тема диплома, который защищала на 5 курсе, – «Классовая борьба в восстановительный период (на материалах Челябинской губернии)». Михаил Дмитриевич буквально только указал вектор, по которому идти, дал советы по внимательному прочтению, поставил задачи, ну а дальше – трудись сама. Я помню, что работала с удовольствием и в нашей публичке, и в архиве. С большим удивлением узнала о том, что университет имеет возможность предоставить мне командировку для работы в Москве в исторической библиотеке. Наша преддипломная работа была так же прекрасно организована, как и другие практики. У Михаила Дмитриевича я поинтересовалась: если моя работа заявлена на материалах Челябинской губернии, может, достаточно документов ГАЧО? Он еще раз напомнил об историографии вопроса. Его-то работы сопровождались обилием ссылок. Достаточно мне было еще раз обратиться к вышедшей в 1976 году его работе «Из истории родного края. Оренбургское казачье войско». Нет ничего более убедительного, чем наглядный пример. Солидный историографический обзор по теме, источники и их критический обзор. Взялся за тему, так рассмотри со всех сторон. Но теперь мне думается, что Михаил Дмитриевич так же, как все наши преподаватели, хотел, чтобы мы больше видели и ценили то, что есть у нас в стране.

Зарисовка – Машин М. Д.
Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ (© Назыров П. Ф.)

Шутили не только студенты, но и преподаватели. Но иногда преподаватели говорили абсолютно серьёзно, и, тем не менее, их высказывания воспринимались как незабываемые юмористические перлы.

Очень ярким в этом отношении бывал Михаил Дмитриевич Машин, за которым мы не уставали записывать.

– Русская буржуазия взахлеб до боли в ладонях рукоплещет Вильсону.

– Николай Второй плохо вел себя, плохо слушался.

– Февральская революция для народов всего мира была первым лучом, но не последним, второй луч был прожектор Октябрьской революции.

– Ай-яй-яй, как плохо было, что царь в России был никудышным.

– Русский либерализм, как только чуть-чуточку сдает, так его обязательно выпорют.

– Никто не предполагал, что этот февральский гром прогремит так напористо мощно.

– Германия будет наблюдать, как в голодных судорогах, в агонии будет лежать Англия.

– В стране недовольствие.

– Ну, так сказать, щекотать пятки и не больше.

– Русский пролетариат – это не пролетариат, это пролетариат, который любит поесть, он только и требовал: дай ему маслица да дай ему мясца.

– Ленин не писал, он рубил железным топором.

– Подвойский запер Ленина на ключ, чтобы тот не мешал делать революцию.

– Генуэзская конференция – это была первая ласточка, первый кирпич для советской власти.

– И тогда оренбургские казаки собрались на круг и решили помочь советской власти и собрали две подводы водки... ой, то есть винтовок.

– Можно обеспечить вывоз леса и других удобрений.

– Необходимо обеспечить постройку и судоходство рек.

– И в заключение я хотел бы бросить один тезис: война не содрогнула, не надломила, не загнула рабочий класс.

Анатолий Андреевич Бухарин, кандидат исторических наук, читал курс по истории России XIX века

Запись с его лекции об убийстве Павла I:

«Павел услышал, что по коридору идёт целая толпа, вскочил, схватил свечечку и побежал к окну (Бухарин сам бежит к окну). Спрятался за штору (Бухарин ныряет за штору и продолжает, выглядывая из-за неё). А того, дурак, не понимает, что свет свечи его выдаёт».

И его же о России XVIII века:

«А Россия, как развратная девка, разлеглась на перепутье европейских дорог».

Л. М. Яблонская

С третьего курса, к сожалению, ситуация на историческом факультете стала меняться. Пришли новые преподаватели, в частности из педагогического института, появились высказывания о том, что студенты первого набора зазнались, мнят себя выдающимися учёными и не собираются работать в школе. Возникло напряжение, споры среди преподавателей. И это отражалось как на общей обстановке, так и на студентах.

Этого мнения придерживался заведующий кафедрой истории СССР Михаил Дмитриевич Машин. Он у нас преподавал историю Урала и на экзамене в качестве воспитательной меры Михаил Дмитриевич поставил ряду студентов (хорошистов и отличников) удовлетворительные оценки. Нужно отметить, что к этому времени историки нашего курса учились практически без троек, а неудовлетворительные отметки вообще были редкостью. Удивительным было то, что Михаил Дмитриевич даже не слушал наши ответы. Мне он поставил «удовлетврительно» и отдал зачётку. Через несколько дней нас вызвали на пересдачу. Точно так же формально тройки были исправлены на четвёрки.

Между тем, я благодарна Михаилу Дмитриевичу за то, что он научил меня не поступать подобным образом со студентами, уважать их и оценивать ответы объективно. Для меня он стал учителем того, что делать преподавателю недопустимо.

Б. И. Ровный

Были совершенно культовые фигуры, но [другого] порядка. Машин [Михаил Дмитриевич], казак. Это была фигура, так сказать, и демоническая, и комическая одновременно, потому что ему приходилось, как и многостаночнику Кирьякову, читать и Запад, и Россию, но это не составляло для него труда. Запад и Россию он читал совершенно одинаково. И это было забавно. Когда он объяснял международную политику 1934 года (международная безопасность, попытки СССР, естественно): «И что получилось: Луи Барту пошел, так сказать, навстречу Советскому Союзу, и вот в Марселе он ехал с королем Александром в машине. Дикий усташ вскочил на подножку автомобиля и влил в рот яд, обоим». Вот так вот «дикий усташ» нарушил все планы советского правительства и Луи Барту...

Машина любили за это, все ждали с нетерпением его лекций, потому что он мог сказать все что угодно. Например: «Ленин не говорил, он рубил железным топором», что-то в этом духе. Или очень точные подробности аграрного быта казачества Оренбургской губернии. Вот, на границе киргиз-кайсацких земель, когда он очень подробно объяснял студенческой массе, что казачку с молодой казачкой нельзя было отлучиться далеко от крепости, поваляться в стогу, потому что кругом киргиз-кайсаки. «Почему?» — группа задумалась, почему же нельзя. — «Кругом киргиз-кайсаки», а это снимало многие вопросы. Тогда, может, он воспринимался как-то иначе, сейчас вспоминаешь... ну, я не скажу, может быть, с любовью — это сильное слово, ну, по крайней мере, он был достоин, по-своему, уважения, этот человек, хотя в то время считался тираном...

ЧелГУ 50

ЧЕЛГУ

04

От теории к практике — за пределами аудиторий

Археологическая практика, Берсуат, 1977 г.

Практики у нас были почти все уникальные. Это были путешествия в другие «миры», причем для нас практически бесплатно, что тоже было важно. Воспоминания о практиках присылали самыми первыми, и они были, пожалуй, самыми эмоциональными.

Но обо всем по порядку.

Археологическая практика

Весной 1977 г. началась подготовка к археологической практике, возглавил которую Г. Б. Зданович. «Планы отличались определённой амбициозностью — так, в сфере археологических исследований ставилась задача «стать хозяевами в своей области, контролировать работу других экспедиций» (Г. Б. Зданович), тем более что «территория нашего Урала “пиратская зона”, кто хотел ехал, кто хотел брал» (А. Александров), как отмечалось на заседании Совета факультета 14 апреля 1977 г.»[27]. Организационные вопросы были регламентированы в университетском приказе.

Т. В. Шевцова, И. М. Пазойская (Новокрещенова)

Сетка раскопа, уходящая в степь: наш первый сезон СКАЭ-1977

Наш первый полевой сезон Северо-Казахстанской археологической экспедиции (СКАЭ, позднее — Урало-Казахстанская археологическая экспедиция, УКАЭ) 1977 года, безусловно, стал самым главным и ярким событием, оставшимся в памяти. Двадцать студентов университета и пединститута впервые на три недели были полностью оторваны от цивилизации.

Нашими единственными инструментами были лопата, нож, кисточки и носилки. Три недели без газет, телевидения и радио, без привычной домашней пищи... Все это напоминало жизнь на необитаемом острове. Нас и вправду можно было назвать «племенем археологов».

Распорядок дня диктовала степь: палящее солнце, 50 минут работы — 10 минут перерыва. За время короткого отдыха ты успевал даже провалиться в сон. Мы копали поселение эпохи бронзы (алакульская культура) — Новоникольское. Перед нами открывались древние сосуды, изделия из бронзы, захоронения домашних животных.

Бесконечные земляные отвалы, кубометры вынутого грунта... Постепенно лопаты в наших руках превращались в ювелирный инструмент. Для финального рисунка квадрат зачищался

[27] Назыров П. Ф. Исторический факультет ЧелГУ: первые десятилетия// Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). С. 59–65.

Министерство высшего и среднего специального образования

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИКАЗ [28]

№18

г. Челябинск

Об организации археологической практики историко-филологического факультета (специальность – история) в 1977 году.

1. В соответствии с учебным планом провести в период с 5 июня по 15 августа 1977 года учебную археологическую практику студентов первого курса историко-филологического факультета (специальность – история)

2. Для прохождения археологической практики скомплектовать на базе студентов первого курса два отряда. Состав первого отряда:

И-101: Глухов С. В., Хрисанфова С. В., Осокина С. В., Масленникова О. Н., Сюртуков Б. Н., Карась В. В., Морозова Е. А., Бавыкина Е. В., Ширшова Т. В., Миллер М. Л., Жеребцов С. М., Ровный Б. И., Потёмкин Д. И., Захарова Л. М., Коляева О. В.

И-102: Яблонская Л. М., Пономарева Л. В., Кононова Н. Е., Атланова И. В., Бычкова Т. В., Пронкина А. Н., Мосин В. С., Семенов А. И., Шевцова Т. В., Аубакирова И. Х., Салтрукова Е. В., Нилова Е. А., Титаренко Н. Г., Николаева М. Н., Калганова Н. Г.

Состав второго отряда:

И-101: Сидоренко В. П., Синицын А. В., Аксенова В. А., Сёмочкина Е. И., Шишмаренкова А. В., Зубкова Е. И., Лясковская М. Д., Жданова Л. В., Новокрещенова С. Н., Гребенникова Л. С., Беляев А. А.

И-102: Кокин А. В., Кузьмин В. И., Смирнова Н. К., Карпова Н. А.

3. Установить следующие сроки работы отрядов, районы и объекты практики:

Первый отряд. С 5 июля по 26 июля в Ленинском и Сергеевском районах Северо-Казахстанской области на поселениях и могильниках эпохи бронзы и железного века.

Второй отряд. С 26 июля по 15 августа в Брединском районе Челябинской области на поселениях и могильниках эпохи бронзы.

В период практики организовать силами студентов-практиков разведочные работы в зонах затопления Долгобродского водохранилища, Нововарненской оросительной системы, Караганской оросительной системы.

4. Назначить руководителем практики ст. преп. Здановича Г. Б. Возложить на него всю ответственность за создание студентами-практиками необходимых условий быта, а также за учебно-воспитательную и финансовую работу. Провести среди студентов-практиков инструктаж по технике безопасности.

5. Бухгалтерии оплатить проездные и суточные расходы согласно существующему положению о производственной практике и в соответствии со сметой

Ректор */М. Е. Матушкин/*

[28] Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ (© Назыров П. Ф.)

Министерство высшего и среднего специального образования

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИКАЗ

Об организации археологической экспедиции

1. В соответствии с планом научно-исследовательской работы и в целях активизации учебного процесса и создания базы для проведения практики и специализации по археологии организовать при ЧГУ археологическую экспедицию.

2. Сроки работы экспедиции с 15 июня по 25 августа.

Провести стационарные археологические раскопки на поселениях и могильниках эпохи бронзы и раннего железного века в Северо-Казахстанской области (Ленинский и Сергеевский районы) и Челябинской области (Брединский район).

Организовать разведочные и рекогносцировочные работы в зонах новостроек Челябинской области: Долгодеревенское водохранилище (Нязепетровский район), Нововарненская оросительная система (Варненский район), Карагандинская оросительная система (Кизильский район), Белоключевское хранилище (Троицкий район), Малокизильское водохранилище (Агаповский район).

3. Утвердить списочный состав археологической экспедиции по отрядам.

Отряд 1. Время работы — с 15 июня по 4 июля 1977 года. Малютина Т. С. — мл. науч. сотрудник, Хабдулина М. К. — мл. науч. сотр., Новгородцев Н. В. — мл. науч. сотр., Петров А. И. — ст. лаборант.

Отряд 2. Время работы — с 5 июля по 25 июля 1977 года. Малютина Т. С. — мл. науч. сотр., Хабдулина М. К. — мл. науч. сотр., Новгородцев Н. В. — мл. науч. сотр., Кирьяков Ю. С. — ст. науч. сотр., Петров А. И. — ст. лаборант, Лушев Ю. Н. — ст. лаборант, Алферова Н. С. — лаборант, Гурина Т. Я. — лаборант, Шишкин С. В. — лаборант, Багинская Н. Б. — лаборант.

Отряд 3. Время работы — с 25 июля по 25 августа 1977 года. Зданович С. Я. — ст. науч. сотр., Хабдулина М. К. — мл. науч. сотр., Малютина Т. С. — мл. науч. сотр., Новгородцев Н. В. — мл. науч. сотр., Сюртуков Б. Н. — ст. лаб., Бавыкина И. В. — ст. лаб., Потемкин Д. И. — ст. лаб., Семёнов А. И. — ст. лаб., Ровный Б. И. — ст. лаб., Осокина И. В. — ст. лаб., Нилова Е. А. — лаб., Хрисанфова С. В. — лаб., Масленникова О. Н. — лаб., Карась В. В. — лаб., Ширшова Т. В. — лаб., Миллер М. Л. — лаб., Яблонская Л. М. — лаб., Пономарева Л. В. — лаб., Атланова И. В. — лаб., Бычкова Т. В. — лаб.

4. Назначить начальником археологической экспедиции ст. преп. Здановича Г. Б., заместителем начальника экспедиции — ст. лаборанта Хабдулину М. К.

Назначить ответственным за оборудование мл. науч. сотр. Малютину Т. С.

Возложить на Здановича Г. Б. всю ответственность за создание участникам экспедиции и практикантам необходимых бытовых условий; их безопасность, а также за финансовую и учебно-воспитательную работу. Провести среди сотрудников инструктаж по технике безопасности.

5. Бухгалтерии оплатить командировочные расходы в соответствии с существующими нормами и правилами.

Утвердить общие расходы на экспедицию в сумме 4894 руб., смета прилагается.

6. Начальнику археологической экспедиции Здановичу Г. Б. и заместителю начальника Хабдулиной М. К. произвести обработку полевых материалов и сдать отчет о научной экспедиции не позднее 15 апреля 1978 года. Предварительный отчет о полевых исследованиях представить в НИС университета к 15 ноября 1977 года.

Полный отчет о финансовой деятельности экспедиции сдать в бухгалтерию к 15 сентября 1977 года.

7. С целью укрепления материальной базы и более тесной координации научных исследований предложить Уральскому университету, ЧГПУ, Челябинскому, Златоустовскому и Северо-Кавказскому краеведческим музеям, а также Челябинскому и Петропавловскому отделениям Общества памятников культуры принять совместное участие в работе археологической экспедиции.

8. Создать при археологической экспедиции совместно с Челябинским Дворцом пионеров и педагогическим институтом краеведческий лагерь «Юный археолог» для школьников 8–9 классов. Сроки функционирования лагеря: 1-й сезон — с 15 июня по 8 июля; 2-й сезон — с 10 июля по 5 августа.

Всю ответственность за бытовые условия лагеря, воспитательную и культурно-массовую работу со школьниками возложить на начальника экспедиции Здановича Г. Б.

Ректор */С. Е. Матушкин/*

до зеркального блеска. Слова из клятвы археолога навсегда врезались в память: «Клянусь копать до материка, а если понадобится — то и до центра Земли!»

Жили в палатках, готовили пищу на костре из скудного пайка. Но даже в этих условиях случались кулинарные чудеса: Дмитрий Потёмкин ухитрялся печь блины, ловко подкидывая их на сковороде.

Старший состав «племени» называл себя сахемами. Именно они — Г. Б. Зданович и Т. С. Малютина — обучали нас полевым традициям и правилам выживания. Степь восхищала: она была повсюду, манила разнотравьем, а иногда на горизонте даже дрожали настоящие миражи. В такие моменты хотелось раскинуть руки и полететь.

Самым захватывающим событием экспедиции стало посвящение — инициация в ряды археологов. Мы сами разрабатывали символику: флаг, эмблему и гимн отряда «новоникольцев». За особый труд сахемы награждали студентов именными лопатами, а за ценные находки вручались «американки».

На посвящении звучали торжественные слова: «Пусть палатка будет домом твоим, а костер — вместилищем души твоей».

Главный костер зажигали от факела, который мы передавали эстафетой от огня, разведенного на самом древнем поселении. Бежать ночью по степи с факелом в руках — непередаваемое впечатление! Казалось, ты сливаешься с древностью, становясь тем самым человеком из племени бронзового века, который строил здесь свой дом три с половиной тысячи лет назад.

А позже у костра Татьяна Сергеевна проникновенно пела «Шарабан» и «Синильгу», а мы подхватывали: «За Танаисом-рекой скифы пьют-гуляют...» Звенели гитары, плясало племя

Гимн новоникольцев

Мы землю своими черпаем горстями,
В чужие могилы, в чужие дома
Мы входим непрошенными гостями,
Хозяев при этом смущая весьма.

Простите, простите, товарищи предки,
За то, что, нарушив ваш бренный покой,
Без спросу сбираем останки, объедки,
В веках сохраненные теплой землей.

Мы полог кургана, как спальню, разрушим,
Со спящего сняв одеяло веков.
И по плечу хлопая, скажем: «Послушай,
Вставай человечек, проспишь петухов!»

Нам жизнь променять бы на скрежет лопаты,
На темные пятна в разрезе земли,
Чтоб, в небо зияя, пустые квадраты
Грядущим о нас растрезвонить могли!

Сергей Боталов
пос. Новоникольское, 1977 г.

Археологическая экспедиция

новоиспеченных археологов. Скрепленные дружбой и причастностью к «другой стороне жизни», к великой древней эпохе, мы уже не хотели возвращаться в пыльные города.

Л. М. Яблонская

Летом 1977 г. после сессии нам предстояла археологическая практика. Мы её ждали. Романтика археологических раскопок поглотила практически весь курс. Повлияла на нас личность Геннадия Борисовича Здановича, посвятившего всю свою жизнь археологии. Он был замечательным рассказчиком, умел заинтересовать и увлечь. В течение первого учебного года мы освоили и затем сдали экзамены по «Истории первобытного общества» и «Основам археологии». Слушая лекции Геннадия Борисовича, невозможно было не увлечься археологией.

Археологическая практика была одной из самых интересных. Она сплотила нас, мы лучше узнали друг друга, подружились. Я проходила практику в июле, сразу после сессии, в Северном Казахстане на поселении Петровка, а в августе — на поселении Долгобродка (Челябинская область) на месте запланированного водохранилища. За одно лето мы пережили массу памятных минут. Это и песни у костра под гитару (я вскоре и сама освоила гитару и стала подыгрывать себе при пении), и танцы под дождём, и замечательный

праздник посвящения в археологи, и различные конкурсы, и дни рождения, и звездопад ясной летней ночью. А ещё была археологическая разведка вместе с одногруппником Вадимом Мосиным и старшими товарищами-студентами Петропавловского педагогического института Александром Шалагиным и Надей Бычковой. И всё это за одно лето!

Уже на втором курсе вместе с товарищами по экспедиции удалось принять участие в X Урало-Поволжской археологической студенческой конференции в Йошкар-Оле, где мы успешно выступили.

Л. В. Жданова (Геращенко)

Совсем не интересно мне было на лекциях по археологии. Геннадий Борисович Зданович подробно рассказывает о черепках, орнаментах, постройках и курганах, распространении той или иной культуры. Голос у него мягкий, обволакивающий... Засыпаю... Так было где-то с февраля до мая 1977 года. Хорошо помню, что ближе к весне, где-то в мае, и голос-то Геннадия Борисовича становился звонче, а с ним в аудиторию приходило что-то новое – приходила радость... И только потом открылась эта радость! Началась подготовка к первой археологической нашей практике. Лучшие дни у реки Берсуат, раскоп, бронзовая бусинка, найденная там, песни у костра с нашим обожаемым Геннадием Борисовичем, неутомимым исследователем, его интереснейшими рассказами.

Прошло столько лет! В 2023 году мне со студентами филиала РГПУ им. Герцена в г. Выборге, где я тогда преподавала историю, неожиданно поручили организовать археологическую практику. Выручил замечательный профессионал, археолог Александр Михайлович Смирнов. Мы проводили раскопки там же, в Выборге, на тех развалинах, что более четверти века я изучала только в архивах и библиотеках, а тут впервые исследовали цокольный этаж уникальной постройки. Работали 21 день на одном дыхании, увлеченно. У студентов вызвали интерес и мои воспоминания об археологической практике. Некоторые песни ребята тоже выучили, не сомневаюсь, что они, как и мы, будут петь: «Чтоб история на картах крепла, чтоб вставали из руин и пепла города, сожженные врагами, занесенные в степях песками...»

М. Н. Николаева (Потёмкина)

После первого курса мы все в полном составе поехали в археологическую экспедицию. Нас разделили на несколько групп, я попала на раскопки Новоникольского поселения эпохи бронзового века в Северном Казахстане. (*Прим.:* Новоникольское, раскопки проводились в 1969–1976 годах под руководством Г. Б. Здановича. За четыре полевых сезона на поселении, площадь которого составляла 12 000 кв. м, было раскопано 4 950 кв. м, исследованы алакульское жилище, часть жилища петровского времени, остатки двух помещений финальной бронзы и часть оборонительного сооружения). Научились профессионально владеть лопатой, узнали, как надо зачищать раскоп и многое другое. Запомнилось, как все мы жестоко сгорели в первый же день под казахстанским солнцем

(потом долго мазали друг друга сметаной и обдирали кожу), ели вкусную ежевику, пекли на костре блины.

Отчет об археологической практике проходил 25 ноября 1977 г. в форме археологического вечера и назывался «Первый внутриуниверситетский пещерный конгресс». Место проведения: пещера «Сломанная кость». Участники: экспедиции Берсуат, Долгобродка, Новоникольское, Петровка. Гости: археографическая экспедиция и археологи из Челябинского педагогического института. Вот некоторые выдержки из сценария этого вечера.

1. «Послушаем фантазии первого курса о жизни в археологической экспедиции»...

2. «С отчетами об археологической практике выступают экспедиционные группы второго курса».

3. Вопросы второму курсу:

– Какие у вас были отношения с предками?
– Какие профессии вы получили в экспедиции, кроме профессии археолога?
– Изучение каких предметов вам пригодилось в экспедиции? (Физкультура и чуть-чуть археология).

Археологическая практика «Первый внутриуниверситетский пещерный конгресс», Долгобродка, 25 ноября 1977 г.

– Чем археографы отличаются от археологов? (Археологи поднимают пыль из могил предков, а археографы поднимают столбы пыли из бабушкиных сундуков).

4. Напутственные заповеди археолога от второго первому курсу:

– уважай гостей, гость – первый человек на кухне и в поле;
– друзья познаются в еде, чтобы узнать человека, нужно с ним пуд соли съесть;
– встречают всегда по одёжке, одежда помогает нам определить принадлежность человека к тому или иному археологическому сословию;
– вам необходимо знать теоретическое значение термина «экспедиция» (экспедиция – это особая сфера производственных отношений, характерной чертой которых является антицивилизация. Признаки антицивилизации: жилища особые – брезентовые, полные пернатых, кусающих, жалящих, жужжащих; социальный состав населения – студенты, отличительная черта которых: поют всегда, везде, в любом состоянии; хозяйство натуральное, замкнутое; род занятий – землеройство, в буржуазной историографии – кладоискательство; государственное устройство – диктатура Здановича);
– слушайтесь старших, выполняйте всё в срок, иначе вас ждет суровое наказание экспедиции – «кедование». (Для тех, кто не понял: это ногами, обутыми в кеды, наносились удары по «пятой точке» провинившегося).

Археологическая разведка, р-н Полетаево, 1977г.

Б. И. Ровный

Практика археологическая — это было просто культовое мероприятие. Первый выезд в так называемое поле. Это уже потом «поле», «разведки» какие-то различные. Лагерь, палатки — это было жутко романтично. Я не принадлежал к числу любителей археологических раскопок, и, честно говоря, на раскопе (ГБ простит, ну он знал это прекрасно) я не очень стремился вкалывать, но все то, что было связано с археологической экспедицией, нас очень сильно привлекало.

Навсегда останется в памяти День археолога. Мы были первые, кто его праздновал. Мы были первыми, я помню всех участников. Бог мой — это же было вообще! Ночь на берегу. Степь ночная просто прекрасна. Звездное небо. И вот всякие там черти, древние чудища. Мать Археология приплывала на плоту, вместе с вооруженными охранниками. Устраивалась чудовищная инициация, имевшая определенный смысл и интерес, а ночью-то холодновато, поэтому нужно было пройти через всякие горнила, и все это было очень весело. И, наконец, ты причащаешься до определенного предела. Ночные пляски у костра, то есть максимальное погружение в эту ауру, в этот контекст. Всем нравилось.

В экспедиции закладывалась основа наших человеческих отношений друг с другом. Когда нужно поддерживать друг друга. Вот, по существу, товарищеские связи наши многие пошли от археологии. Я могу вспомнить Александра Семёнова, полковника МВД, с которым у меня исключительно добрые отношения. Мы с ним сблизились вот там, в экспедиции.

Походы в деревню, ночные походы за продуктами или, там, ночное плавание, за которое наказывают. Я там провинился, во второй экспедиции, посадив на громадного жеребца девчонку, Аксенову Веру, она поварихой была, занималась обедом и клянчила, чтоб и ее посадили, и я ее посадил. Хлопнул лошадь, а сумасшедшая лошадь понесла ее на раскоп. Ну, вы представляете, когда на раскоп влетает этот жеребец с Аксеновой, которая непонятно как сидит в этом седле... Я был наказан и отправлен в разведку нести громадный рюкзак. Меня можно было использовать только как рабочую силу, не более того, повторяю, я ничего собой не представлял, в этом смысле. Вот я ходил в разведке, каюсь, пинал ногой всякие нуклеусы, потому что если их найдет старший, то мне придется бить шурф, а это как бы не входило в мои планы. Ну, тем не менее, это очень яркие впечатления.

Е. И. Сёмочкина

Стихи, написанные на археологической практике летом 1977 г.

Мы с солнцем проснемся,
Идем, снова ищем,
На план занося
курган, городище.
— Вот видишь, стоянка
— Нет-нет, поселенье.
— Минуточку, парни,
Немного терпенья.
Шурфы заложили —
Керамика, кости...
Ну, словом,
гуляли веселые гости.
Большой слой золы,
Вот пятна прокалов,
Наверно, немало людей
Здесь бывало.

Археографическая экспедиция

С. Н. Новокрещенова (Кузьмина)

1977 год. Первый курс. Время, когда закладывались традиции, формировались направления научно-практической работы университета.

Весной 1977 года в Челябинск приехал молодой аспирант Уральского государственного университета (г. Свердловск) В. И. Байдин, сотрудник недавно созданной археографической лаборатории. Археография как научная дисциплина начала складываться на Урале в 1974 году, когда состоялась первая археографическая экспедиция. А в 1975 году в УрГУ была создана археографическая лаборатория.

В ЧелГУ В. И. Байдин произносит зажигательную речь перед студентами-первокурсниками о важности развития археографии, сохранения и исследования памятников письменности. Конечно, мы слабо представляли и что такое археография, и как будут организованы экспедиции: какие-то старообрядцы, бабушки в деревнях, старинные книги... Девушки в экспедиции обязательно должны будут ходить в длинных юбках и платочках... Все было непонятно, но очень интересно.

Первой записалась Алла Лушникова. С ее обликом русской красавицы с косой до пояса она была вне конкуренции. Глядя на нее, все бабушки должны были тут же растаять и благословить все старинные книги, которыми они обладали.

Потом постепенно присоединились и остальные: Вера Аксенова, Алексей Синицын, Володя Сидоренко, Светлана Новокрещенова. Еще одним постоянным членом наших экспедиций стал водитель грузовика, в кузове которого мы колесили по дорогам Урала.

Летом 1977 года, после сессии, началась наша первая экспедиция. Нам всем по 18–19 лет, а нашему руководителю — 24 года. Но он уже преподаватель университета, аспирант. Как обращаться к нему? Виктор Иванович? «Ребята, не люблю официоза! Зовите меня просто — шеф». Так мы его и звали. «Шеф» стало именем собственным.

Маршрут первой экспедиции: Челябинск — Свердловск — Верхняя Пышма — Талица — Тугулым. В Свердловске к нам присоединились

В ПОХОД ЗА ПАМЯТНИКАМИ СТАРИНЫ

Памятники истории и культуры отражают материальную и духовную жизнь прошлых поколений. Для спасения и изучения исторических памятников университеты и другие учебные заведения страны организуют различные экспедиции.

С 29 января по 7 февраля студенты нашего университета участвовали в археографической экспедиции Уральского университета.

Археографические экспедиции занимаются спасением и изучением древне-русского исторического наследия, в частности, книг. Они в настоящее время приобрели особенно большое значение, так как старообрядчество, как и другие религиозные культы, интенсивно отмирает. Умирают носители культа, с ними погибают и книги. К сожалению, очень многие не понимают ценности и значения старых книг. Часто они попадают в огонь, погибают от сырости в сараях или заброшенных домах.

Письменные источники гибнут не только от сил природы и невежества людей. Ходят-бродят по нашему уральскому краю «собиратели - коллекционеры». Многие из них делают это отнюдь не из интереса к старине и не из любви к собирательству, а скорее с целью наживы. Они довольно грубо вымогают книги и иконы у людей, что наносит вред не только государству, но и людям, которым подчас такой «любитель-самоучка» наносит душевную травму. Так, например, находясь в экспедиции в Миассе и Златоусте, мы шли по горячим следам такого «любителя», некоего Кузнецова из Челябинска. Когда люди, у которых побывал Кузнецов, узнавали, что я тоже из Челябинска, правда из ЧГУ, то у них моментально возникала ассоциация студента Сидоренко с «любителем» Кузнецовым. Приходилось долго убеждать их, что ничего общего между нами нет. Правда, поверив нам, люди довольно быстро успокаивались.

Наша экспедиция являлась разведкой перед летним сезоном. Результаты ее, как говорят люди, не раз побывавшие в экспедициях, неплохие. Только лишь группа из двух человек, в которую входили я и Н. Литвинова, лаборантка из УрГУ, собрала шесть книг. Наиболее ценная из них «Миней общая XVI века».

Основная наша задача — подготовка к летней экспедиции — была выполнена. Впереди нас ожидают новые поиски и интересные встречи. Мы надеемся, что уже в этом году в нашем университете с помощью ректората будет создана археографическая лаборатория, которая должна будет проделать большую работу по спасению исторических памятников в бывших казачьих и крестьянских селах Челябинской и Свердловской областей.

В. СИДОРЕНКО,
студент группы И-101

В поход за памятниками старины, «Челябинский университет», 17 мая 1977 г.

две студентки-старшекурсницы УрГУ. Во многом благодаря им складывались традиции наших экспедиций, шло приобщение к студенческому фольклору.

Работа строилась таким образом: заранее происходило выявление памятников письменности, выстраивались и поддерживались отношения с теми, кто обладал старинными книгами. И лишь потом в ходе экспедиции происходил сбор памятников письменности. Старинные книги сохранились, в основном, у старообрядцев. Их бережно передавали из поколения в поколение.

Старообрядцы, как известно, преследовались властями с XVII века. В советское атеистическое время они тоже подвергались гонениям. Верующих людей становилось все меньше. Уходило то поколение, для которого старинные богослужебные книги являлись ценностью. Бесценные памятники письменности нередко пылились на чердаках, использовались в хозяйственных нуждах и даже закапывались в землю. На глазах исчезал целый пласт национальной культуры. Поэтому археографические экспедиции фактически спасали от уничтожения древние памятники письменности.

Министерство высшего и среднего специального образования

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИКАЗ [29]

О создании археографической экспедиции ЧГУ

§1. В целях совершенствования учебного процесса и научной роботы на историко-филологическом факультете и для выполнения общегосударственных задач спасения памятников древнерусской письменности и печати, представляющих большую научную и культурную ценность, организовать археографическую экспедицию ЧГУ.

§2. Археографическая экспедиция организуется совместно ЧГУ и УрГУ на основании действующего между университетами договора о сотрудничестве. Общее научное руководство осуществляется начальником Уральской археографической экспедиции доцентом кафедры истории УрГУ Пихоя Р. Г.

Начальником отряда ЧГУ в составе уральской археографической экспедиции назначить аспиранта-целевика ЧГУ при УрГУ Байдина В. И.

§3. Утвердить финансирование отряда ЧГУ Уральской археографической экспедиции на сумму 1524 рубля согласно смете расходов и возложить материальную ответственность на начальника отряда.

§4. Местом работы экспедиции определить Пышминский, Талицкий и Тугулымский районы Свердловской области, Троицкий, Увельский и Красноармейский районы Челябинской области. Сроки выполнения работы определить с 4 июля по 3 августа 1977 года.

§5. Утвердить списочный состав археографической экспедиции: Байдин В. И., начальник экспедиции; Сидоренко В. П., ст. лаборант; Синицын А. В., ст. лаборант; Аксенова В. А., лаборант; Новокрещенова С. Н., лаборант; Лушникова А. В., лаборант.

Ректор */М. Е. Матушкин/*

[29] Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ (© Назыров П. Ф.)

План работы составлялся заранее. Каждые 2–3 дня мы меняли место стоянки. Места выбирались живописнейшие — в лесу, на берегах водоемов — недалеко от мест работы. В лагере оставались двое дежурных, а остальные парами разъезжались по деревням, шли в те дома, где жили старообрядцы, беседовали, объясняли важность сохранения и изучения памятников письменности.

Если повезет, то нам благословляли старинные книги. А это были огромные, тяжеленные фолианты — пол-листа, четверть листа — в кожаных или бархатных обложках, с медными застежками, иногда попадались и рукописные книги. Книги XVI–XIX веков — бесценные исторические памятники!

Каждый вечер после окончания работы при свете костра мы делали записи в дневниках, в которых описывали наши находки. Туда мы заносили имена дарителей, названия книг и время их издания, водяные знаки, делали особые отметки. И, конечно, каждый вечер — песни у костра, рыбалка, кунаки, бесконечные разговоры. Роскошь человеческого общения!

Экспедиции проходили в июле и всегда выпадали на праздник святых апостолов Петра и Павла. И нас обязательно приглашали на богослужения, которые проходили в домах верующих. Служба начиналась с вечера и продолжалась 6–7 часов. Собирались местные бабушки, читали, пели молитвы по уставному чину. Мы стояли сзади, ничего не понимая, хотя и пытались что-то подпевать. Это было настоящее испытание! А наши бабушки спокойно выдерживали такие долгие богослужения, испытывая при этом духовную радость!

Вторая экспедиция проходила в 1978 году. Тогда к нам присоединились студентка из Удмуртского университета А. Заречнева и студент ЧелГУ С. Белоусов. Позднее на своей машине к нам приехал Ю. С. Кирьяков и часть экспедиции провел с нами. Вторая экспедиция проходила на территории Свердловской и Челябинской (Верхнеуральск, Троицк) областей и в Башкирии (Уфа, Стерлитамак). К сожалению, это была последняя археографическая экспедиция в нашем университете.

Итогом археографических экспедиций стали найденные и спасенные бесценные памятники письменности: рукописное Евангелие XVI века, рукописные сборники духовных стихов и крюковых нот, старопечатные книги «Апостол» и «Псалтырь», «Часослов» и «Кормчая», «Минеи Четьи» и «Минеи Общие». Всего в общей сложности несколько десятков старопечатных и рукописных книг XVI–XIX вв. Но планы администрации изменились. Археографическая лаборатория была закрыта. Дальнейшая судьба найденных экспонатов нам неизвестна.

Информация в дополнение. Материалы, собранные за несколько лет работы экспедиции её участниками, составили основу коллекции фонда редких книг Научной библиотеки ЧелГУ.

Н. Калганова на педагогической практике в школе № 15

Практики пионерская и педагогическая

М. Н. Николаева (Потёмкина)

После 2-го курса у нас была летняя практика в качестве пионервожатых в детском пионерлагере. Историки и филологи нашего курса были распределены в качестве пионервожатых в пионерские лагеря «Орлёнок» Южно-Уральской железной дороги, «Космос» — молочного комбината, «Алые паруса» — Челябинского абразивного завода, «Юный» — Челябинского цинкового завода. Весной нам был прочитан спецкурс по методике пионерской работы. И вот летом мы поехали на практику.

Н. Смирнова на педагогической практике в школе № 12 г. Челябинска

Пионерская практика

Помню, что у меня был отряд младших школьников, а это большая ответственность. К середине смены заболела вожатая соседнего отряда, и мне пришлось опекать два отряда. Работы было много, спать было некогда. В итоге заплатили мне только за мою смену, что было очень обидно. Вернулась я с практики с твердым убеждением никогда в жизни больше не работать в летних детских лагерях (это слово я сдержала).

Л. М. Яблонская

Педагогическая практика у меня проходила в средней школе № 12. Эта школа располагалась рядом с моим домом, и у меня возникла мысль о проведении практики в этой новой школе на Северо-Западе. Я спросила руководителя практики о такой возможности, тем более что база педагогической практики ещё не была полностью сформирована. Мне дали согласие. Я пришла в школу и познакомилась с опытным учителем истории по фамилии

Д. Потёмкин на пионерской практике

Мудрая (к сожалению, в памяти не сохранились её имя и отчество), договорилась о прохождении практики, со школой был заключён договор. Так для группы моих однокурсников было определено одно из мест прохождения педагогической практики. Кроме меня практику в этой школе проходили Надя Смирнова, Нина Вашкау, Марина Зудова и др. Нина сразу же дала установку вести себя солидно, как подобает учителям, через две ступеньки не прыгать, по лестницам и по коридорам ходить спокойно и т.д.

Мы с Надей Смирновой проходила практику в 7 А классе. Учитель оказалась опытным и профессиональным педагогом, поддерживала нас и делилась своим опытом. И мы, по-видимому, понравились школьному коллективу, потому что нам предложили после окончания университета прийти на работу в эту школу.

Дальнейшая профессиональная деятельность нашего выпуска показала, что мы были готовы к работе в школе, не избегали её, работали учителями, а часть из нас стали директорами, завучами, заслуженными учителями и учителями высшей категории.

Е. Сёмочкина на пионерской практике

Музейная практика, Самарканд, 1979 г.

Музейно-экскурсионная практика (июль 1979 г.)

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Учебный план специальности «История» предусматривал прохождение архивно-музейной практики. Ю. С. Кирьяков организовал поездку всего курса в Среднюю Азию по маршруту: Ташкент — Самарканд — Пенджикент — Бухара. Мне кажется, мы путешествовали там пару недель. Красивейшие дворцы, мечети, археологические памятники — масса всего интересного. Мы прикасались к «пыли веков», слушали про Тимура (Тамерлана), про суфийский орден, всё больше проникаясь пониманием необходимости сохранения исторической памяти. Это именно мы — историки держим в своих руках

нить, соединяющую прошлое с будущим. Ю. С. ещё успевал решать тысячи возникавших бытовых проблем, налаживать межкультурную коммуникацию с местным населением. А проблемы возникали постоянно. В июле в Средней Азии стоит немыслимая жара, нормальные люди по улицам не ходят. Но у нас по плану каждый день были экскурсии. Ю. С. всегда носил с собой пузырёк нашатырного спирта, поскольку периодически кто-нибудь терял сознание от жары, и его надо было приводить в чувство. Кстати, первой в этом печальном списке была я.

Мы как-будто попали в другую страну со своими правилами и нормами жизни. И климат, и природа были другими. Днем стояла страшная жара, а по вечерам над головой летали не птицы, а летучие мыши. В первые дни по приезде мы бесконечно пили холодную воду, только позже поняли, что надо пить горячий зеленый чай. Но чая надо пить немного. Однажды, выпив на четверых несколько чайничков крепкого чая, мы не смогли идти, ноги заплетались, как у пьяных. Этот случай стал нам уроком. Еда была непривычная, но очень вкусная, мы привыкали к незнакомым названиям блюд: шурпа, лагман. В местных столовых обслуживали, независимо от очереди, в следующем порядке: мужчин-узбеков, мужчин-русских, женщин-узбечек и только в последнюю очередь женщин-русских. Мы никак не могли понять, почему женщинам нельзя заходить в чайхану. Хотелось пить, и мы заходили, а Ю. С. убеждал местных старцев не наказывать наших девчонок палками за нарушение местных обычаев. И в целом нас проинструктировали, как одеваться (руки и плечи закрыты, никаких мини-юбок) и себя вести (одной не ходить, грубых слов не говорить).

В целом поездка была незабываемой.

В 2025 г. я посетила Республику Узбекистан в качестве туриста. Почти тот же маршрут, что и более 40 лет назад: Ташкент — Самарканд — Бухара. Я гуляла по улицам, пытаясь воскресить в памяти события моих студенческих лет. Узбекистан опять восхитил, преобразившись кардинально: гостеприимные жители, реставрированные исторические памятники (Регистан, Шахи-Зинда, Гур-Эмир и др.), обилие фруктов, фонтаны и искусственные озера, знаменитый ташкентский рынок...

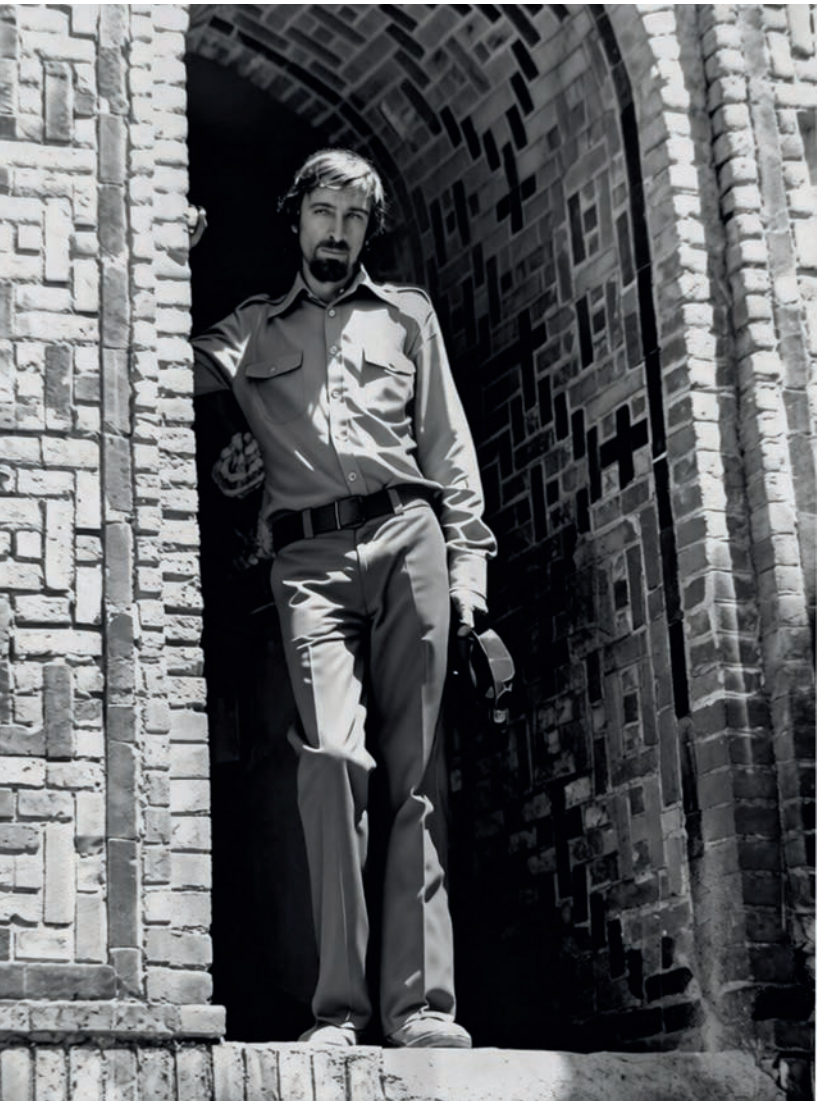
Е. И. Сёмочкина

Обо всём, что происходило в рамках нашей практики, я вспоминать не буду, думаю, что мои сокурсники с удовольствием дополнят мой текст своими сюжетами. И таким образом у нас получится своеобразный калейдоскоп: яркие и перекликающиеся картинки.

Основное наше место жительства располагалось в Самарканде на экскурсионной базе на улице Чапаева, 14. Сохранился конверт с этим адресом, но почему-то без моего письма, которое я тогда написала домой. Это было что-то вроде караван-сарая: небольшие клетушки на четырёх человек вокруг площади, где было основное место собраний и небольшой хаус (бассейн).

На эту практику с нами ездила Надежда Игоревна Бармина. У нас она прочитала только очень скромный спецкурс по музееведению, поэтому мы её, к сожалению, и не узнали толком.

Она тогда выглядела совсем как студентка — весёлая, задорная, сейчас я бы сказала, и озорная. Именно от неё мы узнали много новых песен, в том числе «дворовых», типа «Советская малина». Пели мы в те годы очень много, особенно когда ездили. А ездили мы постоянно.



Ю. С. Кирьяков, музейная практика, Самарканд, 1979 г.

Например, у нас был выезд на один день в Бухару.

Мы выехали на рассвете, почти затемно. И всё равно последние километры преодолевали едва живые от жары. Автобус мчался по гладкому шоссе по краю пустыни Кара-Кум, которая дышала, как раскалённая духовка, а мы были в автобусе, словно в консервной банке в этом пекле. Ни к чему нельзя было притронуться, не рискуя обжечься. И только въехав в Бухару, мы вздохнули посвободнее. Подъехали к какой-то школе, которая нам была определена как сборный пункт. Вокруг неё были высокие тенистые деревья, в центре площадки — хаус с прохладной водой, куда мы и залезли прямо в платьях освежиться после поездки. И буквально через десять минут полностью обсохли. Потом были экскурсии по городу. Самым сказочным объектом для нас стала средневековая тюрьма — зиндан. Очень не хотелось выходить из её прохлады, и в шутку мы просили дать нам здесь «пожизненный срок».

После этого нас разделили на группы по 4–5 человек, каждую из которых должен был вести гид из студентов местного университета по улицам «старой Бухары». После экскурсии наш гид Анвар повёл нашу группу отдохнуть в чайхану, которая располагалась в парке под сплошным куполом высоких деревьев. Там сидели только мужчины в ватных халатах и тюбетейках. Мы сели на крайнюю тахту (тохту — по-узбеки «окают») — низкий деревянный помост с войлочным покрытием. Анвар принёс несколько чайников с горячим зелёным чаем, пиалы и тёмный колотый сахар. За чаепитием и беседой мы провели около часа, чувствуя пристальные взгляды наших соседей по чайхане. Скорее всего, Анвара они знали, поскольку он, наверное, приводил сюда подобные экскурсии не раз. Мне показалось, что он пользуется здесь уважением. Разговоры конкретно не помню, а вот стихи Омара Хайяма в исполнении нашего гида запомнились. Отдохнув, мы ещё посетили дворец эмира. Вечером поехали обратно. По дороге заехали в город Навои. Он мне показался светлым и просторным, но жарким, так как был новым и многочисленные деревья ещё не успели вырасти, чтобы дать полноценную тень. В Самарканд вернулись уже затемно и просто рухнули спать.

Два раза мы были в Пенджикенте, недалеко от Самарканда, но уже в Таджикистане. Первый раз это было обязательно для всех, второй — по желанию. У меня оно было. В Пенджикенте раскопки вела экспедиция Эрмитажа под руководством Бориса Ильича Маршака.

Памятник народным сказителям, Самарканд, 1979 г. и 2025 г.

Общение с местным населением,
Самарканд, 1979 г.

Его фото получилось плохо, но фамилия, имя и отчество были на нём записаны. Он очень бодро водил нас по улицам древнего согдийского города, подробно рассказывая, где находятся какие-то мастерские, или покои аристократа, или обычные дома. Во второй наш приезд он водил нас по дворцу правителя. У меня в памяти остались только нескончаемые лабиринты из глинобитных кирпичей. Эта экскурсия была короче, чем в первый приезд, но зато потом мы хорошо отдохнули в приветливом абрикосовом саду, где нам разрешили есть «всё, что упало». Никогда больше в жизни не ела таких спелых и восхитительно сладких абрикосов! И ещё мы сходили на Комсомольский пруд, в котором можно было окунуться.

Дорога туда (Челябинск — Ташкент) совершенно мне не запомнилась, а вот обратно — даже очень. Ну, начать с того, что у нас почти не осталось денег, так, жалкие гроши, но почему-то очень хотелось есть. Решили сложиться и поесть вскладчину в вагоне-ресторане. Пришли, скромно сели вшестером за столик. Подошла официантка и вежливо спросила, что желают заказать девочки. Девочки ответили: «Тарелку супа и шесть ложек». К счастью, хлеб входил в стоимость порции, и шесть кусочков мы получили.

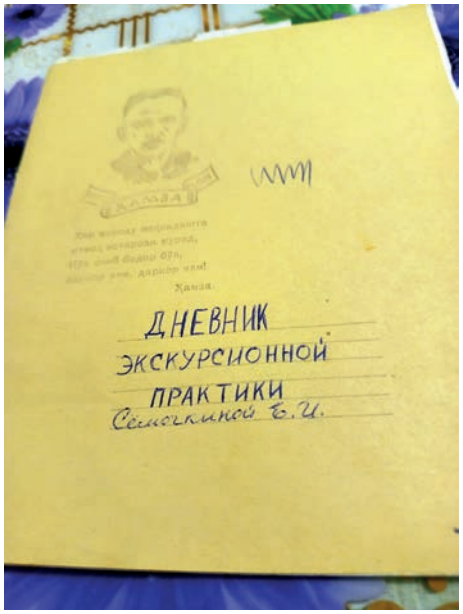
Потом мы познакомились с двумя симпатичными парнями-студентами с большим багажом овощей-фруктов. Увидев, что пост у нас явно вынужденный по причине тотального безденежья, они поделились с нами своими запасами. Когда мы с удовольствием уплетали огромную благоухающую дыню-торпеду, мимо проходил Юрий Сергеевич и с упрёком сказал: «Что ж вы, девчонки, с чужими парнями тут сидите, а своих бросили на произвол судьбы?» Его угостили куском дыни, а Аня сформулировала ответ предельно четко: «Так свои только и смотрят, как бы нас объесть, а чужие — угощают!»

Л. Пономарёва и О. Тимофеева, музейная практика, Самарканд, 1979 г.

Ещё эти два парня знали много бардовских песен. Именно тогда я впервые услышала имя Александра Галича. Это была немудрящая вроде бы бытовая песенка про «советскую семью образцовую», где мужу пришлось оправдываться на собрании, что никакой «аморалки» не было и в помине, а он просто гулял «с племянницей тёти Пашиной...» Всё остальное про Галича я узнала позже. Ну и понятно, что много было песен и рассказов про всё на свете.

Б. И. Ровный

Наша музейная практика была очень уникальной, потому что сейчас, я вам скажу, это уже невозможно. Потому что мы ездили в Среднюю Азию. Мы ездили в Самарканд — нас это все поразило.



Дневник экскурсионной практики Сёмочкиной Е.

Практику организовывал Юрий Сергеевич Кирьяков. Это тоже очень мощный прорыв. Ну, надо иметь в виду, что мы очень молодые люди, никогда не были в Средней Азии, и время, проведенное там, надо сказать, нам перемешало головы. Мы увидели Ташкент, громадный город, который, конечно же, больше и лучше Челябинска, мы всегда думали, что граница цивилизации — это Челябинск, Свердловск... Нет! Ташкент — многонациональный город. Когда нам рассказывали, что у этого милиционера четыре жены, мы никак не могли понять почему. Да вы что! Это совсем другая страна. Мы этого не могли понять. Мы были в Бухаре и посетили медресе, которое готовило служителей Корана в Советском Союзе. И мы вступили с ними в дискуссию и были посрамлены, поскольку уровень подготовки этих, тогда уже не очень молодых людей, и разница в возрасте, и разница в подготовке сказывались. И мы ничего не могли сказать, потому что мы не задумывались над такими вещами, над которыми задумывались они... И нам открылась богатая культура Востока. «Восток — дело тонкое», — повторяли мы. Восток может быть и умнее нас, мы просто не знали этого, он сложнее нас, так это точно. И им нужно отдельно как-то заниматься. Вот это ощущение было. Мы приехали с первым ощущением, что велика страна Советский Союз, много в ней разных культур, а уехали с ощущением, что Советского Союза здесь вообще нет, он тут ни при чем, это отдельный мир, отдельная жизнь, которая формально принадлежит Советскому Союзу, но только формально, не более того.

Мы обратили внимание на ритуалы. Я далек от понимания вот этой среднеазиатской культуры, церковной и так далее. Я до сих

Письмо домой с практики Сёмочкиной Е.

Фото с местными студентами на музейной практике, Самарканд, 1979 г.

Захарова Л., Самарканд, 1979 г.

Наши парни в чайхане, Самарканд, 1979 г.

пор считаю, что все эти мечети, минареты... слишком много золота, слишком много мишуры... Но циклопичность этих сооружений, особенно в Самарканде, нас поражала. Нас поразила также ежедневная служба. Мы вздрагивали, когда муэдзин вопил на минарете, но это было частью жизни и Самарканда, и Пенджикента. Мы уже дописывали свои дневники в поезде, делясь впечатлениями, где были, что видели. Мы вернулись с ощущением, что это совершенно другая страна, другие люди. Нас провожали несколько человек, с которыми мы успели подружиться там, в Средней Азии, один из них был кореец, я его запомнил хорошо. Почему-то корейцы живут там, мы не могли понять почему. Он нормально говорил по-русски. Мы приходили к нему, ели замечательный плов, арбузы, все эти фрукты, и мы так с ним сдружились, что он пришел нас провожать... Он был просто чайханщик, не более того, и он пришел проводить нас и бежал за поездом и бросал нам в открытое окно арбузы. Я помню, многие парни и девчонки стояли, слезы наворачивались, т.е. это было такое искреннее отношение к нам. Вот это вот отношение на Востоке: либо ты никто, либо, если тебя полюбили, изволь терпеть — тебя будут любить. Это очень сильно импонировало...

Л. М. Яблонская

После второго курса нас ждала не менее интересная практика — музейная. Её руководителями были Юрий Сергеевич Кирьяков и Надежда Игоревна Бармина.

Практика проходила в Средней Азии, и, как всегда, за что ни брался Юрий Сергеевич, всё проходило замечательно. Мы жили в Самарканде в помещениях, напоминающих веранду. Была разработана интересная программа с посещением культурно-исторических памятников, о существовании которых мы раньше и не знали. Прежде всего это был Регистан — площадь, с трёх сторон окружённая величественными медресе. По вечерам на ней проходило светомузыкальное представление на узбекском, русском и арабском языках, посвящённое истории Самарканда. И самое сильное впечатление на меня произвело исполнение на арабском языке.

Не менее впечатляющими были другие исторические памятники: комплекс мавзолеев Шахи-Зинда XIV–XV веков и мечеть Биби-Ханым, построенная в XV веке для жены Тамерлана. Сам город был интересен своей необычной для нас культурой. Отдельная поездка была в Бухару — древнейший город Узбекистана, насчитывающий порядка 2500 лет. Дорога по пустыне была долгой и сложной, но город потряс своей мощной крепостью, медресе и минаретами.

Л. В. Жданова (Геращенко)

...Музейную практику мы проходили в Узбекистане, знакомились с древним Самаркандом, Афрасиабом, Бухарой, Навои, Ташкентом. Разве можно это не оценить? Какие незабываемые дни! Какие яркие впечатления остались у нас на всю жизнь! Голос с площади Регистан, тюрьма бухарского эмира, звездное небо и Улугбек... Библиотеки и архивы — наше богатство. Видеть наше культурное и научное богатство, самому прикоснуться к нему дорогого стоит.

Одна шляпа на всех. В шляпе: слева — М. Николаева, справа — Е. Сёмочкина, снизу — А. Шишмаренкова

ЧелГУ 50

05

Не только учёбой едины

Собрание. Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ (© Назыров П. Ф.)

Чем мы были заняты в университете помимо учёбы?

Языком отчётов это звучало так: общественно-политическая деятельность, культурно-массовая работа и спортивная активность.

Вот об этом по порядку.

Комсомольская жизнь

Л. М. Яблонская

С. М. Матушкин, спустя месяц после начала учёбы, отметил, что университет «организует работу на основе принципа единства учебного процесса и научно-исследовательской работы», что позволит готовить специалистов широкого профиля, владеющих научными методами исследований, способных решать крупные научные задачи. Он отмечал, что «студенты входят в нужный режим, систематически занимаются в библиотеках и лабораториях».

И действительно, мы активно, с удовольствием и большим интересом осваивали новые для нас методы и приёмы учебной деятельности. Увлекательно и ново было всё: структура университета, необычная для нас организация учебного процесса, новые интересные дисциплины, формы университетских занятий (лекции, семинары, коллоквиумы, зачёты и экзамены...). И главными действующими лицами были, конечно, наши преподаватели, увлечённые своими дисциплинами: интересные, творческие, профессиональные, создававшие доброжелательную, построенную на уважении атмосферу.

С первых дней учёбы мы познакомились с кураторами групп, которые помогали нам адаптироваться к университетской жизни. Куратором группы И-101 была назначена ассистент Галина Павловна Суслова. Мы с ней познакомились ещё во время работы приёмной комиссии, а в последующем она жила с нами (не только со своей группой) одной жизнью.

Куратором моей группы И-102 стал, несмотря на свою загруженность, кандидат исторических наук Геннадий Борисович Зданович. С нами он был не только во время важных мероприятий и событий (например, на майских и ноябрьских демонстрациях), но и на групповых вечерах. А во время майских праздников 1977 г. организовал однодневный поход на природу, который сохранился в памяти до сегодняшнего дня. По сути дела, поход стал подготовкой к археологической экспедиции. Геннадий Борисович был увлечённым рассказчиком и отличным организатором коллективных

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзный Ленинский
Коммунистический Союз Молодежи

МАНДАТ № 345

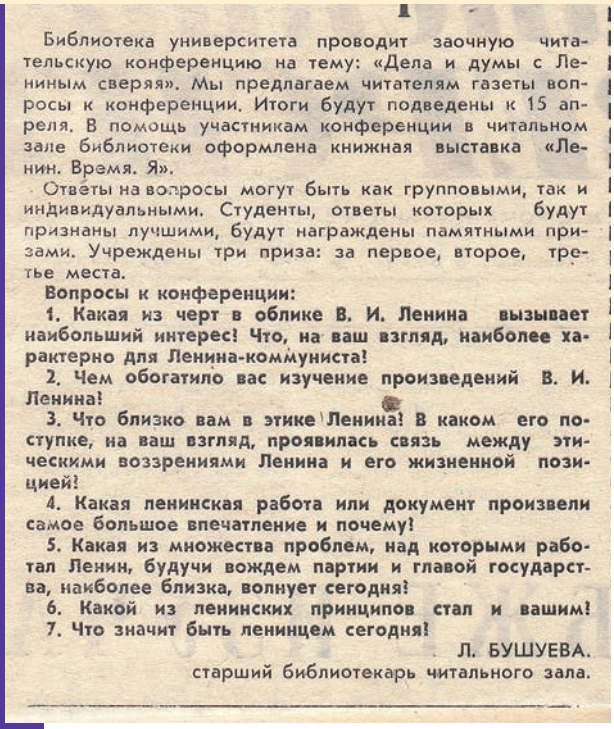
Тов. Николаева Л.Н.

является делегатом XXX отчетно-выборной комсомольской конференции Центрального района г. Челябинска от комсомольской организации Госуниверситета

С ПРАВОМ РЕШАЮЩЕГО ГОЛОСА.

МАНДАТНАЯ КОМИССИЯ

Мандат участника комсомольской конференции



Библиотека университета проводит заочную читательскую конференцию на тему: «Дела и думы с Лениным сверяя». Мы предлагаем читателям газеты вопросы к конференции. Итоги будут подведены к 15 апреля. В помощь участникам конференции в читальном зале библиотеки оформлена книжная выставка «Ленин. Время. Я».

Ответы на вопросы могут быть как групповыми, так и индивидуальными. Студенты, ответы которых будут признаны лучшими, будут награждены памятными призами. Учреждены три приза: за первое, второе, третье места.

Вопросы к конференции:

1. Какая из черт в облике В. И. Ленина вызывает наибольший интерес! Что, на ваш взгляд, наиболее характерно для Ленина-коммуниста!

2. Чем обогатило вас изучение произведений В. И. Ленина!

3. Что близко вам в этике Ленина! В каком его поступке, на ваш взгляд, проявилась связь между этическими воззрениями Ленина и его жизненной позицией!

4. Какая ленинская работа или документ произвели самое большое впечатление и почему!

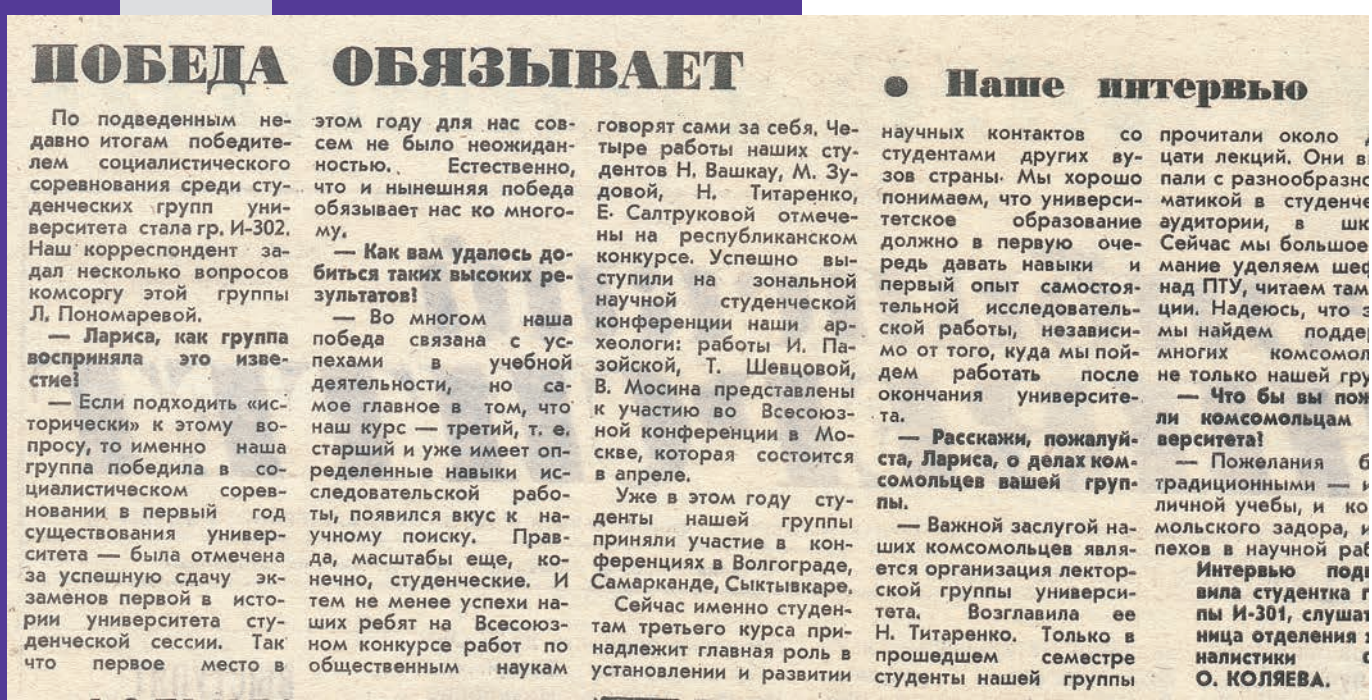
5. Какая из множества проблем, над которыми работал Ленин, будучи вождем партии и главой государства, наиболее близка, волнует сегодня!

6. Какой из ленинских принципов стал и вашим!

7. Что значит быть ленинцем сегодня!

Л. БУШУЕВА.
старший библиотекарь читального зала.

Читательская конференция, март, 1980 г.



ПОБЕДА ОБЯЗЫВАЕТ

● Наше интервью

По подведенным недавно итогам победителем социалистического соревнования среди студенческих групп университета стала гр. И-302. Наш корреспондент задал несколько вопросов комсоргу этой группы Л. Пономаревой.

— Лариса, как группа восприняла это известие!

— Если подходить «исторически» к этому вопросу, то именно наша группа победила в социалистическом соревновании в первый год существования университета — была отмечена за успешную сдачу экзаменов первой в истории университета студенческой сессии. Так что первое место в этом году для нас совсем не было неожиданностью. Естественно, что и нынешняя победа обязывает нас ко многому.

— Как вам удалось добиться таких высоких результатов!

— Во многом наша победа связана с успехами в учебной деятельности, но самое главное в том, что наш курс — третий, т. е. старший и уже имеет определенные навыки исследовательской работы, появился вкус к научному поиску. Правда, масштабы еще, конечно, студенческие. И тем не менее успехи наших ребят на Всесоюзном конкурсе работ по общественным наукам говорят сами за себя. Четыре работы наших студентов Н. Вашкау, М. Зудовой, Н. Титаренко, Е. Салтруковой отмечены на республиканском конкурсе. Успешно выступили на зональной научной студенческой конференции наши археологи: работы И. Пазойской, Т. Шевцовой, В. Мосина представлены к участию во Всесоюзной конференции в Москве, которая состоится в апреле.

Уже в этом году студенты нашей группы приняли участие в конференциях в Волгограде, Самарканде, Сыктывкаре.

Сейчас именно студентам третьего курса принадлежит главная роль в установлении и развитии научных контактов со студентами других вузов страны. Мы хорошо понимаем, что университетское образование должно в первую очередь давать навыки и первый опыт самостоятельной исследовательской работы, независимо от того, куда мы пойдем работать после окончания университета.

— Расскажи, пожалуйста, Лариса, о делах комсомольцев вашей группы.

— Важной заслугой наших комсомольцев является организация лекторской группы университета. Возглавила ее Н. Титаренко. Только в прошедшем семестре студенты нашей группы прочитали около ... цати лекций. Они в... пали с разнообразно... матикой в студенче... аудитории, в шк... Сейчас мы большое ... мание уделяем шеф... над ПТУ, читаем там... ции. Надеюсь, что ... мы найдем подде... многих комсомол... не только нашей гру...

— Что бы вы пож... ли комсомольцам ... верситета!

— Пожелания б... традиционными — ... личной учебы, и ко... мольского задора, ... пехов в научной раб...

Интервью под... вила студентка г... пы И-301, слушат... ница отделения ... налистики ... О. КОЛЯЕВА.

Интервью с Пономарёвой Ларисой, «Челябинский университет», 17 апреля 1979 г.

Очередное общественное собрание

мероприятий. Археология была его жизнью, и этой любовью к археологии он заразил нас. Мы с нетерпением ждали археологической практики.

В сентябре 1976 г. был сформирован студенческий актив групп. Этот вопрос курировала партийная организация университета во главе с её руководителем Георгием Васильевичем Форстманом. На факультете этой работой занимался член партийного бюро университета Юрий Сергеевич Кирьяков. Вначале были назначены старосты групп. Старостой группы И-101 стал Володя Сидоренко — серьёзный, ответственный, отслуживший в армии, имевший трудовой стаж. В группе И-102 старостой была назначена Наташа Карпова, также имевшая трудовой стаж и диплом среднего учебного заведения с отличием, и тоже ответственная, дисциплинированная. На групповых собраниях были избраны комсорги, профорги, члены комсомольских и профсоюзных бюро, культорги, спорторги и т. д. Комсоргами у нас стали: в гр. И-101 — Дима Потёмкин, в гр. И-102 — Лариса Пономарёва, а Марина Николаева — комсоргом курса. Профоргами групп стали: в И-101 — Вера Аксенова, в И-102 — Надежда Калганова. Меня избрали членом профсоюзного бюро факультета.

Первые заседания факультетских органов студенческого самоуправления проводили и. о. секретаря комитета комсомола Виктор Столбиков, и. о. председателя профкома университета

Демонстрация на 7 ноября 19.....г.

Борис Сюртуков, наш товарищ, студент группы И-101. На первом заседании комсомольского бюро факультета секретарём была избрана филолог Ирина Беренда. Первое заседание профбюро вёл Борис Сюртуков. Он спросил присутствующих о наличии у нас трудового стажа. Я подняла руку, Борис указал на меня и сказал: «Ты и будешь председателем профбюро». Так началась моя общественная работа в качестве руководителя профсоюзной организации факультета. Конечно, вначале было трудно, я ничего не знала, но поддержка и помощь декана Л. А. Шкатовой и Ю. С. Кирьякова помогли быстро освоиться. Вообще на факультете все вопросы, связанные со студентами, решались руководством в присутствии актива. Не помню, чтобы были жёсткие споры, а тем более ссоры. Мы спокойно и сообща искали ответы на встающие перед нами вопросы и проблемы. Людмила Александровна и Юрий Сергеевич были мудрыми старшими товарищами, уважали нас, прислушивались к нашему мнению, корректно подсказывали возможные варианты наших решений и действий.

Хрисанфова С., Бавыкина И., Масленникова О. на демонстрации, 1977 г.

Замечательные преподаватели и люди, они не только обучали нас, но и воспитывали, воспитывали своим примером, приобщая к университетской культуре. У Людмилы Александровны был талант руководителя и воспитателя. Ей удалось создать необыкновенно доброжелательную обстановку. Как она сама вспоминала, в основу работы со студентами были положены отношения сотрудничества и партнёрства. Преподаватели обращались к нам, как к коллегам. Процесс обучения и воспитания осуществлялся четко, понятно, естественно, умело и тонко.

Практика управленческой деятельности, приобретённая мною на факультете, а позже на уровне университета в должности члена профкома и председателя штаба социалистического соревнования, а затем секретаря комитета ВЛКСМ ЧелГУ, стали важным опытом, востребованным в последующей научной и педагогической деятельности.

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Поскольку это было советское время, мы все были комсомольцами. Регулярно проводились комсомольские собрания, принимались «социалистические обязательства», устраивались «социалистические соревнования», посвященные то юбилею Октябрьской революции, то дню рождения В. И. Ленина. На октябрьские и майские праздники ходили на демонстрации с транспарантами, флагами, цветами, песнями. Атмосферу нашей комсомольской жизни хорошо демонстрирует организованная весной 1980 г. библиотекой университета читательская конференция на тему: «Дела и думы с Лениным сверяя». Кому-то, возможно, это было интересно,

кто-то из студентов отвечал на вопросы конференции («Что значит быть ленинцем сегодня?» и др.) и получал «памятные призы»[30].

Неотъемлемым атрибутом брежневской эпохи были политинформации. Они должны были проводиться регулярно на предприятиях, в учреждениях, в школах и вузах. У нас в университете политинформации проходили каждую неделю по вторникам. Часто они носили формальный характер как со стороны выступающих, так и со стороны слушателей. Практиковались перекрестные политинформации «физиков» и «лириков». О некоторых из политинформаций рассказала университетская многотиражка. 12 апреля 1977 г. в группе Ф-103 (это физики) студенты-историки К. Сёмочкина и О. Коляева прочитали политинформацию «об идеологических диверсиях западных разведслужб». В это же время студенты группы Ф-103 Н. Горькавый и В. Черненко рассказывали историкам «о жизни и деятельности выдающегося советского ученого И. В. Курчатова». Свои размышления об этой политинформации изложил в газете «Челябинский университет» Николай Горькавый: «Перед аудиторией вместо лектора стоял магнитофон. Мы, члены курчатовского кружка, записали на пленку что-то вроде рассказа-размышления о Курчатове. Реакция слушателей (историков и филологов) на двенадцатиминутную запись огорчила нас: очень немногим понравилось, некоторые говорили о том, что наша лекция состоит из общих фраз. Большинство подавляло равнодушием и своим количеством». Это большинство усердно готовилось к занятиям, усердно что-то учило и переводило. И далее резюме: «отсутствие энтузиазма на политинформации — обычнейшая вещь»[31].

С политинформациями мы выступали также на предприятиях и в учреждениях. Это было в рамках существовавшего на истфиле «Кружка текущей политики» или по нарядам общества «Знание», кажется, существовала ещё школа молодого лектора. Я вспоминаю, что как-то проводила политинформацию для сотрудников гастронома. Они закрыли магазин на обеденный перерыв и сидели слушали мой доклад о международном положении. Думаю, что в душе были недовольны. Но вслух поблагодарили. Демонстрации проводились на 7 ноября — День Великой Октябрьской социалистической революции и на 1 мая — День международной солидарности трудящихся. Конечно, в обязательном порядке все студенты должны были шествовать в колонне Челябинского государственного университета. Поскольку на демонстрацию выходили все школы, вузы, предприятия и учреждения города, то шествие продолжалось не один час. Пройти надо было по площади Революции мимо памятника Ленину, с трибуны всех приветствовало руководство города и области.

Мы несли транспаранты, флаги, воздушные шары, цветы. Пели песни, кричали «ура». Помню такой случай. В доме рядом с площадью во время демонстрации на одном из балконов стоял и махал рукой седой очень пожилой дед с бородой, в кителе с орденами. Почему-то он всем запомнился, и мы кричали: «Да здравствует Дед!», каждый последующий год с нетерпением смотрели на этот балкон и волновались: жив ли, выйдет ли, будет ли нам махать рукой?

[30] «Челябинский университет», 13 марта 1980 г.
[31] «Челябинский университет», 17 мая 1977 г.

А вот странички из дневника Кати Сёмочкиной о нашем участии в демонстрации.

1.05.1978 г.

О демонстрациях у меня почему-то записей не осталось, кроме одной — о Первомайской 1978 года.

«Пошла в универ пешком — там была в 9.20. Пошла с Шевцовой и Пазойской, подцепив Ждана. Орали революционные песни и лозунги, вплоть до: «Советский хоккей хоккее всех хоккеев», «Слава советским медиевистам». А также лозунги, начинавшиеся с «Да здравствует...»: «...поселение Берсуат», «...Урал — опорный край державы», «...Миасс — судоходная река», «...Челябинск — портовый город». Ещё парочка лозунгов начиналась со слова «Даёшь»: «Даёшь Олимпиаду 80!» и «Даёшь трёхразовое питание в неделю!». Пели: «А ну-ка, девушки!», «Всё выше, выше и выше!», «Под крылом самолёта», «По долинам и по взгорьям», «Надену я серую шляпу» и «Три весёлых гуся», где третий гусь был полосатым».

«В течение мая – августа 1976 года был решен вопрос об открытии в университете с 1 сентября многотиражной газеты объемом две полосы, тиражом 500 экземпляров, периодичностью — один раз в неделю»[32].

Университетская газета — ценнейший исторический источник, понимаем мы сейчас. Чудом сохранившиеся у Кати Сёмочкиной номера газеты «Челябинский университет» оказали нам неоценимую помощь в подготовке этой книги. Статьи и заметки помогли систематизировать наши воспоминания, привязать их к конкретным датам, воссоздать в нашей памяти интересные эпизоды из студенческой жизни.

[32] Форстман Г. В. Открытие первого университета в Челябинске // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1 (11). С. 15.

Истфак на демонстрации во главе с деканом Цыбульским

Редакция факультетской стенгазеты за работой

Е. И. Сёмочкина

Про многотиражку «Челябинский университет»

На первом курсе осенью нам было нужно выбрать специальность на факультете общественных профессий (ФОП). Обучение предполагалось три года. Поскольку в школе я участвовала в выпусках стенгазеты, продолжила этим заниматься и в университете, то и выбор мой (а также Оли Коляевой и Люды Захаровой) был вполне логичен – факультет журналистики на базе нашей многотиражки «Челябинский университет». Главным редактором её был Николай Борисович Цыбульский, который определял вместе с руководством университета основное содержание газеты, которое от нас никоим образом не зависело. На наши учебные заседания он заходил крайне редко, например, перед каким-нибудь праздником.

А мы были таким условным «приложением» к многотиражке. Со всех других факультетов тоже были студенты, далеко не всех

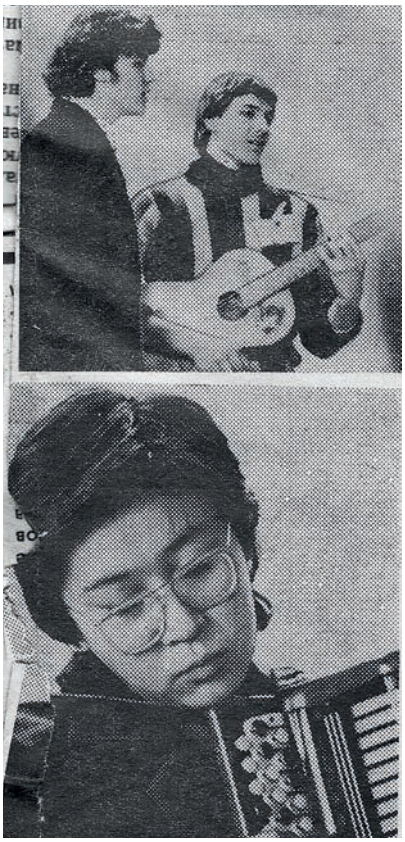
запомнила. Из филологов помню Любу Малышкину, Иру Богданову (они были и в нашей редакции стенгазеты), от химиков — Лену Данилину и Володю Егорочкина, от физиков — Колю Горькавого и Андрея Сычикова, от математиков — Сашу Рожкова (он ещё и в хоре пел). Потом состав редакции естественно пополнялся, а на четвёртом-пятом курсах мы уже туда не ходили. На занятиях ФОПа мы учились основным правилам написания различных газетных материалов: статей, заметок, интервью, репортажей. Сами писали по мере необходимости, обсуждая и советуясь с товарищами, как и что писать. Предлагали «в запас» какие-либо свои материалы, составляли планы на будущее. Руководила нашей командой Светлана Леонидовна Ерисова, за что ей большой поклон от меня, думаю, и от всех других моих товарищей по многотиражке. Она действительно многому нас научила, что после пригодилось в профессии историка: и самим писать в газеты, и работать с прессой как источником. Светлана Леонидовна до «Челябинского университета» работала в многотиражке какого-то предприятия в Ленинском районе. После нашего выпуска она уехала в Москву.

Про факультетскую стенгазету

Необходимость в факультетской стенгазете появилась где-то ближе к концу сентября 1976 года. К этому времени мы более-менее освоились, немного познакомились друг с другом, определились с ближайшими соседями в аудиториях. Из нашей И-101 изъявили желание заниматься этим делом я, Оля Коляева и Люда Захарова. Из И-102 — Ира Пазойская (потом иногда приходила помогать в оформлении Таня Шевцова). Поскольку факультет был общий — истфил, то были еще три девочки с филологии. Но даже после разделения факультетов и появления факультета экономики в нашей редакции остались филологи и появились экономисты, то есть стенгазета была общей на весь наш корпус. У нашей газеты не было названия. Вывешивали её обычно на втором этаже. Самым замечательным мне казался сам процесс создания очередного номера. Как правило, было шумно и весело, особенно перед праздничными днями, когда приходили добровольные помощники-оформители из разных групп и с разных специальностей. Материалы были обычными: учебный процесс, результаты сессии, воспоминания о каникулах (кто, где был и что видел), памятные даты, подготовка и отчёты о каких-либо мероприятиях. У нас не было одного главного редактора, а кто-нибудь был ответственным за номер.

Один казус мне всё-таки крепко запомнился, т. к. именно я отвечала за номер к 23 февраля 1979 года. Казалось, всё было чин по чину: красивая заставка с поздравлением, что-то из истории Советской Армии, материалы о праздничных мероприятиях и в конце страничка юмора. Не помню, кому пришла идея обратиться к студентам, отслужившим в армии, чтобы они поделились смешными эпизодами из своей службы. А ещё они припомнили несколько армейских частушек. На второй день после выпуска газета со стены пропала, а на перемене меня отловил В. Савченков (комсорг историков) и сделал мне выволочку за «плевок в Советскую Армию». Дня через три он потащил меня ещё и на заседание общеуниверситетского

Вокально-инструментальный ансамбль «Эврика»



Потёмкин Д., Синицын А., Аубакирова Г. Смотр наших талантов, октябрь 1976 г. (архив газеты «Челябинский университет»)

ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ

ВОКАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ "ЭВРИКА" ЧГУ – дипломант областного и городского смотров художественной самодеятельности вузов.

Ветерану ансамбля ПОТЕМКИНУ ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧУ с пожеланием дальнейших творческих успехов.

Почетная грамота за участие ВИА «Эврика» ЧГУ в областном и городском смотров художественной самодеятельности вузов

Занятие театрально-режиссерского отделения ФОПа (архив газеты «Челябинский университет», 29 марта 1977 г.)

комитета комсомола в первом корпусе. Там за моё «недопустимое верхоглядство» мне сделали строгое внушение. Пришлось со всеми порицаниями согласиться. Всё дело было в одной частушке, которой поделился наш староста Володя Сидоренко:

Старшина нам мать родная,
А комбат – отец родной.
Ни к чему родня такая,
Лучше буду сиротой».

Когда я поздно вечером вернулась домой и, размазывая слёзы и сопли, поведала родителям, где так задержалась, они не стали прессовать меня дальше (дальше было некуда). Отец, служивший в армии в 1948–1953 годах, хмыкнул только и сказал что-то вроде: «Делать этим вашим больше нечего. Палят из пушек по воробьям». Тем дело и кончилось.

Про ФОП

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Университетская газета помогла восстановить некоторые факты из истории ФОПа – факультета общественных профессий. Открытию ФОПа предшествовал общеуниверситетский «Смотр наших талантов», состоявшийся в конце октября 1976 г. В составе жюри – А. И. Лазарев (профессор, зав. кафедрой русского языка и литературы), представитель Центрального райкома КПСС, руководители отделений ФОПа, председатель профкома Б. Сюртуков и др. Из наших историков на смотре выступали Марина Лясковская, Дмитрий Потёмкин и др. Учитывая, что смотр первокурсников – это первая попытка выявить способных певцов, танцоров, чтецов, что времени на подготовку было мало, жюри решило не присуждать призовые места факультетам.

ФОП начал функционировать в ноябре 1976 г., деканом стала Ирина Давыдовна Храпова. Были открыты следующие отделения:

– театральной режиссуры – руководитель С. С. Соковиков;
– хореографический – руководитель Ш. Г. Хайсаров;
– школа молодого лектора – руководитель Л. А. Шкатова;
– университетский хор – руководитель В. А. Шереметьев;
– спортивно-тренерское отделение – руководитель А. Г. Болдырев;
– вокально-инструментальный ансамбль и вокально-эстрадная группа – руководитель Т. П. Гейн.

Занятия на ФОП – это часть учебной программы. По положению, утвержденному ректором, студенты 2-х и 3-х курсов обязаны освоить вторую профессию на любом отделении ФОП. В зачетную книжку каждого студента должен быть помещен вкладыш, где будут отражены его успехи, в третьем семестре студент получал зачет по ФОП. Отсутствие зачета являлось академической задолженностью.

Первое время условий для полноценных занятий не было, о чем откровенно писала университетская газета: «Нам негде заниматься, у нас мало пособий, скромная библиотека, нет музыкальных инструментов, не оборудован зал для занятий танцевальным искусством, нет хорошего в академическом смысле актового зала и т. д. Это объективно, это факт. Не менее объективно и другое: мы молоды,

легки на подъем, полны горячего желания заниматься, впитывать всё лучшее, неизвестное, мы полны энтузиазма, в нас много задора, огня, мы не боимся трудностей, и, наконец, у нас прекрасные и квалифицированные педагоги»[33].

В 1977 г. на ФОПе уже 12 отделений. Добавились: отделения журналистики, фотокорреспондентов, художественно-оформительское, оркестра народных инструментов, художественно-агитационное (агитбригада)[34].

В апреле 1978 г. слушатели ФОПа впервые участвовали в смотре художественной самодеятельности города. Университет на смотре представляли хор, вокально-инструментальный ансамбль, чтецы и танцоры. Все выступления были признаны отличными.

В 1981 г. на ФОПе стало уже 23 отделения.

Поскольку я в школьные годы занималась в театральной студии, то и на ФОПе выбрала отделение театральной режиссуры. Нашим руководителем был Сергей Степанович Соковиков. Сам он — выпускник факультета культурно-просветительской работы ЧГИК 1974 года, то есть был не намного нас старше. Он заразил нас энергией и стремлением экспериментировать, начав занятие с рассказа о зарубежных молодежных театрах. Для постановки была выбрана пьеса М. Розовского «Целый вечер как проклятые». Это была необычная вещь, написанная в период хрущёвской оттепели; считалось, что это был первый в истории отечественного театра спектакль в стиле абсурда.

Сегодня Сергей Степанович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры, лауреат премии им. П. В. Сапронова в номинации «Теория и история культуры», — продолжает обучать студентов.

На вокально-инструментальном отделении ФОПа сразу образовался ВИА «Эврика». Стержнем его стали наши парни-историки: Дима Потёмкин (бас-гитара) и Алексей Синицын (соло-гитара). Вообще, невозможно представить культурное пространство молодежи брежневской эпохи без вокально-инструментальных ансамблей. Это был масштабный социальный и культурный феномен, существовавший на стыке официальной культуры и андеграунда. ВИА были в каждой школе, в каждом вузе страны. В наше время на всю страну был известен челябинский ВИА «Ариэль». Когда он приехал выступать в Челябинский политехнический институт, я и мои друзья пошли на этот концерт. Зал был полон, в проходах плотной стеной стояли зрители, а желающие послушать концерт, но не поместившиеся в зале сломали огромные дубовые входные двери. Вот так мы относились к музыке... Это было время, когда игра на гитаре была верхом мечтаний каждого мальчишки. Родной университетский ВИА был центром притяжения, предметом гордости факультета.

Конечно, болели за наших парней на конкурсах, ходили на все их концерты, с любовью и обожанием слушали в их исполнении песни под гитару на всех наших посиделках. Кстати, умение играть на гитаре очень ценилось, играли многие на курсе, например Вадим Мосин, а еще и девушки: Лиля Жданова, Люда Яблонская, Катя Сёмочкина и др.

[33] «Челябинский университет», 21 декабря 1976 г.
[34] «Челябинский университет», 4 октября 1977 г.

Возвращаясь к нашему ВИА «Эврика», немного хочу сказать о репертуаре... Как и у всех других ансамблей репертуар состоял из трех частей. «Обязательная программа»: песни о стройках, космосе, дружбе народов — идеологически безупречные, но часто переаранжированные в модных ритмах твиста или рок-н-ролла; эстрадный мейнстрим: исполнение песен советской эстрады,

Хор ЧГУ

каверы из репертуара известных ВИА; «полулегальный» пласт: запрещённые западные хиты («The Beatles», «Deep Purple») или песни советских бардов (Галича, Высоцкого).

Поскольку в школе Дима Потёмкин в качестве иностранного языка изучал французский, то в его репертуаре были песни популярного тогда французского певца и композитора Джо Дассена. Особенно запомнилась мне песня «Salut» («Привет»), которую Дима исполнял вместе с Леной Зубковой.

В репертуаре нашего ВИА были песни Владимира Высоцкого и Булата Окуджавы, Юрия Визбора («Милая моя, солнышко лесное...»). С удовольствием слушали мы Диму с Лёшей и на наших студенческих вечеринках. На них хитами были шуточные песни Владимира Высоцкого «Марафон» и «Диалог у телевизора».

А. В. Синицын

Познакомились с Димой Потёмкиным в общежитии. Нас поселили в одну комнату после поступления. Жили шикарно. На шесть парней-историков выделили четыре комнаты в общаге (Вася Карась, Андрюша Беляев, Шура Сёменов, Кузя (В. Кузьмин) и мы). Мы с Димой были музыканты. Оба имели начальное музыкальное

образование, играли в школьных ВИА, поэтому быстро нашли общий интерес. У нас была гитара (не знаю откуда), спелись. Стали давать небольшие концерты, где за еду, где просто так. У Димки одноклассница поступила на математику, жила в общаге. Там иногда и подъедались. Там же я познакомился со своей будущей женой.

Вокально-инструментальный ансамбль «Эврика» ЧГУ

У нас с Димой Потёмкиным была одна страсть — рок-музыка. Она звучала 24 часа в сутки, даже во сне. И все, что с ней связано: длинные волосы, клеши и т. д. И когда начали создавать в университете ВИА, мы были первыми. Играли на танцах, студенческих вечерах, в подшефной школе на Северо-Западе. На втором курсе к нам пришел руководитель из института культуры (он на фото рядом с И. Люксембургом). Это был профессионал! Он слепил из нас настоящий коллектив, да так, что мы уже в конце второго курса на областном фестивале «Весна студенческая» заняли второе место среди студенческих ВИА.

Параллельно мы с Димой пели в студенческом хоре несколько лет (руководитель Владимир Шереметьев — известный в области, и не только, дирижер). На первом курсе всего в универе училось 250, по-моему, человек. Мужских голосов не хватало, вот нас и обязали. Но мы не пожалели. Сам В. Шереметьев был уникальным, интереснейшим человеком. Его было интересно слушать, он многое нам дал, ну и заодно голоса нам поставил (на фото он есть, и мы тоже). Меня тогда перед выступлением хора в ДК ЖД заставили подстричь мои длинные рокерские волосы. Димка обозвал меня «предателем».

Б. И. Ровный

Действовал ФОП, и посещение его было обязательным. Но, честно говоря, ничего не могу по этому поводу вспомнить, потому что на первом курсе нас всех погнали то ли в хор, то ли еще в какую-то чертовщину... Вот и меня туда же выгнали. А потом мы смогли отстоять свою экстерриториальность тем, что участвовали в КВН, потом у нас был такой летучий, творческий театральный коллектив. Была распространена пантомима, мы проходили по ФОПу, но как бы не были связаны с самой организацией. Мы, например, строили удачные пирамиды, взбираясь друг другу на голову, отображая рост социалистического соревнования. Мы забирались, а Красуский говорил: «А теперь мы взбираемся друг другу на голову, отображая рост социалистического соревнования». То есть вот так минули мы этот ФОП, мы числились там, но реально ничего не посещали.

Но это не означает, что ФОП был совершенно формализованной структурой. Многие ребята участвовали в хоровой капелле. Там был совершенно замечательный лидер этого движения — Илья Люксембург, студент-филолог, он был старше нас, Илья Александрович, по-моему. Настоящий певец, с профессиональным голосом. Это выглядело совершенно уникально. Стоял приличный хор, как всегда — белый верх, черный низ, стоял Илья впереди этого хора, хор пел, и Илья своим голосом перекрывал этот хор, просто перекрывал, без всякого надрыва перекрывал. Это было чудесно! Через этот хор и через Илью мы полюбили петь «Гаудеамус». Да, «Гаудеамус», потому что заставка была очень солидная, хор очень солидно тянул. И ребята даже ездили в другие города и ездили по стране, и это было частью движения факультета общественных профессий. Это было ярким таким зрелищем — наш академический хор, многие знали этот хор. К хору относились с почтением, а Илья был просто кумиром, его, в общем, все любили...

О спорте

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Были у нас, конечно, и физкультура, и множество спортивных мероприятий. Так, весной 1977 г. прошла университетская спартакиада, одним из этапов её был легкоатлетический кросс: юноши бежали на дистанцию 1000 метров, девушки — 500 метров. По массовости участников мы, историки, заняли 4-е последнее место. Среди учебных групп и в личном зачете историки тоже призовыми местами не отметились[35].

Е. И. Сёмочкина

О наших спортивных достижениях говорят несколько грамот и немногочисленные фотографии. Выдающихся спортсменов, которые выступали бы на городских или областных соревнованиях от университета, у нас не было. Мы просто ходили на занятия по физкультуре более-менее регулярно. Любили играть в волейбол и, несмотря на невысокий рост, в баскетбол. У нас было две волейбольные команды — женская

[35] «Челябинский университет», 24 мая 1977 г.

и мужская. Девушки соревновались с филологами и математиками, а парни — с командой физмат-факультета, так как парней-филологов на команду не хватало. Основной состав команды волейболисток запечатлён на фотографии: Ира Бавыкина, Вера Аксёнова, Таня Бычкова, Света Хрисанфова, Лариса Пономарёва, Маша Миллер. Вера занималась в волейбольной секции, которая была организована в первом корпусе на Северо-Западе, чтобы повысить своё мастерство. Благодаря своему росту и силе ей особенно удавались подачи мяча, а также распасовка. Ира считает, что в целом команда была далеко не слабой, и с другими играла на равных, с переменным успехом. Единственно, чего недоставало — сыгранности, слаженности, возможно, из-за недостаточности тренировок.

В эстафете на призы газеты «Челябинский университет» мы почему-то участвовали только один раз, весной 1977 года, что зафиксировал фотограф-репортёр. Ещё на физкультуре зимой мы ходили на лыжах вдоль берега Миасса, но таких любителей было мало, поскольку надо было приносить свои лыжи. Ездили мы и в бассейны: «Строитель» на ЧМЗ или «Электрометаллург» на улице Российской. Правильно (каким-либо стилем) плавали единицы, в основном просто барахтались в воде, но положенные нормативы сдавали. Была в нашем корпусе и секция стрельбы из лука, в которую из нас никто не записался, там, главным образом, были девочки-экономисты. Но однажды на майские праздники в 1978 году я к ним почему-то присоединилась в поездку на Таганай на три дня. И под занавес нашей учёбы у нас в корпусе была организована секция каратэ каким-то таинственным тренером-энтузиастом, имени его не помню. Кроме меня туда ходили заниматься Ира Атланова и Лариса Пономарёва. Мы учились по-особому двигаться, наносить и отбивать удары руками и ногами, выкрикивая при этом на выдохе знаменитое «кья», и даже прыгать на большом батуте. Между делом Ира научила меня делать «колесо». Для общей закалки на каждом занятии мы пробегали босиком по снегу метров 50 (туда и обратно). Ощущения были неожиданно острые, очень взбадривающие и тонизирующие.

В общем, можно сказать, что спорт у нас был для души, для удовольствия и общения, а не для рекордов. Как сказала Вера Аксёнова: «Рада, что была в команде!»

Соревнования по лыжам

Награды наших спортсменов

Легкоатлетическая эстафета

Наши спортсмены

ЧЕЛГУ

06

Житье-бытье...

Студентки в общежитии

Повседневная жизнь вне вуза и материально-бытовые аспекты нашего студенчества также стали предметом воспоминаний.

Среди поступивших на первый курс было немало иногородних, поэтому начнем наш рассказ с воспоминаний об общаге. Сразу оговоримся, что даже в документах того времени отразилось, какие умницы и хозяюшки были наши девчонки.

Общежитие — дом родной

Н. Э. Вашкау, М. В. Зудова (Баландина)

Для миллионов молодых людей нашей страны жизнь в общежитии – обычное начало биографии. Такое начало было и у нас. Нам повезло, в 1976 году мы успешно сдали вступительные экзамены и стали первыми студентами нового вуза, Челябинского государственного университета. При поступлении нам сразу же предоставили студенческое общежитие, которое оказалось комфортным и удобным для проживания. Это было общежитие блочного типа, какие в те годы строились по всей стране. Каждый блок включал в себя две комнаты на два человека и две комнаты на три человека. Также были санузел, душ и раковина для умывания.

Общежитие находилось на улице Блюхера, поэтому нам приходилось добираться до Теплотехнического института, за которым располагался учебный корпус историко-филологического факультета, трамваем № 17.

Нам, вчерашним школьникам, очень трудно было привыкать к общежитской жизни. Днём в комнатах никого не было, с утра все на занятиях, потом подготовка к семинарам и экзаменам. Мы каждый день ходили в читальный зал публичной библиотеки, потому что своей библиотеки фактически не было, учебной литературы катастрофически не хватало. А к вечеру все собирались в общежитии, начиналась вечерняя/ночная жизнь. Кто готовился к занятиям, кто чай пил, кто на гитаре играл, кто стирку затевал. Стоял постоянный шум и гам. Заснуть в таких условиях было тяжело. Но со временем, конечно же, мы привыкли, приспособились и уже не замечали этого шума.

Несмотря на удобное и комфортное жильё, в комнатах зимой было очень холодно. Иногда приходилось спать даже в одежде. Как мы этнографию учили в первую зимнюю сессию, сидя в шубах на кроватях, вспоминаем до сих пор.

Поэтому мы были рады переезду в другое общежитие – на Северо-Западе на улице Молодогвардейцев, 57. Общежитие было совершенно новое, и мы первыми его обживали. Оно тоже было

блочного типа. Но теперь в блоке проживало пять человек. Мы жили как дома. Поэтому старались создать домашний уют, безукоризненную чистоту и, конечно же, сытую студенческую жизнь. В нашей комнате еда была всегда. Мы не испытывали в этом отношении особых трудностей, хотя продовольственные магазины были полупустыми. Всегда мешок картошки под кроватью. Варенья, соленья и другие продуты нам привозили родители, когда приезжали в гости, или мы сами с большими неподъемными сумками возвращались в общежитие из дома после праздников или каникул. Бывало, что нам перепадали такие дефицитные по тем временам продукты, как тушенка и сгущенка и даже копченая колбаса.

Нашим соседям по комнате из села привозили мясо, сметану, масло. Из деревенских сливок иногда мы взбивали сливочное масло и хранили его в холодной солёной воде, холодильников-то не было. Впоследствии у нас появилась электросковорода, и мы жарили картошку на топлёном масле прямо в комнате. Какой же божественный запах исходил из нашей комнаты и расплывался по всему этажу! Как-то мы сварили кусок мяса. А куда девать мясной бульон, не знали. Взяли и просто вылили его в раковину. Вот такие были неумехи. Сейчас, конечно, это вспоминается с улыбкой. В общежитии была большая кухня с электроплитой. Мы готовили, не ленились. Но никогда еду не оставляли без присмотра, потому что её могли «попробовать» другие студенты. Хотя такие случаи «похищения» еды были крайне редкими.

При общежитии функционировала хорошая студенческая столовая. Правда, обилия и разнообразия блюд не было, но она нас здорово выручала. А ещё за окном зимой в авоське у нас всегда хранилось домашнее сало, ну очень вкусное! А по вечерам пили чай с креплем, это такой толстый немецкий хворост домашнего приготовления.

Постельное бельё мы не стирали, а меняли его на чистое. Каждые 10 дней спускались на первый этаж к кастелянше, которая заведовала бельевым хозяйством. Для уюта из дома привезли покрывала и коврики на пол. И даже завели аквариум с золотыми рыбками.

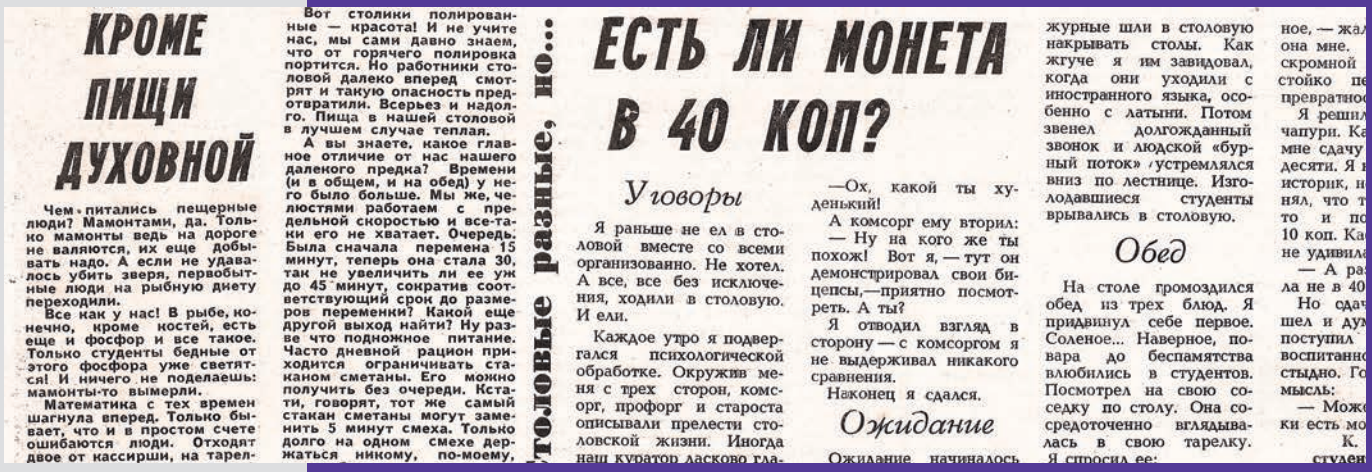
При общежитии был создан студенческий совет, который возглавляла строгая Наталья Титаренко. В обязанности студсовета входило следить за порядком в комнатах и на этажах. Наша комната всегда находилась в идеальном порядке, и студсовет не раз приводил нас в пример другим комнатам и даже поощрял настенными картинами — эстампами.

Существовала и бытовая комната на каждом этаже, и в ней стояла стиральная машина. Мы мигом её освоили и постоянно пользовались. Была и комната отдыха. Не помним, чтобы мы там отдыхали, а вот к экзаменам готовились.

Контролировать так называемый наш моральный облик и порядок в общежитии от парткома университета поручили милейшему преподавателю, кандидату экономических наук с кафедры политэкономии Людмиле Семёновне Эльфонд. Она очень тяготилась этой обязанностью и, поскольку была знакома с нами как учениками Я. А. Эльфонда, перед приходом говорила: «Девочки, вы вечером дома? Мне надо посетить общежитие... Можно сегодня у вас мы попьем вместе чай?..»

Нельзя не сказать о такой достопримечательности в нашей комнате, как книжные стеллажи. Их соорудила из горбылей

[36] Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ (© Назыров П. Ф.)



КРОМЕ ПИЩИ ДУХОВНОЙ

Чем питались пещерные люди? Мамонтами, да. Только мамонты ведь на дороге не валяются, их еще добывать надо. А если не удавалось убить зверя, первобытные люди на рыбную диету переходили.

Все как у нас! В рыбе, конечно, кроме костей, есть еще и фосфор и все такое. Только студенты бедные от этого фосфора уже светятся! И ничего не поделаешь: мамонты-то вымерли.

Математика с тех времен шагнула вперед. Только бывает, что и в простом счете ошибаются люди. Отходят двое от кассирши, на тарел-

Вот столики полированные — красота! И не учите нас, мы сами давно знаем, что от горячего полировка портится. Но работники столовой далеко вперед смотрят и такую опасность предотвратили. Всерьез и надолго. Пища в нашей столовой в лучшем случае теплая.

А вы знаете, какое главное отличие от нас нашего далекого предка? Времени (и в общем, и на обед) у него было больше. Мы же, челюстями работаем с предельной скоростью и все-таки его не хватает. Очередь. Была сначала перемена 15 минут, теперь она стала 30, так не увеличить ли ее уж до 45 минут, сократив соответствующий срок до размеров перемены? Какой еще другой выход найти? Ну разве что подножное питание. Часто дневной рацион приходится ограничивать стаканом сметаны. Его можно получить без очереди. Кстати, говорят, тот же самый стакан сметаны могут заменить 5 минут смеха. Только долго на одном смехе держаться никому, по-моему,

столовые разные, но...

ЕСТЬ ЛИ МОНЕТА В 40 КОП?

Уговоры

Я раньше не ел в столовой вместе со всеми организованно. Не хотел. А все, все без исключения, ходили в столовую. И ели.

Каждое утро я подвергался психологической обработке. Окружив меня с трех сторон, комсорг, профорг и староста описывали прелести столовской жизни. Иногда наш куратор ласково гла-

—Ох, какой ты худенький!

А комсорг ему вторил:

— Ну на кого же ты похож! Вот я, — тут он демонстрировал свои бицепсы,—приятно посмотреть. А ты?

Я отводил взгляд в сторону — с комсоргом я не выдерживал никакого сравнения.

Наконец я сдался.

Ожидание

Ожидание начиналось

журные шли в столовую накрывать столы. Как жгуче я им завидовал, когда они уходили с иностранного языка, особенно с латыни. Потом звенел долгожданный звонок и людской «бурный поток» устремлялся вниз по лестнице. Изголодавшиеся студенты врывались в столовую.

Обед

На столе громоздился обед из трех блюд. Я придвинул себе первое. Соленое... Наверное, повара до беспамятства влюбились в студентов. Посмотрел на свою соседку по столу. Она сосредоточенно вглядывалась в свою тарелку. Я спросил ее:

ное, — жал
она мне.
скромной
стойко пе
превратно
Я решил
чапури. Ка
мне сдачу
десяти. Я в
историк, н
нял, что т
то и по
10 коп. Ка
не удивил
— А ра
ла не в 40
Но сдач
шел и дум
поступил
воспитанно
стыдно. Го
мысль:
— Може
ки есть мо
К.
студен

Столовая, «Челябинский университет», 7 декабря 1976 г.

Министерство высшего и среднего специального образования

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИКАЗ [36]

За активное участие в общественной работе студ. совета общежития,

ПРИКАЗЫВАЮ:

Поощрить следующих студентов:

Титаренко Н. — 20 руб., Вашкау Н. — 10 руб., Шевцову Т. — 10 руб., Васильева В. — 15 руб., Санникова С. — 15 руб.

Ректор */М. Е. Матушкин/*

группа: я и мы

ЖИВЕМ ВЕСЕЛО!

В СТУДЕНЧЕСКОЙ жизни очень важно уметь сочетать напряженную учебу с отдыхом. Тогда и трудности будут преодолеваться легче, и любое дело будет спориться. Это могут подтвердить студенты нашей группы.

В учебе мы первые: по итогам аттестации у нас нет отстающих. И свободное время умеем проводить интересно, весело. Сдружиться ребятам помогли совместные посещения театров, концертов, фильмов, лыжная прогулка. Навсегда запомнятся нам групповые вечера, потому что проходят они весело, интересно. Не так давно у нас состоялся вечер именинников. Комнату отдыха в общежитии мы украсили плакатами с остроумными веселыми надписями. Каждый именинник должен был пройти возрастную инициацию. Самая младшая среди именинников — Надюша Смирнова. Ей исполнилось 17 лет, и потому она должна сочинить стихотворение на тему: «Я теперь совсем большая». А самый старший — наш куратор Б. Г. Зданович. Для того чтобы быть посвященным в более молодую возрастную группу, он должен был вспомнить какое-нибудь детское стихотворение. Вечер прошел весело, живо, непринужденно.

Всем понравился и вечер поэзии, прошедший 18 декабря. Гостями на нем были курсанты автомобильного училища. Мы читали любимые стихи, пели песни и, конечно, танцевали. И хозяева, и гости чувствовали себя прекрасно. Вечер сблизил нас, помог нам завести новых друзей. Эта дружба пока еще только началась, но мы уверены, что она обязательно продолжится и окрепнет.

Конечно, ни один вечер не пройдет хорошо, если не подготовить его заранее, не подумать о его проведении. С этой трудной задачей у нас всегда отлично справляются Лариса Пономарева, Надя Кононова, Марина Николаева, Ирина Пазойская.

О. ТИМОФЕЕВА,
студентка группы И-102.

Вечера в общежитии, «Челябинский университет», 4 апреля 1977 г.

от упаковки медицинского оборудования Нина Вашкау. Одна! Своими руками, пользуясь молотком и рубанком, которые взяла у изумленного столяра! Сейчас трудно себе это представить, но это было так. Стеллажи были такими красивыми, а главное функциональными, что к нам на экскурсию приходило чуть ли не всё общежитие. На полках хранились полное собрание сочинений В. И. Ленина (55 томов), купленное за 36 рублей и сослужившее за время учебы хорошую службу, научная и публицистическая литература. А вот художественной литературы было мало. За книгами для души ходили в городскую библиотеку.

Студенческая жизнь в общежитии была весьма разнообразна. Мы не только учились, но и культурно развивались. Посещали спектакли в новом драматическом театре, в популярном тогда

Праздничное мероприятие (1)

театре «Манекен». Очень часто бывали в театре оперы и балета им. М. И. Глинки и даже приобрели абонементы в филармонию, чтобы приобщаться к классической симфонической музыке. А ещё мы собирались за чашечкой чая, чтобы просто поболтать с соседями, ходили в гости друг к другу, отмечали праздники и дни рождения. Конечно, иногда были танцы под популярные западные мелодии в холле нашего этажа.

Мы, студенты общежития, были настолько дружны друг с другом, что иногда нам даже завидовали городские сокурсники, жившие дома с родителями. Они всегда с удовольствием приходили к нам в гости, и мы вместе готовились к семинарам, практическим занятиям по иностранным языкам, оформляли учебные информационные стенды по новейшей истории.

[37] «Челябинский университет», 13 марта 1980 г.

Особенно тёплые отношения у нас сложились с Аллой Лушниковой. Она сейчас работает в Челябинском государственном институте культуры, кандидат педагогических наук, доцент. С ней мы дружим до сих пор. В то время мы часто бывали у неё дома и с благодарностью вспоминаем хлебосольство её родителей. Они часто приглашали нас в гости на семейные обеды и угощали домашней едой, а к чаю подавали очень вкусные тортики, которые пекла мама Аллы, Татьяна Евгеньевна. Мы наслаждались домашним теплом и уютом семьи, ведь нам этого так не хватало в общежитии. Еще мы здесь узнали много интересного об уральских камнях и их красоте, о чем нам рассказывали родители Аллы — геологи по профессии. С тех пор уральские самоцветы и украшения из них хранятся в наших малахитовых и каслинских шкатулках.

В общежитии мы прошли хорошую жизненную школу. Научились готовить, планировать бюджет, самостоятельно принимать решения. Эти навыки стали бесценными в нашей дальнейшей жизни. Мы, Нина и Марина, прожили вместе в одной комнате все пять лет! Притирались друг к другу, уступали, учились... Здесь мы нашли верных друзей и поняли, насколько важно уметь находить общий язык с разными людьми.

И пусть иногда было нелегко, но эти годы навсегда останутся в наших сердцах как самое яркое и значимое время. Как и тополя, которые мы высадили на одном из субботников!

Небольшое дополнение: «Подведены итоги соцсоревнования за 1-й семестр 1979–1980 уч. года: лучшие комнаты 901–1, 605–2, 602–2. 305–2. Самый чистый 9-й этаж. А вот лучше других оформлен 3-й этаж — староста А. Семёнов из гр. И-402». Вот и нас похвалили[37].

А. И. Семёнов

Годы обучения в университете (1976–1981) запомнились преподавателями, сокурсниками, «публичкой» (она же публичная библиотека), студенческой практикой. И, конечно, жизнью в общежитии. После того как родители уехали из Челябинска к новому месту жительства, я оказался в общежитии университета. Самое бесценное, на мой взгляд, что было приобретено за годы жизни в общежитии — это умение понимать других людей, возможность уживаться с их привычками. Полученные навыки общения пригодились ничуть не меньше, чем университетское образование, особенно во время срочной службы в армии. Проживание в студенческом общежитии — это жизненный опыт, который формировал самостоятельность и ответственность, научил взаимодействию и взаимовыручке. Быть гибким и не терять самообладания в стрессовых ситуациях — навык, который ценится везде и всегда. Как выжить в студенческой общаге, если ты не организовал свой день? Планирование касалось всего: бюджета, питания, учебных занятий и досуга. Как можно было выжить в студенческой общаге, если видеть в ней только минусы? Позитивный взгляд на окружающие тебя вещи и события менял их восприятие: общага — это не только теснота, ревущий где-то рядом магнитофон, гвалт на вечеринке в соседней комнате, но и место, где ты общаешься с товарищами, совместно готовишься к занятиям, занимаешься

спортом. Первое общежитие на ул. Блюхера, 3 (ныне общежитие ЮУГМУ), ничем не запомнилось. А вот девятиэтажные корпуса по ул. Молодогвардейцев, 57, стали домом на несколько последующих лет. Условия проживания по меркам того времени были отличные: в блоке две комнаты, душевая и туалет. На этаже кухня с электроплитой, мусоропровод, бытовая и учебная комнаты. Таких общежитий в Челябинске тогда больше не было! Из житейских неурядиц в 1976/1977 учебном году запомнились переезды из одного корпуса в другой, смена этажей проживания. И, конечно, отсутствие возможности нормально питаться: за все годы проживания столовая или буфет так и не появилось в зданиях общежития. Выручали парней-историков едой наши замечательные сокурсницы, проживавшие рядом на этаже, «припасы» от родителей, и «Пельменная» у Теплотехнического института на пересечении проспекта Победы и улицы Кирова, недалеко от корпуса нашего факультета.

Однако Андрей Беляев утверждает, что столовая была, а такое различие в восприятии окружающей действительности он объясняет особенностями и разными «режимами жизни» в той реальности. Мы действительно были разными и первыми: Беляев Андрей, Жеребцов Сергей, Карась Василий, Кузьмин Валера, Потёмкин Дмитрий, Синицын Алексей. Вспоминаются такие картинки. Вот группа студентов-историков, ранним зимним утром тоскливо (бодро?) бредущих на первую пару занятий от общежития к трамвайной остановке на проспекте Победы. Или почти тот же коллектив, но жарким июнем в километровой очереди в пивной киоск на ул. Молодогвардейцев. Разное бывало. Нельзя сказать, что жили совсем уж дружно, были конфликты и серьёзные мужские разговоры. Но все были личностями, а это рождало между нами понимание и уважение.

Живущие рядом на этаже девушки создавали атмосферу комфорта и уюта, обстановку доброжелательности. В нашу общежитскую группу историков входили Нина Вашкау, Наташа Титаренко, Елена Салтрукова, Гульсара Аубакирова, Мария Миллер и Татьяна Ширшова. Нередко им беседой приходилось «лечить» травмированные «общаговским» бытом поведение и менталитет парней. В общежитие тянулись и городские студенты! Частыми гостями были Алексей Кокин и Вадим Мосин, Евгений Столяров. Талантливые парни: Алексей — переводчик и бизнесмен, актер и театральный критик; Вадим — археолог, доктор наук. Невозможно пройти мимо личности Бориса Сюртукова, самого старшего среди нас по возрасту студента. Художник-оформитель по специальности, имевший опыт работы в трудовых коллективах ЮУЖД, Борис играл особую роль в создании товарищеских отношений среди студентов и сплочении коллектива. Такие же слова можно сказать и о Наташе Карповой, старосте нашей группы и «защитнице» своих студентов в деканате факультета. На долгие годы сохранились дружеские отношения с Борисом Ровным: от преддипломных «страданий» в Москве зимой 1980 года и до совместной работы в ЮУрГУ. Вместе работали с Верой Белоусовой, Людмилой Яблонской. Со студентами следующего за нами поколения также было связано совместное «общаговское» бытие, дальнейшая служба и интересы: Владимир и Наталья Боже, Юрий Политицкий, Сергей Белоусов, Владимир Кобзов, Вадим Бородин, Шарифулла Шарипов.

Особая «общаговская» среда и атмосфера закрепила и сохранила товарищеские отношения мужской части первых жителей общежития. Мы продолжали встречаться и общаться и после выпуска... С Алексеем Синицыным, сначала работавшим по профсоюзной линии на заводе, а потом в бизнесе, обменивались новостями, не отходя от дома, так как жили в одном подъезде. Общаемся и сейчас. Во время командировок в Магнитогорск неоднократно заходил в гости к Дмитрию и Марине Потёмкиным. К сожалению, ушли из жизни близкие нам, мне и Андрею Беляеву, товарищи по студенческой жизни в ЧелГУ Володя Сидоренко, Борис Сюртуков, Анна Шишмаренкова, Дмитрий Потёмкин, Василий Карась, Валерий Кузьмин, Наталья Карпова, Наталья Боже, Вадим Бородин.

Праздничное мероприятие (2)

С общежитием была связана и моя личная встреча в 1977 году с ректором университета С. Е. Матушкиным. Во время беседы с ним я получил дозу воспитательного воздействия за нарушение правил внутреннего распорядка в общежитии. Вторая встреча и беседа с С. Е. Матушкиным состоялась в декабре 2000 года сразу после защиты мной кандидатской диссертации в совете ЧелГУ. Разговор был об особенностях ведомственного образования в МВД, деятельности Южно-Уральского научно-образовательного центра РАО. Вспомнили и первую встречу, положительно оценив воспитательный эффект той беседы в ректорском кабинете. Посмеялись. Говоря о профессорско-преподавательском составе, работавшем со студентами-историками первого набора, хочу отметить, что благодаря им на факультете во время занятий и во внеучебной работе существовала особая атмосфера, доверительно-партнерская, которую создавали Г. Б. Зданович, Ю. С. Кирьяков, Л. А. Шкатова, А. И. Секерин, В. С. Антипов, Я. А. Эльфонд, А. И. Лазарев, М. Д. Машин, А. П. Абрамовский и другие.

Несколько слов об Андрее Александровиче Беляеве, дружеские отношения с которым не прерываются с 1976 года. Начитанный, всегда логично рассуждающий, интуитивный психолог и дипломат, стойко преодолевающий трудности, Андрей стал для меня примером самодисциплины и мотивации в сложных жизненных ситуациях. Мы редко видимся, чаще разговариваем по телефону, но и этого достаточно, чтобы понимать друг друга и быть близкими по духу.

Неотъемлемой частью повседневной жизни советского человека были сельхозработы. На колхозные и совхозные поля, в овощехранилища на несколько дней или недель в качестве бесплатной рабочей силы регулярно (преимущественно в осеннее время) направляли всех: и школьников, и студентов, и работников промышленных предприятий и государственных учреждений.

О сельхозработах

Е. И. Сёмочкина и Л. А. Остроушкина (Бецкова)

Первый раз мы поехали на сельхозработы на втором курсе, в сентябре 1977 года, в совхоз «Лазурный», а жили мы в пионерском лагере. В корпусе были окна с щелястыми рамами и стояли двухъярусные койки. Условия были спартанские, но после археологической практики мы этого не боялись. Работали много. Рядам картофеля не было конца и края. За нашей работой следили прикреплённые преподаватели. Одним из них был ассистент кафедры иностранных языков Виктор Петрович Чистяков. Аккуратный до умопомрачения, он строго следил за соблюдением картофельных стандартов. Вся картошка делилась на крупную, среднюю и мелкую. Ее надо было складывать в отдельные ящики. Ещё В. П. Чистяков имел при себе секундомер. Когда мы начинали новые ряды, звучала его команда «марш», и мы устремлялись к финишу. Так как мы старались делать сразу всё качественно, нас возмущал приказ делать вторичную подборку. Вечерами нам хватало сил бегать на танцы.

В последний раз мы ездили на «битву с урожаем» на четвёртом курсе, осенью 1979 года в совхоз «Россия». И настолько условия работы там не соответствовали нашим понятиям, что мы оттуда сбежали. Нас сопровождала всем известная песня, слегка переделанная «Я из «России» домой хочу! Я так давно не видел маму!!!»

Е. И. Сёмочкина

В совхозе «Россия» в бараке моя койка располагалась на стыке факультетов. Рядом со мной были девочки-математики. Меня привлекли вместе с тремя из них к работе на зернотоку. Она заключалась в том, что мы перелопачивали зерно перед тем, как оно будет загружено в амбар.

Там я впервые в жизни увидела настоящих огромных, жирных серых крыс с голыми хвостами. Они медленно передвигались, как истинные хозяева амбаров и зернотока. Нас они не замечали. Мы от них отворачивались и как ни в чём не бывало продолжали своё дело.

На картошке, совхоз «Россия», 1979 г.

Праздничное мероприятие (3)

Дела житейские…

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Чуть не забыла сказать про стипендию. Обычная была 40 руб., повышенная – 50 руб. (если все пятерки). (Это была вполне приличная сумма по тем временам, если учесть, что ставка начинающего учителя равнялась 100 руб., а средние зарплаты были около 150 руб.). В день получения стипендии шли в кафе «Цыплята табака» (оно и сейчас на Кировке находится), в нашей группе сложилась такая традиция. Стипендия была для нас очень важна, ведь почти никто не работал на постоянной основе во время учебы. Стремились учиться, понимая, что с высшим образованием открывались возмож-

ности для дальнейшего карьерного роста. Иногда подрабатывали, например, парни ходили на железнодорожную станцию разгружать вагоны, так можно было за одну ночь хорошо заработать.

В будние дни между парами мы питались в студенческой столовой, в нашем корпусе она была. Но качество питания и обслуживания нередко становилось предметом фельетонов в нашей университетской газете.

Поскольку наш университет в первые годы существования представлял из себя большую стройку, то субботники были нормой нашей жизни. 22 апреля и в близлежащие дни всегда проходили Ленинские субботники, приуроченные ко дню рождения В. И. Ленина. Так, в 1979 г. решением штаба «красной субботы» каждый студент должен был отработать на благоустройстве учебных корпусов, общежития и территории возле них, а также на строительных объектах города не менее 6 часов. На субботниках студенты работали бесплатно, а вот за работу в совхозах полагалась какая-то оплата. Но мы её никогда

Праздничное мероприятие (4)

не получали, поскольку решениями комсомольских и профсоюзных собраний эти деньги поступали в фонд университета.

Немного про моду и внешний вид. Выбор одежды в магазинах был невелик. Поэтому многие одежду шили. Мне родители к поступлению в университет заказали в ателье осеннее пальто и костюм, в котором я и ходила на занятия. На смену мини пришла длина миди. Модными тканями были кримплен и креп-жоржет, легкостирающиеся и немнущиеся. Конечно, это была сплошная синтетика, но тогда никто не считал это недостатком, привлекали яркие цвета и доступная цена. В моде были водолазки и брюки-клёш. Я тоже шила их в ателье. Дети состоятельных родителей могли позволить себе джинсы. На пары ходили с портфелями, у меня был модный

Театральное выступление, 1978 г.

Выступление на посвящении в студенты,
октябрь 1978 г.

Вылазка на природу, 7 марта 1977 г.

премьера

ПРЕМЬЕРА

Кинокамеры не было. Но хотелось, чтоб был фильм. Фильм об отдыхе на лоне природы. Решили записать сценарий. Может, кто возьмется снять фильм?

ПРОЛОГ

День был обычный, чуть-чуть пасмурный. Лекции закончились. Пора по домам, но никому не хотелось расходиться. Собрались в милом «старом» кабинете поговорить обо всем понемногу.

Мысль пришла внезапно и сразу всем понравилась: «Ура! Едем снимать фильм! И о ком?— О нас (что самое привлекательное)».

КАДР 1.

Утро. Пригородные кассы. Все в сборе.

Вагончик тронулся, перрон остался.

КАДР 2.

Электричка. Поиск свободных мест на двадцать человек. Мест нет— сидим в два этажа. Катится, катится голубой вагон.

КАДР 3.

Стоим на полустаночке Кисегач. Прозрачный лес вдали чернеет. Мороз и солнце — день чудесный! Снегу почти по пояс.

КАДР 4.

Солнечная поляночка. Костер пылает. Гитара настроена на лирический лад. Двадцать ребят у костра поют чуть охрипшими голосами.

КАДР 5.

Скатерть-самобранка: тушенка, сгущенка и прочие яства. И не знает наслажденья тот, кто с нами не едал.

КАДР 6.

Танцуют все! Спляшем, Петти, спляшем! Снежок, снежок, маса снежков.

Голос за кадром: «А не пора ли по домам?..».

КАДР 7.

Просека к станции. Прощай, солнце! Прощай, лес. До свиданья, край чудес!

ЭПИЛОГ.

Наша крыша — небо голубое.
Наше счастье — жить такой судьбою.
Тем, кто дружен —
Не страшны тревоги.
Нам любые дороги дороги.

Конец фильма.

Л. ЗАХАРОВА, О. КОЛЯЕВА, К. СЕМОЧКИНА, студентки группы И-101.

«дипломат» из искусственной кожи, у некоторых были пластиковые «дипломаты», в народе называемые «мыльницы». Предметом всеобщего восхищения и зависти был старинный потертый «саквояж» из натуральной кожи, с которым ходил на занятия Леша Кокин.

Некалендарные праздники

Б. И. Ровный

Праздники всегда были. Во-первых, были КВНы, я помню свой первый КВН. Я был даже капитаном КВНовской команды, и мы проиграли. Плохо готовились, но было смешно. Первый КВН проходил в общежитии на Блюхера, тогда это было общежитие университета... Страна тогда еще жила КВНами, они еще не заглохли к тому времени. Был период 1980-х годов, когда их практически не было, а в конце 1970-х, 1978–1979 гг., еще были КВНы. В общем, это были достаточно тривиальные сюжеты, посвященные преимущественно и главным образом студенческой жизни, темы были заведомо известны: «студент и преподаватели», «студент и пиво», «студент и общежитие». Ну, практически этим все исчерпывалось, и я, конечно, теперь, задним числом понимаю, что очень трудно было постоянно шутковать именно на эти распространенные популярные сюжеты. Тот, кто изобретал хоть что-то новенькое, мог бы и выиграть. Естественно, как я уже сказал, каждое мероприятие завершалось дискотекой, это было просто повальное увлечение...

Праздничное мероприятие (5)

Был День Парижской Коммуны. Это был официальный праздник факультета, может, поэтому он слабо запоминается. Политизированный в меру и достаточно живой, когда звучала французская речь, стихи. Каждая французская группа на каждом курсе готовила свои выступления... Не скажу, что было весело, но это было достаточно забавно.

При нас потихоньку стали входить в моду первоапрельские праздники: День дурака — Юморина. Несколько лет, два или три года подряд, она проходила как КВН, ну и дальше по плану. А потом она проходила с нашей подачи, с истфака (вот когда истфак заявил о себе в этом смысле), она проходила общеуниверситетской. В 1979 году мы устроили такой общеуниверситетский кипиш в двух корпусах, и этот первоапрельский кипиш прошел и на истфаке, и у математиков, и у физиков, и у химиков. Было очень весело, люди ходили с плакатами, это было такое шоу на 15 минут, которое очень быстро прекратилось, потому что в том корпусе сидел ректорат, и, конечно же, молодых людей с плакатами: «ОК. Я всем доволен! Пива и женщин достаточно!» никто не потерпел. Плакат писали мы. Даже кого-то вызывали к Голикову — он был первый проректор, его боялись вплоть до отчисления, нам тыкали в грудь пальцем

и говорили: «Эрудиты. Если вы как эрудиты, то такие эрудиты нам не нужны». Вот это слова бывшего ректора Матушкина.

Ну, тем не менее такие прорывы происходили. А здесь, на факультете, в 1979 году 1 апреля проходило подольше. Здесь был такой костюмированный, как сказать, знаете, чем-то напоминающий маскарад в Венеции, когда совершенно незаметно среди гуляющей публики на площади Сан-Марко появляются такие ряженые, маски. Они как бы невзначай стоят, курят, пьют кофе, потом их все больше, больше, больше... И, наконец, ты понимаешь, что карнавал-то наступил. Вот нечто подобное было проделано на историческом факультете. Ну, уж какие маски были, там, что было, то и надевали. Но было очень весело, я вот это запомнил. К чести нашего деканата, тогда деканом был Цибульский, он не пресек это мероприятие, а позволил ему выплеснуться, но закончилось оно, правда, не очень патриотично, потому что кто-то пожег учебники истории КПСС. Вот, и кто-то сделал это демонстративно. Это был не наш курс — мы были уже опытнее. Но это было неприятное для деканата явление, которое получило, так сказать, должный резонанс там, в ректорате, ну и так далее.

...Мы были первыми, кто организовал дискотеки, тогда это было, так сказать, еще не совсем традиционно. Тогдашние дискотеки не были похожи на сегодняшние... Сейчас все чаще пляшут... Ну, не знаю, это может быть уже, так сказать, возрастное брюзжание...

А тогда они выглядели как диалог ведущих, так сказать, с публикой. Публика охотно выслушивала всякие реминисценции, она охотно выслушивала различного рода анекдоты, в том числе и прямо, скажем так, пограничного характера. Я имею в виду в политическом смысле, конечно, тогда не было принято шутить на темы всяких там ориентаций, что характерно для нынешних времен. Я вел эти дискотеки, мои товарищи вели. Был своеобразный клуб, была небольшая театральная группа, вот, которая очень оперативно откликалась на всякие изменения на факультете... Я не забуду никогда театральную постановку, сделанную буквально за несколько дней, по Эрнесто Парми «Война богов», такая минимально театрализованная постановка, в которой участвовал я, мои друзья; все это было воспринято хорошо, если не сказать на ура. В этом усмотрели политический момент, вот, даже некоторых из нас вызывали туда, к «большому папе», в университете. Но это на самом деле не было как-то страшно. Ничего страшного, я не хотел бы драматизировать отношения с властью. Я считаю, нам повезло, потому что и среди преподавателей, по крайней мере первые два года, сложилась какая-то такая же или подобная атмосфера, или, может быть, их атмосфера зависела от нашей. Сейчас трудно уже судить. Но думаю, что и преподаватели питали студентов, вот, идеями, общим настроем, и была в этом смысле обратная связь.

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Поскольку мы были первыми, нам хотелось заложить какие-то вузовские традиции. Из чувства противоречия к идеологическим праздникам мы придумали отпраздновать 1-е апреля — провести Юморину. Для начала завалили строительным мусором и вёдрами

с краской центральный вход в учебный корпус, написав объявление: «Идёт ремонт. Вход с обратной стороны».

Все наши студенты, смеясь, открывали дверь и входили, а вот учащиеся соседствовавшего с нами финансово-экономического института обходили здание и долго искали другой вход. По всему корпусу на пол прикрепили бумажные «следы», кажется, с надписью «Рим» (по принципу «Все дороги ведут в Рим»). «Маршрут» заканчивался на последнем этаже у дверей туалета. Было ещё много всего смешного, в том числе театрализованное шоу с разными версиями сказки «Красная Шапочка» и съедобными «историческими музейными древностями».

Т. В. Шевцова

Первое апреля на нашем истфаке всегда было особенным днем. Юморина — праздник смеха и студенческой вольности — отмечалась по канонам академических традиций, но каждый год обрастала новыми, совершенно невероятными деталями.

Путь к факультету в этот день превращался в квест. Наше здание, спрятанное во дворах за Теплотехническим институтом на проспекте Победы, было надежно «защищено» от серьезности. На подходе красовалась самодельная табличка: «Дорога жизни имени Ю. С. Кирьякова». Центральный вход встречал суровым объявлением «Ремонт», из-за чего всем — от первокурсников до маститых профессоров — приходилось смиренно идти в обход.

Внутри факультет преображался до неузнаваемости. Аудитории и даже строгий деканат меняли вывески на комичные. Стены были заклеены плакатами с остротами и приколами. Самых доверчивых ждала классическая студенческая ловушка: тому, кто воспринимал шутку всерьез, втайне крепили на спину бумажную «рыбку» на крючке. Вид таких «уловов», разгуливающих по коридорам, вызывал искренний восторг у всей публики.

Центром притяжения была огромная стенгазета «Бакалавр», над которой колдовали Катя Сёмочкина, Ирина Пазойская, Людмила Яблонская и другие активисты. Она была полна находок: рубрика «Узнай преподавателя по одной фразе», подборка самых нелепых студенческих объяснительных, конкурс почерков «Попробуй прочитай» и даже выставка «конспектной живописи» — того, что рождалось на полях тетрадей во время скучных лекций. Мы резались в коллективные буриме и морской бой. О серьезной учебе можно было забыть, особенно когда преподавателю Новой истории Владимиру Сергеевичу Антипову пришлось полдня искать свой «пропавший» портфель с лекциями. Главное действо разворачивалось в актовом зале, забитом до отказа. Открывал его профессор Александр Лазарев с фундаментальным докладом «О разновидностях смеха». А следом начиналась настоящая феерия: на сцене ставили рок-оперы, мюзиклы и драмы — и всё это на один и тот же сюжет сказки Шарля Перро «Красная Шапочка». За этой легкостью стояла серьезная подготовка: недели репетиций, создание бутафории и пошив костюмов. Наш факультет был полон талантов: Лилия Жданова, Дмитрий Потёмкин, Алексей Синицын, Люда Яблонская, Вадим Мосин и другие ребята виртуозно играли на гитарах, пианино и пели.

Финишировал праздник кулинарным поединком. Мы с подругой Мариной Николаевой (Потёмкиной) произвели фурор, когда испекли торт «Муравейник» в виде пары огромных русских лаптей. Завершалось всё шумной дискотекой. То ощущение безудержного, чистого веселья и сегодня кажется одним из самых ярких воспоминаний о студенческой юности.

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Мы часто ходили в кино, но не в обычные кинотеатры на сеансы для массового зрителя. В городе был кинотеатр «Знамя» (он и сейчас располагается на Кировке). Там по особым абонементам делали показы отечественных и зарубежных фильмов, предназначенных для элитарного зрителя. Такие фильмы не шли в большом прокате. Там мы познакомились с фильмами «Сталкер» (1979 г., реж. Тарковский), «Пятая печать» (1976 г., венгерская драма-притча), «Бассейн» (1977 г., болгарского режиссера Б. Желязковой), «Зеркало» (1974 г., реж. А. Тарковский) и др.

На праздники собирались у кого-нибудь на квартире и вскладчину накрывали стол. Это были веселые и бесшабашные вечеринки, пели, танцевали. Всегда с нами были и наши любимые кураторы. Был такой случай: отмечали группой Новый год, в небольшой квартире нас собралось больше 20 человек. И в этой шумной обстановке обнаруживаем, что Сережа Глухов закрылся в комнате и конспектирует какой-то труд Карла Маркса! Вот какая тяга к учебе была у некоторых наших студентов!

Поскольку девчонок на курсе было много (а в филологических группах ещё больше), то как-то на один из праздников нас пригласили в Челябинское высшее военное автомобильное училище. Там как раз было много потенциальных женихов. Танцевальный вечер удался на славу. Некоторые из наших сокурсниц позже вышли замуж за курсантов этого училища.

Когда мы учились на 4 курсе, у нас состоялась студенческая свадьба. Уже на первом курсе в нашей группе образовалась влюблённая пара: Марина Николаева (это я) и Дима Потёмкин. Дима был любимцем всего курса: высокий, с огромной гривой кудрявых волос, с музыкальным образованием и абсолютным музыкальным слухом, он играл на гитаре (а ещё на аккордеоне и пианино), пел, сочинял музыку и стихи, читал наизусть сонеты Шекспира! Мы проводили вместе всё свободное время, когда-то успевали учиться. На четвёртом курсе 26 января 1980 г. мы поженились. На регистрацию пришёл почти весь курс и, конечно, был приглашён Ю. С. У меня даже сохранилось видео, тогда это было редкостью. Потом у семьи Потёмкиных была долгая счастливая жизнь, родилось двое детей, а в 1997 г. мой муж Дмитрий Иванович Потёмкин погиб в автоаварии.

Большую роль в нашей жизни играли песни. Уже на 1-м курсе все мы выучили гимн студентов на латыни «Gaudeamus» и обязательно пели его на всех крупных мероприятиях. В год нашего поступления вышел диск с песнями композитора Давида Тухманова «По волнам моей памяти» и сразу стал популярным хитом. Особо нам полюбилась одна из песен с этого диска «Во французской стороне, на чужой планете, предстоит учиться мне в университете...»[38].

[38] Вольный перевод Льва Гинзбурга с латинского языка текста песни вагантов Hospita in Gallia (XIII век).

Студенческая свадьба 26.01.1980 г. Марина и Дима

Е. И. Сёмочкина

В студенческие годы песни сопровождали нас всюду и всегда. Пели все, может быть, за очень небольшим исключением, не обращая внимания на слух и голос или на отсутствие того и другого. Другое дело, что определённые люди были спонтанными запевалами, а другие – подхватывали, подпевали.

Где были нужны песни? Да при всех наших встречах, хотя домашних посиделок было немного. Чаще песни были необходимы для поднятия настроения или чтобы «выдохнуть» после физической нагрузки. Прежде всего, в «поле». Это и археологические раскопки (желающие ездили каждое лето), и сельхозработы осенью. Когда нас везли на автобусе или грузовике, когда были перекуры, когда вечером собирались у костра – мы пели. В таких поездках мы

Студенческое застолье

предпочитали «оральные» песни, поскольку действительно их орали, обходясь без музыкального сопровождения. Ну, и репертуар был соответствующий — или разудалые народные, или бардовские, (Визбор, Городницкий). В народных было много повторяемых строк и слов, что делало небольшую по смыслу песню долгой, а это от неё и требовалось. Классика жанра:

«На горе колхоз, под горой совхоз.
Мне мой миленький задавал вопрос.
Ай-я-я-я-ай! Ой-ё-ё-ё-ё-ёй!
Мне мой миленький задавал вопрос...»

И так далее.

Песни к нам шли отовсюду, из рук в руки. Например, от филологов пришла песня «Как хотела меня мать да за первого отдать...» А «частушки-нескладушки» с припевом «А мир поб(е)дит войну» принесли наши археографы. И в большинстве своём наш песенный багаж пополнялся из наследства УрГУ, нашего «старшего брата». Так, именно от Ю. С. Кирьякова мы услышали песню с ключевыми словами «...Мы бандиты с истфакийской шайки», от Н. И. Барминой — «Стою я раз на стрёме», от Е. М. Беспрозванного — «Пусть я погиб под Ахероном».

Много песен перешло от студентов Челябинского педагогического института, например «По бугоркам, по низким косогорам...» После первого археологического сезона одной из наших любимых стала песня:

«Мой корабль давно уже на рейде
Борется с прибрежною волною.
Эх, налейте, сволочи, налейте
Или вы поссоритесь со мною!»

Попсу мы не пели.

В нашей группе (И-101/501) было два почти профессиональных гитариста: Дима Потёмкин и Лёша Синицын, которые выступали на конкурсах художественной самодеятельности и на общеуниверситетских вечерах в составе ВИА. Но это было редко. Да и в наших девчоночьих компаниях они были не частыми гостями.

Видимо, поэтому на Берсуате (первый наш археологический сезон) начала учиться играть на гитаре Лиля Жданова. И так она этим усердно занималась, что Валера Кузьмин через неделю её занятий не выдержал и пообещал купить ей килограмм шоколадных конфет, если она прекратит. В поле она играть перестала, килограмм конфет получила в городе, но дома продолжила учиться играть — и научилась! Так что и мне захотелось научиться. За второй-третий курсы я освоила игру на гитаре в объёме первых трёх ладов (кто в теме, тот оценит мой уровень), что позволяло мне аккомпанировать своим подругам. И до сих пор играю под настроение. Во второй группе на гитаре играли Люда Яблонская и Вадим Мосин.

Ну, и наш любимый «Gaudeamus»! Мы на первом курсе выучили весь его довольно объёмный текст и с большим воодушевлением исполняли гимн «а капелла». Сейчас я, конечно, не помню все слова, но первый куплет пропою без запинки в любое время дня и ночи. Надеюсь, при встрече мои сокурсники меня поддержат и подпоют.

ЧелГУ 50

ЧЕЛГУ

07

Alma mater отпускает в плавание

Последний звонок, январь 1981 г.

Пять лет быстро пролетели! И вот уже 1981 год — последний курс.

Официальные итоги в цифрах.

Передовица в университетской газете от 25 июня называлась «Наша первая пятилетка». Вот её основные тезисы.

В 1976 г. в университете училось 275 студентов. В 1981 г. студенческая семья насчитывает 1720 человек.

При открытии было 2 факультета, в 1981 г. их уже 5240 выпускников получили дипломы об окончании Челябинского государственного университета, из них 37 дипломов с отличием. Самым первым из выпускников защищался Вадим Мосин, получил «отлично».

В этом году наши выпускники будут работать: в школах — 145 человек, в ПТУ — 13, в вузах — 23, в НИИ — 29, на предприятиях — 21. Среди тех, кто заканчивает университет в этом году, 27 коммунистов[39]*.*

А мы помним вот так.

Л. В. Жданова (Геращенко)

Преддипломная практика. И вот ты, без пяти минут выпускница Челябинского университета, работаешь в одной из лучших библиотек, главной исторической библиотеке страны! В столице, в Москве! В Москве я была до этой поездки много раз, но тогда это было что-то новое, особенное. Мне было радостно оттого, что именно здесь, в этих стенах, я буду исследовать. На стеллажах в знаменитой библиотеке, в ее фондах хранится многое, изучаю и нахожу еще и еще интересный материал, конспектирую. Все наши преподаватели учили нас работать с источниками и литературой, за что им всем благодарность. В те дни я работала в библиотеке ежедневно с каким-то особым азартом. И одобрительное слово за эту работу от Михаила Дмитриевича Машина прозвучало.

Б. И. Ровный

Мой красный диплом плакал то ли на научном коммунизме, то ли на истории партии: я запутался с пролетарским интернационализмом. Вот, и сидит Секерин [Александр Иванович], вот, сидел Яков Андреевич Эльфонд — умнейший человек, но человек своей

[39] «Челябинский университет», 25 июня 1981 г.

системы, по-моему, сидел Форстман (к которому я до сих пор отношусь с глубочайшим уважением).

...Да, государственные экзамены. Государственные экзамены я помню плохо... Была определенная обида на научный коммунизм или на историю партии, вот, ну... мне поставили «4». По такой важной дисциплине, как научный коммунизм, получить «4» — это уже не красный диплом. Я никак не мог понять, почему советские войска вошли, находились на территории Польши, по какому поводу. Я туго соображал, и тогда раздраженный, уже не помню

На госэкзамене.
Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ. (© Назыров П. Ф.).

кто — Яков Андреевич или Секерин, — сказал: «По принципу пролетарского интернационализма, неужели это так трудно понять!» Честно говоря, не могло до меня дойти, но должен был сообразить, потому что мы были натасканы на эти вещи — «пролетарский интернационализм»...

...Я не пытаюсь резюмировать, я скажу так: мы были дураки, но мы были веселые дураки, этого у нас не отнять. И, в общем, выясняется сейчас — есть что вспомнить, Вот, как могли, дурачились. Это все, что мы могли сделать, это все, честно говоря, что мы представляли о жизни. Ни о какой фронде в политическом смысле и речи не было. Мы полагали, что это естественный неудобный, неудачный порядок, с которым нужно какое-то время мириться, закончить университет и где-то найти для себя нишу. Лучше всего, если это была академическая наука, поскольку она имела в этом случае какую-то особую ауру, там можно было уединиться. И для многих из нас университет и работа на кафедре, работа в аудитории представлялась как наиболее удачный вариант, потому что ты максимально свободен: вот ты закрыл дверь за собой и — говори, что хочешь. Правда, мы точно знали, что можно говорить, что хочешь, но потом передадут из того, что ты сказал, кое-что. Это не важно,

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ЧЕЛЯБИНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

454026, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 70б.
Телеграфный адрес: Челябинск, ЧГУ.
Телефон: 35-79-79.
Расчетный счет 120385 в горуправлении Госбанка.

16.01.79 № 52-01-23

на № _____ от _____

ДИРЕКТОРУ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МИД СССР
ТОВ. СОКОЛОВУ В.А.

Прошу Вас разрешить пользоваться фондами специального хранения вверенной Вам библиотеки студентке Ш курса историко-филологического факультета НИКОЛАЕВОЙ М.Н. для работы над темой научных исследований "Специфика формирования национальных армий в странах Азии и Африки" на период с 2I по 3I января I979 года.

РЕКТОР С.Матушкин /С.Е.МАТУШКИН/

Ходатайство в библиотеку,
3 февраля 1988 г.

важно, что это привлекало некоторых из нас. И я полагаю, что та творческая часть нашего курса, кто, там, бросился учиться в аспирантуру, писать диссертации, она во многом была стимулирована этим обстоятельством. Найти для себя нишу, где можно проявить, ну, максимум, что ли, свободы...

...Ну, интересна еще вот такая вещь: все это время, пока мы учились, весь наш курс – 50 человек и следующий курс, который мы тоже хорошо знали (ну, вы тоже хорошо знаете, что 5 курс не знает никого, в то время как их знают все)... И все это время, пока мы учились, я, мои друзья были свято убеждены, что все здесь учатся как бы по праву, они поступили, пробились. Каково же было наше удивление, когда по окончании мы выяснили, что некоторые из нас поступили не обычным порядком. Это был полный шок: эта наивная вера, что сюда пришли энтузиасты, сюда пришли интересующиеся люди, она очень долго сохранялась, чуть ли не на протяжении пяти лет. Это может показаться странным даже, куда мы вообще смотрели... Потом многое стало ясно, когда, я считаю, мои талантливые друзья не получили тогда, как мне казалось, должного места под солнцем. А на их фоне прошли такие совершенно невзрачные люди, ну, в общем, которых любили, но за ними никогда не числилось особых талантов и достижений. И когда кто-то там вдруг сразу попадал в аспирантуру, резко начинал писать кандидатскую диссертацию... Стало понятно, что кто-то был прикрыт надежной

Выпуск 1981 г., историки

защитой родителей, связей, отношений. Ну и слава Богу, думаю я теперь, что мы всего этого не знали, чтобы не разочаровываться в этой жизни, потому что в студенческие годы важно очаровываться, важно сохранить позитивное представление о мире, о том, что все должно быть устроено позитивно, что все в меру справедливо, надо только много работать. В нас это ощущение, как я считаю, тогда было, но реальность, как известно, всегда сложнее. Ну и Бог с ней, с реальностью, нам многое известно теперь, не поздно ли это...

Л. М. Яблонская

После защиты дипломов и организационного собрания в июне 1981 г. Таня Шевцова вдруг крикнула: «А пойдёмте к Яблонской, она новую квартиру получила!» Было неожиданно, но пришлось позвонить родителям и сообщить о таком спонтанном предложении. Они согласились, и мы всей гурьбой отправились к нам домой. Купили кильку и другие продукты, что можно было купить в магазине. Дома у нас по советской традиции была картошка, разносолы с дачи. В зале постелили на пол простынки. Получилась скатерть-самобранка на всю длину комнаты.

Было весело. И студенческий пир состоялся!

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Когда мы выпускались, существовало обязательное распределение с отработкой три года. Происходило это так: заседала комиссия, нас вызывали по одному в порядке среднего балла диплома. Ты мог выбирать из предложенного, а последним уже что оставалось. Места в основном были по Челябинской области. Некоторые места были «с жильем», это значит, что по прибытии ты получал какое-то жильё: квартиру, комнату в коммуналке, место в общежитии. Во времена, когда жильё нельзя было купить, а в очереди на его получение стояли не просто годами, а десятилетиями, получить «крышу над головой», имея только диплом и не проработав ни дня, было большим везением и стимулом. Особенно для меня: молодая семья, состоящая из двух выпускников вуза с дипломами, и в сентябре у нас должен был родиться ребенок. Мечты об аспирантуре и научной карьере пришлось отложить, и мы с мужем поехали в город Магнитогорск, где были места для нас обоих с предоставлением комнаты в квартире на двух хозяев.

На практике распределение проходило не совсем так, как было объявлено. У кого-то «в кармане» уже были целевые места в аспирантуру, кто-то вместо обязательной отработки устраивался сам на другое место работы. Но это опять та сторона личной памяти, о которой не принято рассказывать.

Каких-то особых воспоминаний о выпускных экзаменах и защите диплома у меня не сохранилось. Только общая фотография. Выпускной вечер праздновали в кафе недалеко от нашего университетского корпуса.

Все выпускные торжества были омрачены печальным событием: ушел из жизни наш однокурсник Володя Сидоренко. Это была первая потеря...

ДОРОГОЙ ДРУГ!

Ты получил диплом об окончании Челябинского государственного университета в знаменательный год, год XXVI съезда КПСС, который открыл перед советским народом новые горизонты коммунистического строительства. Начался новый этап в жизни нашей страны и новый этап в твоей жизни.

Подведен итог большой и напряженной работе в студенческие годы, которые навсегда останутся в твоей памяти и сердце, как светлое и доброе время. Верим, что за время учебы ты не только овладел основами марксистско-ленинского учения, стал глубоко понимать политические цели Коммунистической партии и страны, приобрел широкую научную и практическую подготовку, полюбил и овладел своей специальностью, но и научился работать с людьми, ценить коллективный опыт, прислушиваться к мнению товарищей, критически оценивать достигнутое, постоянно работать над расширением своего кругозора. Убеждены: что годы, проведенные в вузе, стали для тебя и университетом гражданственности.

Отныне везде и всюду ты—представитель Челябинского государственного университета, носитель его славных традиций. Ты первый выпускник: по твоим знаниям и делам будут судить о вузе.

Помни: твоя слава—слава университета, твои успехи—успехи университета, твое доброе имя—доброе имя университета. Береги и приумножай лучшие традиции своего родного университета. Будь в первых рядах борцов за высокую культуру производства и быта, за утверждение коммунистических норм в советской действительности. Принимай активное участие в воспитании новых поколений молодежи, проявляй новаторство, творческий поиск, работай с полной отдачей сил, никогда не пасуй перед трудностями. Высоко неси звание советского специалиста, интеллигента развитого социалистического общества. Мы уверены: что и всю свою дальнейшую жизнь ты будешь учиться, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически!

Пусть все твои силы будут отданы самому великому делу на земле—борьбе за торжество коммунизма! Щедро делись с народом всем тем, что дали тебе студенческие годы, в делах и мечтах сохрани дух студенческой молодости, пусть чисты и благородны будут твои помыслы.

Желаем тебе здоровья, счастья, больших успехов на благородном поприще служения народу, великим идеалам коммунизма.

СТУДЕНТЫ, ПРОФЕССОРА И ПРЕПОДАВАТЕЛИ
ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Завершить эту самую маленькую по объему, но не по значению главу хочется стихами нашего поэтического дуэта: Кати Сёмочкиной и Ирины Пазойской.

Стихи на последний звонок 3 января 1981 г.

Здановичу Г. Б.
Какие закаты, какие рассветы!
Да разве забудем мы с Вами всё это!
Геннадий Борисович, честное слово,
Мы в поле приедем к Вам снова и снова!

Кирьякову Ю. С.
Кто в Африку влюблён, кто в Азию.
У каждого своя фантазия.
С историей Азии всех стран и веков
Нас познакомил Ю. С. Кирьяков.

Аносовой Т. Ф.
Вы помните, Вы всё, конечно, помните!
Такое вряд ли можно позабыть:
Взволнованно ходили Вы по комнате,
Пытаясь в нас методику вдолбить.

Машину М. Д.
Слышен топот аргамаков по широкой площади.
Михал Дмитрич без казаков, что цыган без лошади.

Сусловой Г. П.
Галина Павловна, мы очень-очень рады,
Что Вы, как прежде, снова с нами рядом.
Хоть встречи с Вами и коротки были,
Мы Вас узнали и не разлюбили.

Пазию Д. Г.
Товарищ Пазий, Вы большой учёный!
Теперь мы в философии сильны!
Любой из нас такой же увлечённый,
Каким когда-то в детстве были Вы.
Дрожите всюду, антикоммунисты!
На битву вышли новые марксисты.

Антипову В. С.
– Что за шум, за крики тут?
– Солсбери на суд ведут.
Владимир Сергеевич за председателя.
Все мы присяжные заседатели.

Стихи на последний звонок

Скажи, дружище, ведь недаром
Диплом для нас стал гонораром
За каторжный наш труд!
Ты помнишь годы молодые
И те денечки золотые...
Всему теперь капут.
Да, были люди в наше время.
Не то, что нынешнее племя.
Богатыри — не вы!
Мы в универ прорвались с боем.
И вуз наш знает, что такое
Напор младой толпы.
Да, мы без боя не сдавались,
За каждую «пятёрку» дрались.
Да так, что люди удивлялись,
Как не свихнулись мы.
На первом курсе было туго:
Предметы — ВСЕ — вели два друга
ГБ и Кирьяков.
И доказать всем нам старались,
Что Древний Мир и Первобытка
Не пара пустяков.
Второй же курс разнообразней,
Случилось множество оказий:
Пришли Эльфонды к нам.
У наших ушки на макушке —
Средневековье — не игрушки!
И словно бы под жерлом пушки
Мы бросились к томам. (библиотек).
На третьем курсе два событья:
Пришли к нам совершать открытья
Антипов — мыслей генератор
И Машин — смелый наш новатор.
И от такой двойной оказии
Всем курсом мы сбежали в Азию.
Четвёртый курс — серьёзный самый.
Пришла внушительная дама
И вдруг ей в голову пришло:
Чему учили нас — фуфло.
И ну нас к жизни приближать
И нам методику читать.
На пятом курсе отдохнули,
На всё вокруг рукой махнули
И ринулись писать диплом,
В архив пробивши стены лбом.

Мораль:
Теперь мы знаем, что почём! В руках у нас уже диплом.
Мы созываем референдум и говорим: «Nunc est bibendum!».

ЧелГУ
50

ЧелГУ 50

ЧЕЛГУ

08

Наши лица, наши судьбы...

Приведенные данные далеко не полные, некоторые, возможно, требуют уточнения, тем не менее мы всё же считаем необходимым их привести.

О тех, кого с нами уже нет

Потёмкин Дмитрий Иванович (1959–1997)

Потёмкин Дмитрий Иванович (1959–1997)

«Знаете, каким он парнем был…»

Дима Потёмкин сразу обратил на себя внимание однокурсников: высокий, широкоплечий, с львиной гривой кудрявых волос (он, кстати, и по гороскопу был Лев). Он приехал учиться в Челябинский университет из небольшого шахтерского городка Коркино. Доброжелательный и общительный, щедрый и всегда готовый прийти на помощь.

У Димы был абсолютный слух, он с отличием закончил музыкальную школу, а также писал стихи, сочинял музыку. В университете он сразу стал солистом и бас-гитаристом университетского вокально-инструментального ансамбля «Эврика», участником университетского хора. Без Димы Потёмкина и Алексея Синицына не обходилось ни одно культурное мероприятие, да и на студенческих посиделках они всегда были центром и душой кампании.

Уже на первом курсе начал за мной ухаживать: дарил цветы, сочинял для меня стихи, пел романсы, читал на память сонеты Шекспира. Ухаживал долго, терпеливо и настойчиво, в конце концов покорил моё сердце, и на 4 курсе мы поженились. Свадьба была в зимний морозный январский день, в загс приехали поздравить и наши преподаватели, и наши однокурсники.

Получив дипломы об окончании Челябинского университета в 1981 г., мы по распределению поехали в город Магнитогорск. Мы оба начали свою трудовую деятельность в самой тогда известной в городе школе № 65. Это была специализированная школа, сочетавшая одновременно общеобразовательную и музыкальную программы.

Все учащиеся наряду с общим образованием обучались на одном из отделений: инструментальном (фортепьяно, баян и аккордеон, духовые и ударные инструменты), вокально-хоровом, балетно-хореографическом. Автором этой программы по музыке для общеобразовательной школы был композитор Дмитрий Борисович Кабалевский, руководивший в 1970–1980 гг. Лабораторией музыкального образования в НИИ школ Минпроса РСФСР. В этом качестве он посещал и нашу школу.

В 1987 г. Дима был избран директором школы № 65. Именно избран всем педагогическим коллективом. На фоне гласности тогда в городе решили провести выборы директора с двумя кандидатами, Дмитрий Иванович Потёмкин получил 95 % голосов. Вскоре его пригласили на должность заведующего городским отделом образования, но он отказался, не стал бросать коллектив родной школы.

В семье у нас росли дочь Ольга и сын Иван. Дима был любящим мужем и заботливым отцом.

Трагедия случилась 22 октября 1997 г. По дороге домой с работы Дима погиб в автомобильной катастрофе. Ему было 38 лет... Гражданская панихида продолжалась несколько часов, а люди всё шли и шли... Я даже и не представляла, что у него столько благодарных коллег, учеников, выпускников, родителей детей...

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Во время командировок в Магнитогорск неоднократно заходил в гости к Дмитрию и Марине Потёмкиным. Всегда в хорошем настроении, с улыбкой на открытом лице Дмитрий располагал к общению и доверительной беседе. Он и Алексей организовали вокально-инструментальный ансамбль, выступления которого срывали овации в студенческой среде. Организаторские способности музыканта и спортсмена Дмитрия поражали! Он был директором двух школ одновременно: общеобразовательной и музыкальной. Педагогические коллективы магнитогорских школ и сейчас участвуют в волейбольном турнире памяти Дмитрия Потёмкина.

А. И. Семёнов

Потёмкин Д. И., директор школы № 65

Дорогой Дмитрий Иванович!

За доброе, что Даки в нас посеяно,
Весь пройденный десятилетний путь
Пусть для Вас благодарностью овеяно,
А мы свой долг попробуем вернуть.

Нас, очень важных, школа научила
Хотеть учиться и любить свой класс
И музыку, и спорт она открыла,
А каждый ученик – частица Вас.

Выпускники 1983 года.

Сидоренко Владимир Петрович,
«Челябинский университет»
22 февраля 1977 г.

Сюртуков
Борис Николаевич (1947–1996)

[40] «Челябинский университет»,
22 февраля 1977 г.

Сидоренко Владимир Петрович (1955–1981)

Армейская закалка[40]

– Ох уж этот староста, — не раз вздыхали студенты группы И-101, поглядывая в сторону симпатичного юноши со строгим взглядом.

Интерес к В. Сидоренко возник не только у девушек. Своей серьезностью, ответственным отношением к любому делу Владимир привлек внимание деканата, который решил, что человек, прошедший армейскую школу, вполне подходит на пост старосты. Впрочем, группа вполне довольна тем, что испытывает на себе его твердую руку.

Володя служил на Дальнем Востоке. На наш вопрос о том, что дала ему армия, он ответил:

– Армия укрепила меня не только физически, но и морально. Строгая дисциплина, характер, сформировавшийся в армии, — все это помогает и в гражданской жизни. Дни, проведенные на службе, считаю полезными для себя. Строгий армейский режим победил «гражданскую» расхлябанность.

Авторитет старосты складывается из многих качеств: здесь и знания, и личное обаяние, и самодисциплина, и уважительное отношение к товарищам, и, конечно, требовательность без панибратства и заигрывания.

Все экзамены первой сессии Владимир сдал на «отлично». Причем отвечал всегда первым, прокладывая отличными ответами дорогу к сердцу преподавателя для студентов своей группы. А во время каникул Володя участвовал в археографической экспедиции.

Сейчас у старосты, как всегда, напряженная трудовая жизнь. Надо провести утреннюю «поверку» своих студентов, успеть на заседание комитета ВЛКСМ университета (Владимир возглавляет учебно-воспитательный сектор), съездить на учебу комсомольского актива. Ну и, конечно же, личные дела тоже требуют времени.

Девушки группы И-101 поздравляют Володю и всех юношей группы с Днем Советской армии!

О. Коляева, студентка группы И-101

Сюртуков Борис Николаевич (1947–1996)

Он был старше и мудрее нас…

Борис Сюртуков был самым старшим студентом на нашем курсе. Но это не мешало ему, несмотря на уже определённый рабочий опыт, наличие семьи, серьёзность и сформировавшийся характер, быть с нами, только вышагнувшими за школьный порог, на равных. Иногда так же дурачиться, шутить, быть романтиком. Но при этом он был очень целеустремленным и настойчивым, когда дело касалось учёбы. На первом курсе он был председателем профкома университета.

Боря был очень добрым человеком и яркой личностью. Помню, когда мне надо было устроить сына в ясли, чтобы иметь возможность выйти на работу, я случайно встретила Борю. Услышав, что для меня это огромная проблема, Боря пообещал мне помочь. И уже через три или четыре дня я получила направление в прекрасные ясли недалеко от дома.

Это была неоценимая помощь, и я до сего дня помню об этом и благодарна Борису за его отзывчивость и деятельное участие.

И. М. Пазойская (Новокрещенова)

Боюсь быть неточной, но говорили, что Борис рос сиротой. К моменту поступления в вуз уже был женат и имел солидный рабочий стаж. Он прекрасно рисовал и даже какое-то время работал художником. Его жена Люба была хлебосольной хозяйкой, и мы часто захаживали к ним в гости. После окончания университета Боря работал в специализированной школе-интернате для детей с ограниченными возможностями здоровья. Борис Сюртуков всегда воспринимал чужую боль как свою.

М. Н. Николаева (Потёмкина)

Шишмаренкова Анна Викторовна (1959-2000)

Логика и целеустремленность

Шишмаренкова Анна Викторовна (1959–2000)

С Аней у нас были добрые отношения. Она говорила мне: «Мы с тобой близнецы. Мы родились в один год и в один и тот же день». Как-то даже считали, кто и на сколько часов старше. Аня очень ответственная, целеустремленная, какой-то стержень твердый в ней самой жил. Так что, как бы мы там ни выясняли, кто постарше, я как-то чувствовала, что правда всегда за Аней .

В сырую холодную осень работаем на уборке картошки. Идем с Аней по одному рядку, собираем, присели, отдохнули. Не могу больше, устала. Аня подбадривает: «Ну, чуть-чуть осталось. Знаешь, ведь эту картошку обязательно побыстрее убрать надо, а рук не хватает».

После окончания университета мы начали свою трудовую деятельность. И вроде бы идем своими путями. В моей личной жизни случилось горе. Потеря самого родного человека. Были какие-то метания, растерянность. Аня предложила мне познакомиться с ее местом работы. Она работала на кафедре научного коммунизма в Челябинском политехническом институте. Заведующий кафедрой Сергей Владимирович Тулинский предложил мне работать в должности старшего лаборанта на кафедре. Аня искренне радовалась вместе со мной тому, что мне предложили вести семинарские занятия для студентов вечернего отделения по научному коммунизму. Я не очень была уверена, что справлюсь. И снова Аня: «Соглашайся, у тебя все получится». Вот уж когда я снова уселась читать и читать. Семинарские занятия по научному коммунизму – это море проблемных вопросов. Много обсуждали с Аней, спорили, интересно было и на заседаниях кафедры. Я благодарна Ане, что она смогла отчасти переключить меня на учебу и работу в то трудное время.

И совсем личное. В моей жизни Аня стала свидетелем начала и моей семьи. Смотрю на свадебные фотографии. Аня как свидетель ставит свою подпись в загсе. Как-то все она делала основательно... Живет семья... Живы не только мои студенческие, но и наши семейные воспоминания об Ане.

Л. В. Жданова (Геращенко)

Карась Василий Владимирович (1959–2012.)

Аня отличалась удивительным педантизмом. Если она бралась писать научную статью, то это был верх логики: ее стиль изобиловал строгими логическими операторами, будто она писала алгоритм для сложной программы, а не работу по истории. Впечатляющей была ее поездка в Москву (в МГУ) на целый семестр в 1990 году. Все рушилось в стране, была жуткая во всех смыслах осень и начало зимы. Сохранились ее письма, где она просит прислать ей теплые вещи, потому что и в архиве, и в библиотеке, и в аудиториях, а заодно и в ее студенческой комнате в общежитии отопления не было от слова совсем. Но из Москвы она не уехала, использовала это время максимально для своей работы.

Когда жизнь в конце концов стала более-менее стабильной, она однажды получила в ЮУрГУ (то есть в ЧПИ, где она работала) курс по конфликтологии. И он ее очень увлек! Она засела за докторскую (большое обобщение конфликтологии в историческом аспекте) и работала неимоверно упорно и сосредоточенно. Но именно тогда, когда костяк диссертации был написан, зрение упало до нуля. Аня с детства носила очки, близорукость у нее была не слишком большая, но без очков она не могла жить. Но теперь и очки стали бесполезными — сначала зрение сильно упало, а потом исчезло совсем. Практически совсем ослепшую Аню родители — известные в городе люди — к кому только не повезли, ко всяким светилам офтальмологии. Но все профессора лишь руками разводили. Пока простой участковый терапевт не направил ее на МРТ, где обнаружилась огромная (с кулак) опухоль в мозге. Она раздавила зрительный нерв. И увеличивалась довольно быстро. Никто не мог в семье ответить на вопрос, откуда и как она появилась, — у Ани даже голова никогда не болела, и она весьма презрительно говорила про людей, жаловавшихся на головную боль: «Голова — это кость. С чего ей болеть?» Поэтому развитие опухоли оказалось незримым. В Екатеринбурге согласились прооперировать, но через два дня после операции она впала в кому, а еще через две недели умерла от отека мозга. Так и осталась незавершенная диссертация, нереализованные планы и все ее начинания — занятия спортом, чтение, кулинария и кройка и шитье, которыми она с увлечением занималась с самого раннего возраста. В последний день своего сознания сказала сестре, которая была с ней в больнице до последнего дня: «Знаешь, какая песня у меня в голове крутится? Я даже спою... Эти летние дожди, эти радуги и тучи — мне от них как будто лучше, будто что-то впереди...». И вдруг умолкла на полуслове. Это были ее последние слова.

М. В. Загидуллина (сестра)

Карась Василий Владимирович (1959–2012)

Спортивная закалка

В нашей общежитской малой группе Василий был самым младшим, но превосходил нас всех физической силой и абсолютной открытостью и искренностью. С ним всегда было легко и комфортно. Это про него на совместной встрече в 2003 году А. Беляев сказал, что наш друг — «...эталон хладнокровия, самообладания и спокойствия».

Вспоминаются обстоятельные рассказы Василия Карася об истории и современной жизни города Миасс, где он жил и работал после окончания университета, а я неоднократно выезжал туда по вопросам служебной деятельности. Руководитель миасской школы № 1 с 200-летней историей, Василий Владимирович Карась делился с нами «тайнами» директорской работы и взаимодействия с городскими властями. И как спортсмен искренне гордился успехами любительской волейбольной команды, где был капитаном! Была и совместная встреча однокурсников (А. Беляев, В. Карась, А. Кокин, В. Кузьмин и я) в с. Ленинское под Миассом в 2003 году, которую организовала вдова Бориса Сюртукова Любовь Александровна.

А. И. Семёнов

Карпова Наталья Владимировна (1955–2025)

Карпова Наталья Владимировна (1955–2025)

Наша Наташа

Уверена, Наташа Карпова (Шакирова) при подготовке нашей юбилейной встречи и этого сборника воспоминаний обязательно была бы среди организаторов. Она всегда была в центре событий, наша бессменная староста. Организованная, тактичная, все понимающая, Наташа в этой должности была на своем месте.

По возрасту немного постарше нас, вчерашних школьников (за плечами — медучилище, оконченное с отличием), она, казалось, знала ответы на большинство житейских вопросов, могла дать дельный совет и даже «прикрыть» перед деканатом в сложной ситуации.

В свою первую студенческую сессию мы очень боялись подвести нашу Наташу: она ждала ребенка. И всей группой (или потоком?) выбирали имя новорожденной девочке. «Юля Шакирова — первый ребенок нашего университета» — так гордо и с полным на то основанием мы называли Наташину дочку.

Годы спустя, уже сама будучи мамой, думаю: каким же запасом сил нужно было обладать, чтобы, став мамой на первом курсе, оставаться в гуще студенческой жизни, успешно учиться и удерживать продуктивный и надежный баланс между деканатом и своим братом-студентом?

Дать ответ на этот вопрос помогает профессиональная деятельность Наташи после окончания университета. Она уехала на родину, в Новосибирскую область, где стала работать учителем истории и обществоведения в школе № 13 районного центра Коченёво. Оттуда перешла на работу в районный отдел образования. Работала ведущим специалистом, главным специалистом управления образования администрации Коченёвского района, заместителем начальника по методической работе. Выйдя на пенсию в 2016 году, она не смогла сидеть без дела и возглавила первичную организацию ветеранов педагогического труда Коченёвского района. В этом постоянном профессиональном росте, энергичном поиске нового узнаю нашу Наташу. Впрочем, уже Наталью Владимировну. По отзывам коллег, к ней за помощью и советом мог обратиться любой, от ученика до директора школы. «Любимый и глубоко уважаемый профессионал на протяжении всего ее трудового пути» — такую оценку в жизни заслужить не просто.

3 февраля 2025 года нашей Наташи не стало.

Но есть две ее дочери, Юля и Маша, удивительно похожие на маму внешне. Есть внуки, одна из внучек тоже Наташа. Наша Наташа продолжается в своих дочерях, внуках. И все мы, без сомнения, будем помнить ее – яркую, веселую и такую все понимающую.

Л. В. Пономарёва

Кузьмин Валерий Иванович (1955–2024)

Кузьмин Валерий Иванович (1955–2024)

Склонность к риску

Валерий Кузьмин был старше многих из нас, поступал в университет уже после армейской службы. Этот умелый рассказчик и спорщик, бескомпромиссный скептик всё подвергал сомнению. Энергичность и эмоциональность Валеры поражали, казалось, что взаимодействие и общение с людьми подпитывают его дух и тело. Однако импульсивность поведения иногда приводила Валеру и к рискованным поступкам.

А. И. Семёнов

Валера был человеком немалых достоинств: общителен, умен, успешен в учебе, ироничен, умел расположить к себе и сокурсников, и преподавателей. Его отсутствие всегда было заметно.

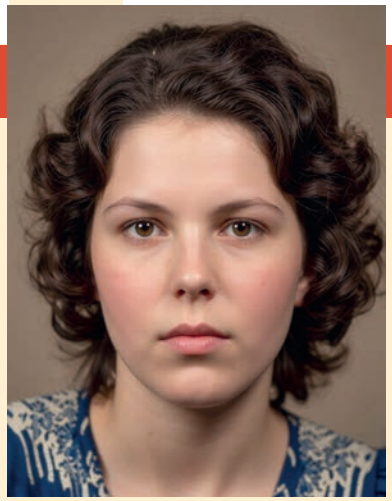
В подгруппах по латинскому и немецкому языку мы с ним были немного постарше других, может быть, поэтому и сблизились. Он с языками хорошо справлялся. И память, и способности у него были уникальные. Наши ребята, кто с ним жил в общежитии, рассказывали, как он готовился к экзаменам. Буквально накануне вечером открывал учебник, за ночь его прочитывал от корки до корки, а утром закрывал – и всё, готово. Говорили, память фотографическая, но это одно. У него в голове, мне кажется, весь материал анализировался и укладывался в особом, Валеркином, порядке. Он был мастером неожиданного вопроса, парадокса, вообще способен был внезапно все перевернуть с ног на голову.

Он был легким на подъем и надежным в дружбе. Не помню, чтобы он лез с советами... Но мог поддержать или просто сменить тему разговора. А вообще у него было умение иронично отшутиться, предложить компромисс и обойти острые углы. Не помню, чтобы мы когда-нибудь ссорились...

Осталось в памяти, что он первым сообщил мне о гибели Джона Леннона и назвал его своим кумиром. Вообще его интересы были широчайшие: музыка – от классики (особенно нравился Р. Вагнер) до современности, литература, культура Ренессанса, много знал по истории театра и о спорте.

Н. Т. Калганова

ЧелГУ
50



АКСЁНОВА (Белоусова)
Вера Александровна

Место работы:
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия, начальник отдела кадров

Город/страна проживания:
Челябинск

АТЛАНОВА (Рыжая)
Ирина Владимировна

Место работы:
Туристическое агентство «Велком» (г. Челябинск), директор

Город/страна проживания:
Челябинск

АУБАКИРОВА
Гульсара Хабиевна

Место работы:
Кандидат философских наук (1988 г.), доцент, Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова

Город/страна проживания:
Уральск, Республика Казахстан

БАВЫКИНА
Ирина Вячеславовна

Место работы:
Челябинский краеведческий (исторический) музей, сотрудник; МАУДО «Дворец детского творчества» (г. Челябинск), заведующая научно-техническим отделом

Город/страна проживания:
Челябинск

БЕЛЯЕВ
Андрей Александрович

Место работы:
Средняя общеобразовательная школа № 4, средняя общеобразовательная школа № 45 (г. Копейск), учитель истории и обществознания

Город/страна проживания:
Копейск, Челябинская обл.

БЫЧКОВА
Татьяна Валентиновна

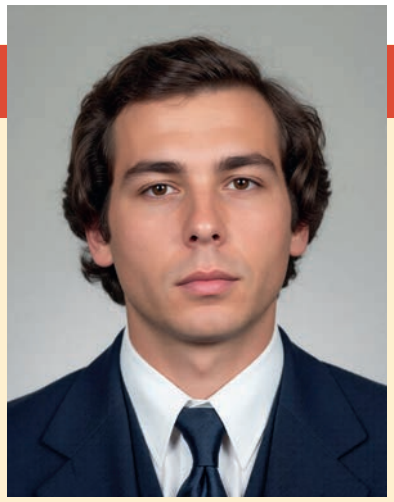
Место работы:
Средняя общеобразовательная школа № 138, (г.Челябинск), учитель истории и обществознания, завуч

Город/страна проживания:
Челябинск

ВАШКАУ
Нина Эмильевна

Место работы:
Доктор исторических наук (1998 г.), профессор. 1985–2013 гг. — Волгоградский государственный университет; с 2013 г. — профессор Липецкого государственного педагогического университета.

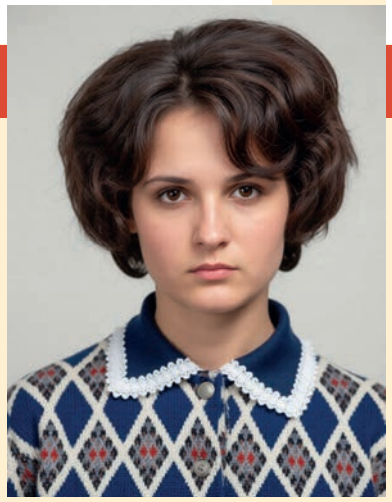
Город/страна проживания:
Липецк



ГЛУХОВ
Сергей Васильевич

Место работы:
ЮУрГУ, старший преподаватель кафедры менеджмента; с 2007 г. — директор ООО «Алгоритм»

Город/страна проживания:
Челябинск



ГРЕБЕННИКОВА
Людмила Серафимовна

ЖДАНОВА (Геращенко)
Лилия Валентиновна

Место работы:
Кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Выборгский филиал)

Город/страна проживания:
Санкт-Петербург

ЖЕРЕБЦОВ
Сергей Михайлович

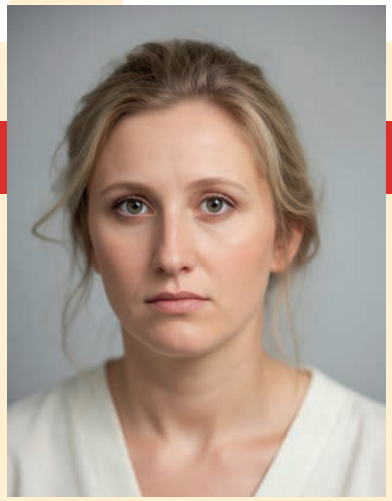
Место работы:
Кандидат исторических наук, доцент, Саткинский филиал ЮУрГУ

Город/страна проживания:
Сатка, Челябинская обл.

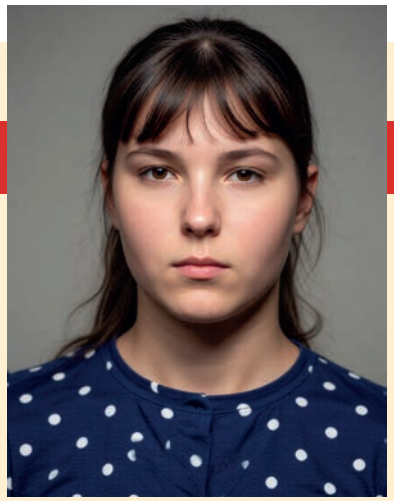
ЗАХАРОВА (Власова)
Людмила Михайловна

Место работы:
Средняя общеобразовательная школа № 96, учитель истории и обществознания; туристическое агентство «Планета-Тур» (г. Челябинск), директор.

Город/страна проживания:
Челябинск



ЗУБКОВА (Юргелинис)
Елена Ивановна



ЗУДОВА (Баландина)
Марина Володаровна

Место работы:
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (филиал г. Трехгорный), ст. преподаватель, заведующая кафедрой гуманитарно-экономических дисциплин

Город/страна проживания:
Трехгорный, Челябинская обл.

КАЛГАНОВА
Надежда Терентьевна

Место работы:
ГБОУ гимназия № 74, учитель истории и обществознания; эксперт ЕГЭ

Город/страна проживания:
Санкт-Петербург

КАРАСЬ
Василий Владимирович (1959–2012)

Место работы:
Средняя общеобразовательная школа № 1 (г. Миасс), учитель истории и обществознания; с 1992 г. — директор.

КАРПОВА (Шакирова)
Наталья Владимировна (1955–2025)

Место работы:
Коченёвская средняя школа № 1 (учитель); главный специалист Управления образования администрации Коченёвского района Новосибирской области.

КОКИН
Алексей Валерьевич

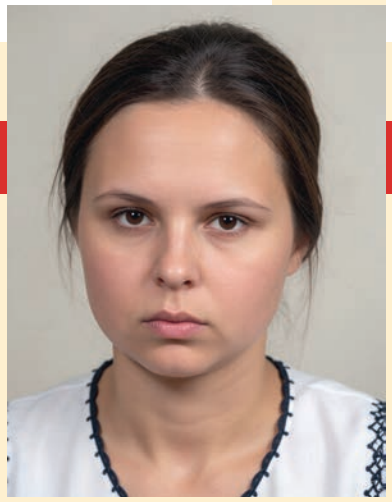
Место работы:
После ЧГУ учился в Свердловском театральном институте; член секции критиков Свердловского отделения СТД РФ (ВТО). Журналист, театральный критик, переводчик с итальянского языка.

Город/страна проживания:
Екатеринбург

КОЛЯЕВА (Мочалова, Любимчик)
Ольга Викторовна

КУЗЬМИН
Валерий Иванович (1955–2024)

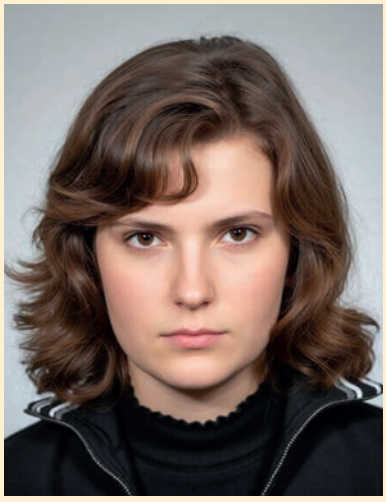
Место работы:
Учитель в школе, предприниматель.



ЛУШНИКОВА
Алла Вячеславовна

Место работы:
Кандидат педагогических наук (2007), доцент. ГУК «Челябинский областной краеведческий музей», сотрудник (1981–2006 гг.); Челябинский государственный институт культуры, ст. преподаватель; с 2007 г. — зав. кафедрой документоведения и музееведения.

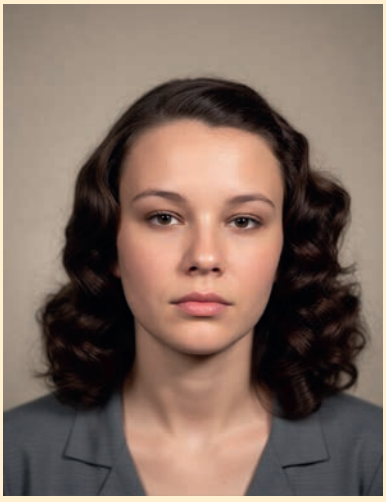
Город/страна проживания:
Челябинск



ЛЯСКОВСКАЯ (Очкина, Марцялене)
Марина Дмитриевна

Место работы:
Кандидат исторических наук (1988 г.), Челябинский политехнический институт (ЮУрГУ) — 1983–85 гг.; с 2013 г. — ООО «Технотрейд», предприниматель.

Город/страна проживания:
Москва



МАСЛЕННИКОВА
Ольга Николаевна

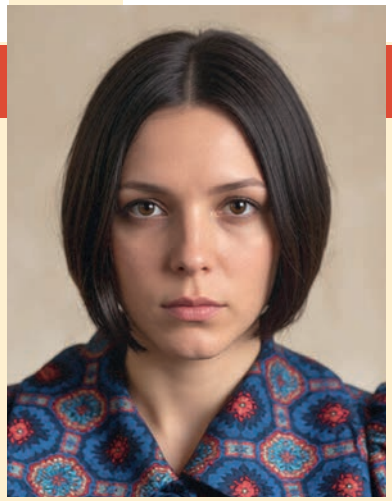
Место работы:
Магнитогорский технологический колледж имени В. П. Омельченко, преподаватель.

Город/страна проживания:
Магнитогорск, Челябинская обл.

МИЛЛЕР (Druschbin)
Мария Леопольдовна

Место работы: домохозяйка.

Город/страна проживания:
Неккарциммерн, Германия



МОРОЗОВА
Елена Алексеевна

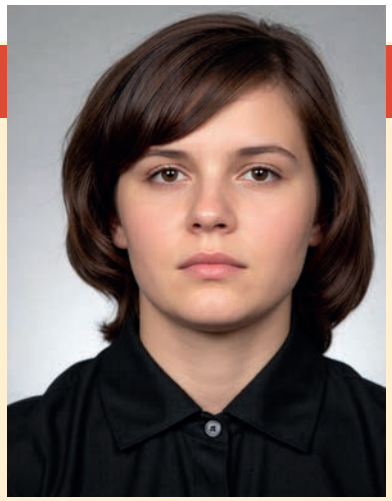
Место работы:
Учитель истории
и обществознания в школе.

Город/страна проживания:
Аша, Челябинская обл.

МОСИН
Вадим Сергеевич

Место работы:
Доктор исторических наук (2005 г.),
профессор ЮУрГУ (2007–2023 гг.);
с 1993 г. — заведующий южноуральским
отделом Института истории и археологии
УрО РАН; с 2005 г. — директор
Южно-Уральского филиала Института
истории и археологии УрО РАН.

Город/страна проживания:
Республика Крым



НИКОЛАЕВА (Потёмкина)
Марина Николаевна

Место работы:
Доктор исторических наук
(2004 г.), профессор. Средняя
общеобразовательная школа № 65,
учитель истории и обществознания —
1981–1994 гг.; с 1995г. — Магнитогорский
государственный университет, после
реорганизации — МГТУ им. Г. И. Носова,
зав. кафедрой, декан исторического
факультета; ведущий научный
сотрудник Центра экономической
и социальной истории РАНХиГС при
Президенте РФ (г. Москва) — с 2019 г.

Город/страна проживания:
Магнитогорск, Челябинская обл.

НИЛОВА (Трошкова)
Елена Анатольевна

Место работы:
Кандидат исторических наук (1989 г.),
доцент кафедры социальной работы
и социологии ЧелГУ (2012–2018 гг.)

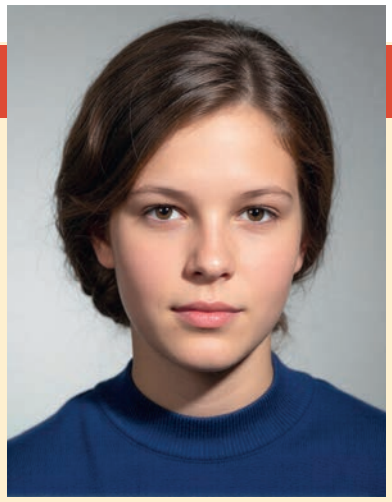
Город/страна проживания:
Челябинск

НОВОКРЕЩЕНОВА (Кузьмина)
Светлана Николаевна

Место работы:
Учитель в школе, психолог
в детском саду.

Город/страна проживания:
Челябинск

ОСОКИНА
Ирина Вячеславовна



ОСТРОУШКИНА (Бецкова)
Людмила Алексеевна

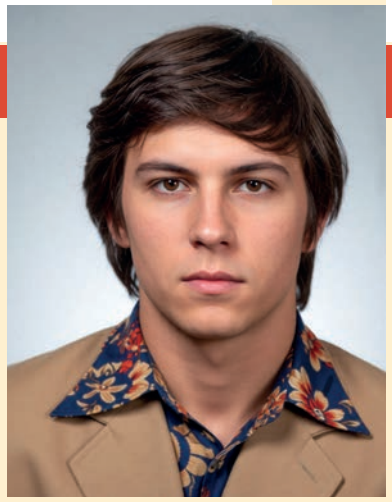
Место работы:
Кандидат исторических наук (1987 г.), доцент кафедры социально-гуманитарных наук Челябинского государственного медицинского университета.

Город/страна проживания:
Челябинск

ПАЗОЙСКАЯ (Новокрещенова)
Ирина Марковна

Место работы:
Челябинский краеведческий (исторический) музей; Музей обороны и Музей моды Москвы; старший научный сотрудник. Главный бухгалтер холдингов NOSTA и SOLVALUB.

Город/страна проживания:
Москва



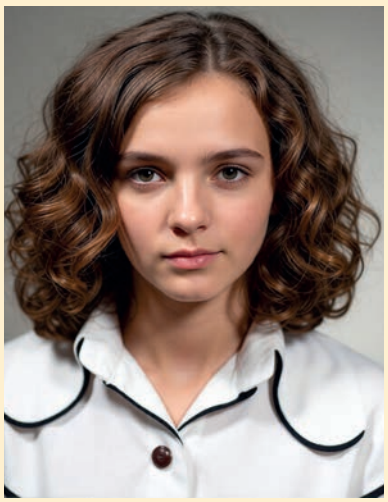
РОВНЫЙ
Борис Игоревич

Место работы:
Доктор исторических наук (2004 г.), профессор ЧелГУ; 1988–1996 гг. — заведующий кафедрой всеобщей истории; Южноуральский институт экономики и управления (г. Челябинск), 1996–2000 гг. — ректор; с 2005 г. — проректор по внешним связям.

Город/страна проживания:
Челябинск

ПОТЁМКИН
Дмитрий Иванович (1959–1997)

Место работы:
Средняя общеобразовательная школа № 65 (г. Магнитогорск); 1981–1987 гг. — учитель истории и обществознания; 1987–1997 гг. — директор школы.



ПОНОМАРЁВА
Лариса Васильевна

Место работы:
Журналист газеты «Озёрский вестник»; ведущий архивист Озёрского муниципального архива.

Город/страна проживания:
Челябинск

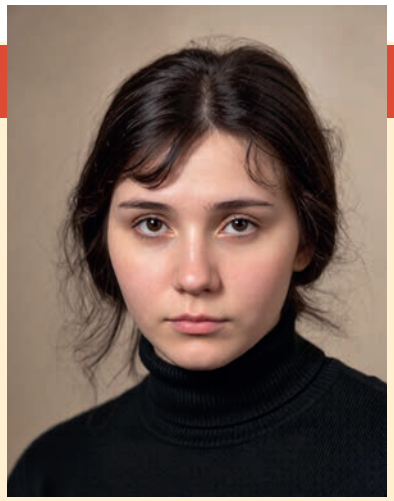
САЛТРУКОВА (Прахова)
Елена Владимировна

Город/страна проживания:
Ульяновск

СЕМЁНОВ
Александр Иванович

Место работы:
Кандидат исторических наук (2000 г.), доцент, полковник полиции в отставке, почетный сотрудник МВД; с 1983 по 2011 гг. проходил службу в органах внутренних дел на должностях начальствующего состава; с 2012 по 2025 гг. преподавал в ЮУрГУ и ЧелГУ.

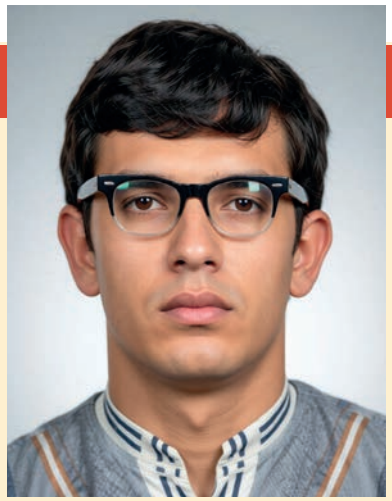
Город/страна проживания:
Аша, Челябинская обл.



СЁМОЧКИНА
Екатерина Ивановна

Место работы:
Кандидат исторических наук (1988 г.), доцент; средняя общеобразовательная школа № 121, учитель истории и обществознания – 1981–82 гг.; ЮУрГУ, доцент –1982–2018 гг.

Город/страна проживания:
Челябинск



СИДОРЕНКО
Владимир Петрович (1955–1981)

Староста группы И-101/501

СИНИЦЫН
Алексей Владимирович

Место работы:
Инструктор Челябинского обкома ВЛКСМ, бизнесмен.

Город/страна проживания:
Челябинск

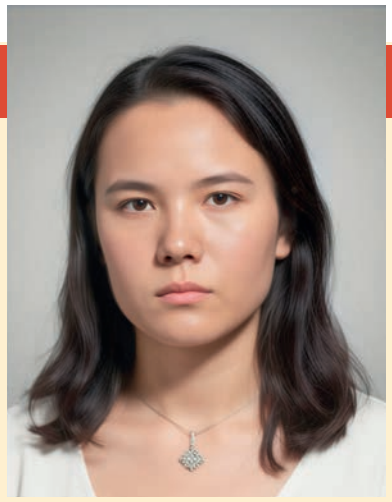
СМИРНОВА (Пушнина)
Надежда Константиновна

Место работы:
Средняя общеобразовательная школа № 12, учитель истории и обществознания, завуч.

Город/страна проживания:
Челябинск

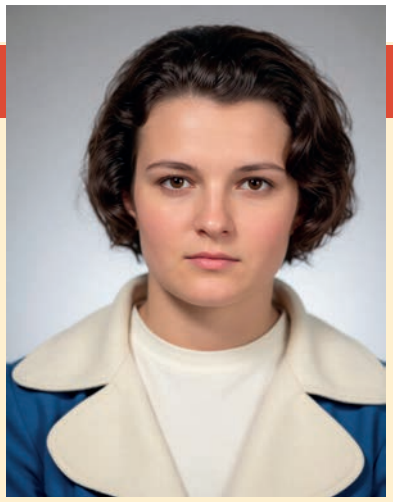
СЮРТУКОВ
Борис Николаевич (1947–199..)

Место работы:
Специализированная школа-интернат № 4 (г. Челябинск)



ТИМОФЕЕВА
Ольга Александровна

Место работы:
ГУК «Челябинский областной краеведческий музей», сотрудник.



ТИТАРЕНКО
Наталья Григорьевна

Место работы:
Кандидат исторических наук (1991 г.), доцент; Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. Далее нет данных.

Город/страна проживания:
Костанай, Казахстан

ШИРШОВА
Татьяна Васильевна

Город/страна проживания:
Калининградская область

ШЕВЦОВА
Татьяна Владимировна

Место работы:
Научное общество учащихся г. Златоуста, Челябинский государственный институт культуры, ст. преподаватель; Кемеровский государственный университет (филиал, г. Белово), преподаватель общественных дисциплин; Сибирская Академия финансов и банковского дела (г. Новосибирск), зав. отделом довузовского образования.

Город/страна проживания:
Новосибирск

ШИШМАРЕНКОВА
Анна Викторовна (1959–2000)

Место работы:
Кандидат исторических наук (1986 г.), доцент; ЮУрГУ.

ЯБЛОНСКАЯ
Людмила Михайловна

Место работы:
Кандидат исторических наук (1990 г.), доцент, подполковник милиции в отставке; Челябинский юридический институт МВД (2002–2005 гг.), Челябинский государственный университет (2008–2012 гг.); Кубанский государственный университет (2015–2018 гг.)

Город/страна проживания:
Геленджик, Краснодарский край

ЧелГУ 50

ЧЕЛГУ

09

Список источников и литературы

Источники

1. Архив Отдела документационного обеспечения управления ФГБОУ ВО «ЧелГУ».
2. Воспоминания Загидуллиной Марины Викторовны.
3. Воспоминания студентов-историков первого набора ЧелГУ: Бавыкиной Ирины Вячеславовны, Беляева Андрея Александровича, Вашкау Нины Эмильевны, Ждановой (Геращенко) Лилии Валентиновны, Зудовой (Баландиной) Марины Володаровны, Калгановой Надежды Терентьевны, Николаевой (Потёмкиной) Марины Николаевны, Новокрещеновой (Кузьминой) Светланы Николаевны, Остроушкиной (Бецковой) Людмилы Алексеевны, Пазойской (Новокрещеновой) Ирины Марковны, Пономарёвой Ларисы Васильевны, Семёнова Александра Ивановича, Сёмочкиной Екатерины Ивановны, Синицына Алексея Владимировича, Шевцовой Татьяны Владимировны, Яблонской Людмилы Михайловны.
4. Дышать свободой: Книга о Юрии Кирьякове. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. 320с.
5. Коллекция материалов по устной истории исторического факультета ЧелГУ (© Назыров П. Ф.): воспоминания, документы, визуальные источники.
   – Документы 1976–1979 гг. из коллекции проекта по устной истории истфака.
   – Интервью с Б. И. Ровным. 2000 г. Аудиозапись, расшифровка.
   – Интервью с Г. П. Сусловой. 2000 г. Аудиозапись, расшифровка.
   – Фотоархив проекта.
6. Челябинский университет. Печатный орган Челябинского государственного университета. Сентябрь 1976 г. — июнь 1981 г.

Литература

1. Время Степь Дороги... / под ред. А. М. Кисленко и др. Челябинск, 2007. С. 63, 87 (фото).
2. Гришина Н. В. Самоощущения университариев в период актуализации памяти корпорации (на примере юбилейных текстов региональных вузов) // Шкатовские чтения : материалы Международной научной конференции. Челябинск, 2024. С. 575–578.
3. Назыров П. Ф. Георгий Форстман: человек у истоков ЧелГУ // Magistra Vitae : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10. № 2. С. 105–113.
4. Назыров П. Ф. Исторический факультет ЧелГУ: первые десятилетия // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). С. 59–65.
5. Назыров П. Ф. Исторический факультет ЧелГУ: первые десятилетия (продолжение) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 34 (249). С. 125–132.
6. Форстман Г. В. Открытие первого университета в Челябинске // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1 (11). С. 5–19.
7. Эльфонд И. Я. Профессор Я. А. Эльфонд (Штрихи к портрету) // Вестник Челябинского университета. Серия 1: История. № 2 (16). С. 128–133.

Сетевое электронное издание

«GAUDEAMUS» НАВСЕГДА. ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ИСТОРИКОВ ЧелГУ (1976–1981)

Авторский коллектив:
И. В. Бавыкина, А. А. Беляев, Н. Э. Вашкау, Л. В. Геращенко, М. В. Баландина, Н. Т. Калганова, М. Н. Потёмкина, С. Н. Кузьмина, Л. А. Бецкова, И. М. Новокрещенова, Л. В. Пономарёва, А. И. Семёнов, Е. И. Сёмочкина, А. В. Синицын, Т. В. Шевцова, Л. М. Яблонская

Под общей редакцией *М. Н. Потёмкиной*

Эксперты в области подготовки архивных материалов:
кандидат исторических наук, доцент,
декан историко-филологического факультета *Н. В. Гришина*,
кандидат исторических наук, доцент *П. Ф. Назыров*

Рабочая группа:
Дизайн-проект: *С. А. Фриз*
Дизайн и верстка: *С. С. Фельдман*
Корректура: *С. В. Ястребовой*

Подписано к использованию: 06.04.26.
Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Shakespeare Antiqua»
Уч.-изд. л. 20. Заказ 116

Издатель:
Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Подготовлено в издательстве Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б

ISBN 978-5-7271-2132-0